

1

2012

РОССИЯ XXI

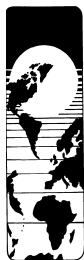
1.2012 январь-февраль

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Время турбулентности _____ **6**

Геоглобалистика

Игорь Максимычев

Россия – Германия – Европа.
От Советского Союза к Российской
Федерации: наши дипломаты в Берлине
в 1990–1992 гг. (окончание) _____ **22**

Роман Хасиев

Азиатский водный транзит _____ **48**

Европейские параллели

Александр Кожановский

Народы Испании: региональная общность
против общности генетической _____ **64**

Ярлыки и мифы

Марина Федотова

Севастопольская оборона
1854–1856 годов
в пространстве памяти _____ **84**

Россия в мире

Зоя Бочарова

«Без оздоровления России
невозможно восстановление
Европы». Помощь Ф.Нансена
голодающей России и
международное сообщество ____ **110**

Исаак Розенталь

Русское зарубежье, еврейский
вопрос... (20–40 годы XX века) _ **130**

Актуальный архив

Виктория Герасимова

К истории иудео-христианских
взаимоотношений в России в первой
половине XVIII века _____ **160**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

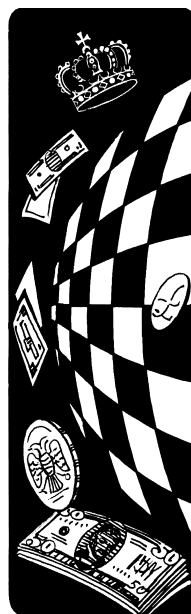
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

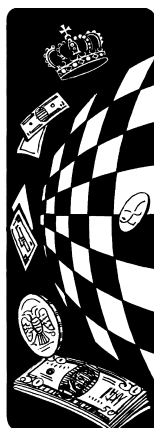
Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть. Одним словом, совесть – это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации.

Так или иначе, воспитание больше чем когда-либо становится воспитанием ответственности. А быть ответственным –

значит быть селективным,
избирательным ... Смысл – это
всякий раз и конкретный смысл
конкретной ситуации. Это всегда
«требование момента», которое,
однако, всегда адресовано
конкретному человеку. И как
неповторима каждая отдельная
ситуация, так же уникален и
каждый отдельный человек.

Виктор Франкл

Сергей Кургинян

ВРЕМЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ¹

The author deals with the Russian here and now and with the current political process. Our time may be characterized as the time of turbulence and ambiguity. Russia and the outer world are captured by ambiguity: the power is ambiguous but the opposition is ambiguous too. And the drama of disagreement with the glamour violence of the upper strata, the drama the people is experiencing right now is also ambiguous. Yet we have to provide an honest answer to the question: what is the price we have to pay for the current political instability? It is possible to appraise the current situation only from the position of ideals based on the genuine patriotism. And such patriotism is incompatible with the playing into the hands of forces that are interested in the political and military weakening of Russia.

Ключевые слова: двусмысленность; турбулентность; идеалы; патриотизм; оранжизм.

Key words: ambiguity; turbulence; ideals; patriotism; «orange revolutions».

E-mail: ecc@ecc.ru

---

¹ По материалам выступления в передаче «Смысл игры-6». Интернет-телевидение ЭТЦ.

Ситуация сегодня острая до предела.

Я занимаюсь реальной политикой более 25 лет. И такой острой, такой напряженной, такой сложной и двусмысленной ситуация не была никогда. Даже в чудовищную эпоху перестройки, даже перед 91 годом. Ситуация опасна, сложна и двусмысленна.

Двусмысленно очень и очень многое. Двусмыслен Кремль, поделившийся на части внутри себя и частью своей очевидным образом заигрывающий с американцами. Двусмысленны сами американцы и НАТО. Двусмысленна «оранжевая» улица, заигрывающая и с либеральным Кремлем, и с НАТО. Двусмысленны коммунисты. И это, может быть, самое тяжелое из того, что есть. Все двусмысленно, и в эту двусмысленность втягивают народные массы, которые не обязаны вникать во все это. Слишком сложное, слишком двусмысленное, слишком противоречивое варево, которое засасывает, как засасывают огромные воронки.

Когда-то было сказано, что наступил период турбулентности. Да, турбулентность, глобальная турбулентность пришла и по нашу душу. Турбулентность – это такие вихри, водовороты, воронки, когда все волочит, как щепки, в огромном потоке. И для того, чтобы это все не кончилось катастрофой, нужно, чтобы огромное количество людей – простых людей, людей, ранее политикой не занимавшихся, – осознало ситуацию во всей ее сложности и противоречивости. Это почти невозможно. Но для того, чтобы осознание стало реальностью, нужно сделать все возможное и невозможное.

И я это сделаю.

Я понимаю, что в такой период турбулентности, гигантской общественной перевозбужденности, граничащей с нервозностью, психозом, мало говорить о смысле событий и восклицать: «Люди, какая вам разница, кто я такой, дважды два ведь – все равно четыре». Нужно еще говорить и о себе, потому что прежде всего будут спрашивать: «А ты-то кто? А почему об этом говоришь ты? А в Интернете о тебе то-то и то-то написано». Понимая это и понимая ответственность за то, что происходит, я переламаываю себя и занимаюсь тем, чем никогда не хотел заниматься. То есть емкой, короткой манифестацией собственной позиции, ответом на вопрос, кто я такой. Я никогда не хотел этим заниматься еще и потому, что считал, что моя позиция слишком ясна тем, кто знаком с моей деятельностью на протяжении десятилетий – с моими текстами, с моими поступками. И что в таких вопросах в конце концов решающее значение имеет не заявление, которое ты делаешь сейчас, а прожитая жизнь. Но – смута у порога. Воистину она у порога, а вместе с нею рука

об руку идет вот эта самая перевозбужденность, знакомая мне по Перестройке, она же социально-психологический коллективный невроз, психоз и так далее. И поскольку в этой ситуации планировать свое политическое поведение должны люди, которым в предшествующую эпоху было глубоко наплевать на то, что именно я писал, что именно я делал и говорил, то, перед тем как обсуждать ситуацию, я что-то скажу о себе.

Что придает смысл человеческой жизни? Идеалы. Я считаю, что только они. Если у человека есть идеалы, которые у него внутри – в сердце, в сознании, – то у жизни есть смысл. А также все остальное: вкус, цвет, запах, энергетика, реальное содержание и все прочее. Потому что, вообще-то говоря, честно говоря, положи руку на сердце, жизнь – штука крайне безусловная. Люди стареют, теряют близких, умирают, болеют и т.д. И вот пока есть идеалы, все эти невзгоды можно сносить. Можно любить других, можно сострадать другим, можно составлять вместе с этими другими единое целое. И не важно, маленький это коллектив или огромная страна. Все равно. Можно избежать такого воющего одиночества и всего, что связано с ним. Но главное, наверное, даже не это, а то, что пока идеалы есть – есть новизна, в жизни открываются новые страницы. Ты можешь идти наверх, восходить, открывать для себя что-то страшно важное, новое, восхищаться, говорить: «Надо же, я думал, что все уже понятно, а на самом-то деле о-го-го!»

Если ты сохранил идеалы – ты сохранил молодость. Внутреннюю молодость. Потому что только идеалы, я убежден в этом, повторю, на тысячу процентов, противостоят самому страшному, самому губительному и унижительному заболеванию – внутреннему старению. Говорят, что идеалы с возрастом меняются. Я в это не верю. Если это и происходит, то крайне редко. И сопряжено с огромными катастрофами. Чаше же всего происходит другое. Идеалы не меняют – идеалам изменяют. А изменивший идеалам человек превращается в живого мертвеца. Лучше всего об этом сказано у Блока: «Живым, живым казаться должен он». И еще в том же стихотворении сказано: «То кости лязгают о кости». Так вот, я никогда не хотел стать таким живым мертвецом, усевшимся в совсем-совсем длинную машину, даже с мигалкой или с кортежем. А также усевшимся на яхте или рассевшимся в каком-нибудь дворце. Я всегда понимал, что, пока ты не живой мертвец, а человек, тебе доступно пусть горькое, но счастье человеческой жизни.

А когда ты становишься живым мертвецом, то все очень сладко, но это сладкое унижение. Многие по этому поводу говорят: «У нас все в шоколаде». Короче, пусть тот, кто хочет, предаст идеалы, и говорит при

ВРЕМЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

этом, что они у него с возрастом изменились, и становится живым мертвецом. Пусть тот, кто хочет, говорит, что он, вообще-то, может обойтись без идеалов: зачем они нужны? Он такой прагматик, у него все хорошо, у него такая корневая система, он и так живет счастливо.

Но для меня лично идеалы – это главное. И их потеря невосполнима ничем. Ни шубами, ни Bentley и яхтами, ни вертушками и постами – ничем. И я как-то с особой остротой понимал это с раннего детства. Именно поэтому я никогда не был и не мог стать ни горбачевцем, ни ельцинистом, ни путинистом. Потому что однажды и навсегда в ранней молодости, не сказать – в ранней юности, я присягнул коммунистическим идеалам, я как-то восхитился ими внутренне. И эти идеалы останутся для меня спасительными и священными до конца жизни. Зачем мне их обменивать на что-то, когда я понимаю, что это, мягко говоря, крайне неэквивалентный обмен.

Я был верен этим идеалам тогда, когда нынешний антикоммунист (он же ортодоксальный коммунист раньше), главный редактор «Московского комсомольца» теперь (и работник ЦК ВЛКСМ раньше), Павел Гусев, мой сокурсник по институту, требовал, чтобы меня исключили из комсомола за ревизионизм, и писал по этому поводу соответствующие бумаги. Я был верен этим идеалам и тогда, когда началась Перестройка, и я мог получить все, что угодно, если бы даже не предал эти идеалы, а просто что-нибудь смикшировал. Вместо этого в разгар антикоммунистической истерии, по отношению к которой нынешняя истерия – это ничто или пока что ничто, я написал книгу о коммунистическом будущем, о коммунистической перспективе, которая называлась «Постперестройка». И меня за это начали тогда травить по полной программе. Так сейчас уже травить не могут: общество стало слишком циничным для того, чтобы его можно было так сильно на кого-то натравить. И именно тогда номенклатурщик, вовремя ставший антикоммунистом, Юрий Афанасьев, воскликнул на такой специфической антикоммунистической организации «Московская трибуна»: «Надо же, смотрите, какую книгу издал Кургинян! Знаете, с этим надо кончать! А то ведь у коммунистов появляются мозги, а вслед за мозгами может появиться и воля».

Я и потом был верен этим идеалам. Тогда, когда меня таскали по прокуратурам. Сначала после ГКЧП, когда я, ничего не зная про это ГКЧП, просто для того, чтобы не рвать партбилет, как другие, и не вставать в двусмысленную позицию по отношению к арестованным друзьям, а занять определенную позицию однажды и навсегда, сказал, что я идеолог чрезвычайного положения. Я им не был. Я взял это на себя ради верности идеалам.

Я был верен этим идеалам после расстрела Дома Советов. Меня вывели оттуда под дулами автоматов. Развивая коммунистическую идеологию во имя верности этим идеалам и во имя того, чтобы эти идеалы НЕ превратились в догмы, я написал сотни статей и издал несколько больших книг. За 25 лет моей публичной политической деятельности я никогда не сказал ничего, что могло бы быть истолковано не только как посягательство на эти идеалы, но даже просто как фигура некоего компромисса. Я сказал очень много, слишком много, яростно защищая эти идеалы, и не только защищая, но и развивая их. Потому что я идеолог по профессии и призванию. Во имя верности этим идеалам я посылал куда подальше всех, кто предлагал мне разного рода возможности, говоря: «Ну, умоляем Вас, ну, Вы же можете войти в правительство, Вы же можете получить какие-то другие посты. Только скажите, пожалуйста, мягко и однажды, что в "Постперестройке" Вы, так сказать, пошутили. Все!»

Во имя этих идеалов я ставил спектакли, занимался аналитикой, культурологией, работал в горячих точках. Наконец, во имя этих идеалов я участвовал в передачах «Суд Времени», создал передачу «Суть времени», пошел на телепередачу «Исторический процесс». Во всех случаях мне удалось завоевать одобрение аудитории, приобрести множество сторонников. И это в совсем уже немыслимой ситуации беспрецедентного давления. И я пойду снова, хотя ситуация вокруг телевизионного проекта «Исторический процесс» стала прямо-таки запредельной.

И во имя верности этим идеалам я критиковал и буду критиковать Зюганова. За половинчатость, а не за что-то другое. Все, кто не предвзят, понимают, что одновременно с критикой Зюганова я сделал для него и раньше, и теперь (и сделаю в дальнейшем) больше, чем кто угодно другой, включая его самого. Потому что речь идет не о моем отношении к Зюганову, а о моей верности определенным идеалам. Я сделаю это в любом случае, даже если вся КПРФ целиком будет меня поносить. Но я никогда не позволю людям, представляющим священные для меня идеалы, перейти грань между политической борьбой и национальной изменой. Грань между антипутинизмом и оранжизмом. Дилетанты, обеспокоенные ростом моего авторитета в коммунистической среде, вышли за все мыслимые и немыслимые рамки. На сайте КПРФ уже заявили, что меня жена моя выгнала из дома. Это уже предел падения, пошлости, глупости и всего остального.

Кроме таких дилетантов, есть и профессионалы (канадские, американские и другие), которые работают в Интернете не покладая рук. Ви-

ВРЕМЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

димо, они получили задание разобраться со мною как повар с картошкой. И все, что смогли выискать, это чью-то листовку без подписи. Непонятно, кем сотворенную листовку, в которой говорилось в 1989 или 1990-м году какими-то сторонниками Кургиняна (то ли незнакомыми мне людьми, то ли провокаторами, то ли какими-то, так сказать, простакми), что, если республики СССР будут отделяться, им надо выставить счет в том, что касается платы за сырье и за многое другое. Ни одного моего текста – аутентичного, подлинного текста, в котором бы я что-нибудь непоследовательное сказал в плане отстаивания коммунистических идеалов, – найти никто не сумел. Потому что нельзя найти черного кота в черной комнате, если его там нет! В силу отсутствия этого кота те, кто его очень долго искал, выволокли на свет эту жалкую глупенькую листовку, демонстрируя свое бесплодие, свою несостоятельность, а также мою верность коммунистическим идеалам. Я не говорю, что эта листовка сама по себе является чем-нибудь плохим. Самое смешное заключается в том, что она довольно наивная, такая вялая, серенькая... Но она абсолютно незловредная! Она совершенно нормальная.

Что можно было сказать в это время республикам, которые хотели отделиться, ну что? Что их танками задавят? Во-первых, кто их задавит? Горбачев не то что танками их не хотел давить – он их всячески обласкивал и отталкивал, обласкивал и отталкивал. А во-вторых, к чему бы это привело? А вот выставить этим республикам полный счет – экономический (цены на сырье), геополитический (знаете, как говорят сепаратистам в Канаде? «Если делима Канада, то делим и Квебек») – было возможно. Т.е. можно было сказать: «Если делим СССР, то делимы и Грузия, Молдавия, Украина и т.д.». А также выставить демографический или политико-демографический счет. Т.е. сказать, что мы категорически настаиваем на равноправии всех граждан нашей страны, где бы они ни проживали. Если так называемые русскоязычные проживают в Латвии и т.д., то надо признать, что если вы отделяетесь, то они такие же граждане, как латвийцы, у них те же права и т.д. И эти права должны быть особо защищены во всех вопросах: язык и прочее...

Если бы это было сказано, то неминуемо обернулось бы ВОЗВРАТОМ республик в СССР, они бы не начали отделяться! Подумали бы десять раз перед этим украинцы и другие, что будет, если мы что-нибудь заявим о делимости Украины или Грузии и т.д. И никуда бы НЕ ДЕРНУЛИСЬ!

Поэтому в листовке-то этой, серенькой, такой тривиальной, обычной патриотической тех времен, ничего ПЛОХОГО не написано! Она просто серая, просто обычная, очень отражающая патриотизм своего вре-

мени... Ну и что? Это все, что удалось нарыть на меня в порыве антикоммунистичности – чужую листовку 1989-го года, насквозь добропорядочную и серенькую, непохожую на то, что я писал?

Повторяю. Мне очень интересно, как гора, сооружаемая зарубежными технологами, рождает эту невинную мышь и как технологи, зажмурившись, отчаянно орут: «Посмотрите! Вот он, этот чудовищный дракон двусмысленности! Ууу!!! Какой ужас!»

Что еще наковырял дружный коллектив после моего заявления об альтернативном митинге, одновременно и антивластном, и «антиоранжевом»? Они испугались просто до умопомрачения и стали искать на меня новый компромат... Что еще нарыл дружный коллектив? Мое заявление в какой-то ранней работе, что поздний сталинизм маразмизировал. А что, он не маразмизировал? Предательство соратников Сталина, грызня позднесталинских кланов, подбиравшихся к горлу вождя... Вождя, не сумевшего, между прочим, ни консолидировать кланы, ни выдвинуть преемника, ни зачистить кланы! Вождя, который героически руководил страной после инсультов! И вождя, которого, поскольку он всего этого не сумел, растоптало его ближайшее окружение сразу после смерти. Вот это все вместе не маразм? А если бы не было маразма, то мы бы жили в СССР! Правда?

Китайцы сумели обеспечить преемственность власти, а Сталин не сумел. Ну, не сумел! По ФАКТУ! Старался, хотел, но ведь НЕ СУМЕЛ! Политики такого масштаба, как Сталин (а Сталин – это гениальный, выдающийся политик своего времени), не могут сослаться на обстоятельства. Они отвечают за РЕЗУЛЬТАТ. Преемственности не было! Если бы она была, мы жили бы при СССР. Поскольку был этот поздний маразм, мы живем там, где мы живем.

Сейчас, когда я это сказал, мы подходим к самому главному. Я восхищался СССР и восхищаюсь. Дело моей жизни – восстановление СССР. И я это дело завещаю своим наследникам и своим преемникам. И найду таких преемников, в отличие от Иосифа Виссарионовича. Для этого создана организация «Суть времени». Все недостатки СССР меркнут перед его достоинствами. Все жизненные неудобства в СССР – ничто по сравнению с тем благом, которое он с собой нес гражданам страны и мира. Но люди, втянутые сейчас в воронку турбулентного безумия, должны отдавать себе отчет в одном стратегическом изъяне СССР, в одном-единственном: в том, что его нет. Вы слышите: его нет! Его уже 20 лет нет.

Проводя цикл передач «Суть времени», создавая организацию «Суть времени», я постоянно говорил, что нельзя перекладывать ответствен-

ВРЕМЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

ность за распад СССР на каких угодно иноземцев, на любые злые внешние силы. Это не значит, что подобных сил не было и что они не чинили своих происков. Они чинили происки (и еще ого-го какие!) Я очень хорошо знаю, чем была Перестройка, и именно потому очень хорошо понимаю, что такое «Перестройка-2», которая началась 4 года назад и сейчас входит в самую острую фазу. «Перестройка-1» – это когда Горбачев и Яковлев, руководя КПСС, привязывали Партию к столбу канатами и наручниками. После этого говорилось, что идет свободный демократический бокс: диссиденты избивают Партию, а она привязана и должна изображать собой беспомощного боксера. А привязали ее к столбу руководители Партии... Вот 4 февраля будет новый митинг в годовщину митинга за отмену 6-ой статьи Конституции СССР (о том, что КПСС – руководящая и направляющая сила – правящая партия попросту). Я хорошо знаю, достоверно, очень точно знаю о том, что в 1990 году Горбачев и Яковлев давали Московскому горкому партии распоряжение выводить людей на митинги. А когда люди спрашивали: «Почему мы должны выходить на митинги против самих себя?» – им говорили: «Так решило высшее руководство, ему виднее, у нас дисциплина». И поэтому мне очень легко понять, что происходит на Болотной площади сейчас, почему туда выходят звезды, откуда берутся деньги, как именно и кто освещает по телевидению происходящее, – мне это очень хорошо понятно. И, конечно, я понимаю, что если бы не Горбачев и Яковлев, если допустили бы действительно свободную дискуссию, то Партия отбилась бы.

Но почему КПСС не освободилась от Горбачева и Яковлева? Почему это не сделали пленумы, съезды? Почему Съезд народных депутатов СССР, уже все понимая, не объявил импичмент Горбачеву? В условиях, когда фактическое большинство было у КПСС? Короче. Как бы прекрасен ни был СССР, а для меня он прекрасен при всех его частных недостатках и порожденных этими недостатками жизненных дискомфортах... Как бы ни был прекрасен СССР, но раз его нет, то были стратегические изъяны, были. А значит, их надо выявить и исправить, да? Выявить и исправить.

А значит, нужна не просто реставрация СССР, которая вдобавок и невозможна, – нужен **СССР 2.0**. «2.0» – это такой жесткий компьютерный образ... знак. То есть это глубокий upgrade, существенно новая, исправленная редакция того же самого.

Так же и с коммунизмом. Надо, во-первых, глубже вообще понять, что такое коммунизм. Какова его история, какую традицию он наследует? Куда эта традиция направлена, в какое будущее? Это же не может

быть одна точка. Это историческая линия, иначе мы ничего не поймем. Во-вторых, надо сделать поправки на очень новые явления, которые происходят в жизни мира. Между прочим, эти явления при том, что коммунизм находится в крайней точке своего исторического падения, дают коммунизму, как я убежден, огромные перспективы в XXI веке. Потому что именно сейчас, да-да, именно сейчас, буржуазия почти открыто предала идею развития, отбросила идею развития и превратилась из исторического класса в антиисторический класс. А значит, у всего антибуржуазного, а коммунизм – это крайнее антибуржуазное выражение идеи Развития, есть свое будущее.

Но это будущее надо суметь добыть. Нужно понять, как оно связано с прошлым, как оно связано с нынешней стратегической новизной, и что-то предложить миру. Вот именно это мы и называем Сверхмодерном. Но вопрос тут не в названии, вопрос в новом историческом проекте – проекте, способном продолжить историю в момент, когда ее пятисотлетняя эпоха завершается, а буржуазия предает главное, что было у нее в виде позитивного содержания, – предает Историю, предает идею Развития. Даже в том варианте, в котором она ее провозглашала вместе с Великой Французской революцией: «Свобода! Равенство! Братство!»

Короче, сейчас не время реставраторских нюнь. Сейчас время стратегического футуристического красного реваншизма. Реставрация обречена на провал, она жалка и никчемна. Реванш возможен в случае, если найдется стратегическая новизна, если она оседлает волну времени, волну вот этой самой турбулентности. И если, оседлав волну, она на этом политическом серфинге ворвется во второе двадцатилетие XXI века. Может быть, если она этого не сделает, то миру всему конец. И сделать это способна именно Россия, я убежден. Реванш основан на анализе ошибок и их исправлении. Это как когда боксер хочет выиграть новый раунд, и он все время обсуждает с тренером: «А как я вот этот удар пропустил, а как тот? А какие недостатки были в моей атаке, а какие в моей обороне, а какую я выбрал неправильную линию?» Он мучительно это обсуждает, потому что он был в нокауте и он хочет победить. Реставрация никогда ничего не обсуждает, она всегда говорит, что все было замечательно, что судья подсуживал, что пол кто-то там полил маслом и что тогда была победа, а нового матча не будет, потому что... Потому что потому, что кончается на «У»...

В реванше есть воля и есть новизна, и в принципе это отличает нас от Зюганова. А еще нас отличает от коммунистов, пришедших на Болотную, – не дай им Бог продолжить эту линию – то, что мы патриотические коммунисты, или то, что называется коммуно-патриоты. Господа либералы

считают это ругательным словом, а для нас красно-георгиевская лента – гордый знак. И мы никогда не пойдем ни на какие шашни с антипатриотическими силами, с пятой колонной, с очевидными предателями, а также с иноземцами, которые хотят использовать здешние противоречия в собственных интересах. А это уже несовместимо с жизнью нашего народа и нашей страны. Мы никогда на это не пойдем.

И лучше бы с этим познакомились «друзья», которые что-то про меня сочиняют. Познакомились повнимательней, а не искали бы черного кота в черной комнате, потому что там его нет. Нет и нет. Лучше бы не чужими листовочками занимались, которые не я писал, не выковыриваниями слов, а вспомнили, как Зюганов в 1996 году во всеуслышание и на всю страну заявил, написал, вбил в свои главные тексты и заставил Партию сказать, что Россия исчерпала лимиты на Революцию.

Было сказано это или нет? Да или нет? Тогда началась моя полемика с Зюгановым. Я спросил: «Где выдают лимиты? А также квоты и все остальное? В Вашингтоне? Где? Но там выдают лимиты и квоты на "оранжевую" революцию, а не на революцию, как таковую. Все же остальное зависит от "крота истории"». «Так, старый крот! Как ты проворно роешь! Отличный землекоп!». Это Шекспир. Крот истории не понимает, что такое квоты, лимиты. Он роет – и все. Это марксизм. «А как квоты и лимиты соотносятся с марксизмом?» – спросил я. Ибо Зюганов же ведь не отказался формально от марксизма-ленинизма тогда, но заявил про эти лимиты. Вот лучше бы «друзья» этим занялись, а также многим другим.

Но главное – оранжизмом. О-ран-жиз-мом! Оранжизму – нет! «Оранжевые» – это американский проект, который делается на американские деньги, с помощью американских спецслужбистов и консультантов, с опорой на американские резидентурные сети и позиции, с использованием американских технологий. Мы обсудим это позже: так называемые «мирные» революции; интерес господина Навального к Шарпу²; то, как Шарп работал в Вильнюсе; как «мирные», безумно «гу-

---

² Джин Шарп – ведущий американский специалист по ненасильственным методам свержения власти, возглавляющий Институт им. Альберта Эйнштейна. Везде, где глаз американских стратегов заметит неудобный режим, появляются книги Шарпа и специалисты, подготовленные по учебникам его института. Это случилось в Сербии, Киргизии, Грузии и на Украине. В своих исследованиях Шарп руководствовался принципами «сатьяграха» (философия ненасильственного сопротивления), которые исповедовал Махатма Ганди, что помогло ему до основания потрясти британские колониальные устои в Индии. Шарп же упустил важную деталь: Ганди боролся за изгнание со своей

манистические» революции связаны со снайперами, которых сажают на крыши, для того чтобы бить сразу по двум сторонам, которые находятся в преддверии столкновения, но не хотят сталкиваться, – по народу и по войскам. Это и есть «оранжевые». Это американский проект.

Я не говорю, что если это американский проект, то все, кто в нем участвует, агенты ЦРУ. Надо разделять, что такое проект и что такое ресурс. Для «оранжевого», американского насквозь проекта нужен ресурс. В виде растерянных людей, в виде общественных недовольств, в виде чего угодно еще. Мне говорят, что на улице очень много людей, которые просто недовольны Путиным. Ну что ж, их полное право – быть недовольными Путиным. Но если они идут к Немцову, Навальному, Собчак и другим, если они несут им свою энергию, то они за это исторически отвечают. Они люди, у них свободная воля. В конце концов, процесс действительно страшно сложен, но есть и простота, моральная простота: если моральное чувство позволяет идти туда – значит, оно позволяет идти туда. Наверное, там много сбившихся с толку людей, растерянных, которые потом опомнятся. Ну что ж, на демократических площадях тоже стояло очень много таких людей. Среди демократических активистов были люди, которые уже через три года опомнились и перешли на другую позицию. Но это же не значит, что в момент, когда они действовали, к ним можно было прийти и сказать: «Ребята, а вы знаете?..» Ребята уже сделали свой выбор. Их волочит определенная волна. И что? Что теперь?

Теперь можно сделать только одно. Этой воронке оранжевой, которая крутится, надо противопоставить нечто другое – ради тех людей, которые недовольны Путиным совершенно справедливо. Их недовольство я не только разделяю – я считаю, что то, что сделал Путин, просто несовместимо по-настоящему с жизнью страны. По-настоящему.

И не сейчас, а когда все прославляли Путина, я назвал происходящее ликвидкомом. Слышите? Ликвидкомом! То есть Комитетом по ликвидации страны. Я сказал, что для того, чтобы понять происходящее, к названию каждого министерства надо добавить соответствующие эпитеты. Министерство образования? Нет – министерство смерти образо-

---

земли англо-саксонских завоевателей, в то время как Шарп – разработчик теорий свержения правящих режимов с последующим восстановлением «демократической диктатуры» англосаксов из США в странах, затронутых «бархатными» революциями. Название организации Шарпа изумляет. Великий Альберт Эйнштейн был противником всякого насилия. Неизвестно, как бы всемирный гений отнесся к тому, что его имя используется в политических махинациях западными политическими проходимицами.

вания. Министерство обороны? Нет – министерство смерти обороны. И так далее...

Я когда это сказал? Когда все восхищались Путиным. И теперь я не могу не разделять недовольство этих людей. Но у них должна быть возможность выразить это недовольство, не замарываясь в национальной измене, в фокусах Ксюши Собчак, «Миши-2%» (или 3%, сколько там? Он хочет, чтобы теперь их стало 7%?), в фокусах Немцова, а также в играх американцев, которые кончатся только тем, что будут бомбить страну. И не надо говорить мне, что по причине наличия в нашей стране ядерного оружия этого не произойдет. Произойдет! И очень хитрым и двусмысленным образом. Будет сооружена некая просьба о том, что в связи с хаосом американцы должны оккупировать зоны размещения наших ядерных сил. И американцы скажут: «Ну, это же просьба... Да?» Она будет инициирована либеральным крылом Кремля, и после этого разве можно ее не выполнить?

Потом в стране начнется черт-те что. Мы поставим мир на грань ядерной войны. Вот во имя того, чтоб этого не произошло, надо не защищать Путина, а идти на альтернативные митинги. Туда, где выступают против власти и оранжизма. Власти и оранжизма вместе. Это невероятно трудно. Но именно это надо сделать. В этом сейчас историческое спасение России. Этим мы и занимаемся. Именно потому мы этим и занимаемся, что мы любим своих соотечественников, которых Путин «достал» вот так, и не хотим отдавать их во власть оранжизма.

А еще мы занимаемся этим потому, что наши идеалы не в криминально-буржуазном гламуре, который устроил Путин, как и его предшественники. Мои идеалы неизменны, как и мое отношение к идеалам. Я как считал, так и считаю, что жить без идеалов невозможно, точнее – скучно и тоскливо до ужаса. Что сдавать их может только жалкая тварь, а я хочу быть человеком. И я буду им до конца и не понимаю, зачем отказываться от этого. Это единственное счастье в мире. Я достаточно сказал о своих идеалах? Достаточно, согласитесь. Сказав это, я заявляю: «Граждане, с этими моими идеалами – идеалами, несовместимыми с путинизмом, – я, такой как я есть, я, никуда не сдвигавшийся ранее и не сдвигающийся теперь, говорю всем: **Отечество в опасности!** В такой опасности, в какой оно не было даже в 1991 году! Это все не шуточки – то, что здесь происходит. Это кризис, быстро переходящий в коллапс. И моя такая констатация не имеет ничего общего с примирением с путинизмом. Я ни к какому примирению с путинизмом не призываю. Эта моя констатация означает совсем другое. Что на данном этапе во имя сохранения страны необходим широкий антиоранжевый фронт. В него

должны войти как люди с такими же идеалами, как у меня и моих соратников, так и люди с другими идеалами, так же, как и мы, любящие Россию, являющиеся такими же патриотами. Люди, готовые так же, как и мы, в случае иноземного наезда взяться за оружие. И защищать Родину. Родину, а не Путина!»

Такой антиоранжевый и антивластный митинг, созданный широким фронтом, такая единая политика на этом кризисном, сверхкризисном, этапе, реализуемая широким фронтом, необходима. Еще раз подчеркиваю для тех, кто будет извращать то, что я говорю. В предлагаемом нами фронте, выступающем на митингах и проводящем другие действия, нет никакого места «Единой России» и прочим ревнителям нынешнего курса. Но в этом фронте есть место как тем, кто хочет очень резко изменить курс власти, так и тем, кто соединяет антиоранжевость, т.е. патриотизм и неприятие того, что делает власть, с самой антивластностью. Даже не с желанием резко изменить курс, а просто с констатацией того, что власть ведет страну к гибели. Мы относимся к последним. И именно такие люди должны составить ядро широкого фронта.

Есть еще одна причина, по которой это абсолютно необходимо. Эта причина состоит в том, что если патриотизм, т.е. желание спасти отечество, желание отделиться каким-то образом от оранжевой заразы, желание бороться с теми, кто уже сейчас готовит нашу оккупацию, будет монополизирован властью, а антипатриотизм будет монополизирован оппозицией, т.е. противниками власти, то мы уже потеряли страну! Понимаете, ее уже нет в этом случае. Потому что в этом случае власть, не повернув стратегически, не изменив базу опоры, а просто осуществив некие элементарные телодвижения, все равно будет влечь страну к гибели. И тогда уже **вся** оппозиция, с которой будут связаны надежды и упования, станет оранжевой, т.е. антипатриотической. Она заложит этот код в сознание наших отчаявшихся граждан, и они смиряются с оккупацией. Смиряются с чем угодно еще. Очень скоро, если власть будет доводить их до ручки, если власть будет продолжать свой курс, будет именно так. Поэтому исторически невероятно важно, как бы события ни разворачивались, иметь патриотическую оппозицию, которая была бы стратегически против нынешнего курса, стратегически против нынешнего криминального, буржуазного гламура. Стратегически была бы антибуржуазной вообще! И при этом национальной, патриотической. Вопрос наличия такой оппозиции сегодня при том раскладе, который мы имеем, – это вопрос жизни и смерти!

Соответственно, мы не охранители. Мы совсем другие. Пусть охранители действуют с оглядкой на Кремль. На двусмысленный до крайности

ВРЕМЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

сти Кремль, уже очень напоминающий Кремль эпохи Горбачева и Яковлева. Мы на Кремль оглядываться не будем. У нас к нынешнему Кремлю претензий больше, чем у оранжевой улицы. И эти претензии носят гораздо более глубокий, острый и принципиальный характер. Но ни в какой внутривластной борьбе нельзя сносить с иностранцами, готовящими оккупацию России. Те, кто будет так сносить, должны запомнить, что они получают отпор. Что все, что они получают при жизни, это глубокое политическое фиаско; а то, что они получают после смерти, это историческое проклятие своего народа!

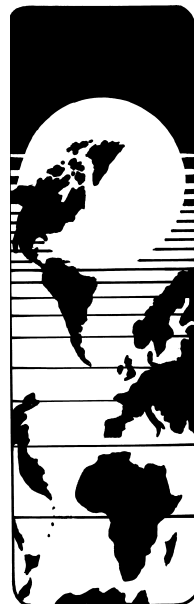
Заявляя это, мы собираем 23 февраля в День Защитника Отечества незаурядный митинг. Мы не спецы по митингам, и у нас, как все понимают, нет пока специальных политических претензий, связанных с избирательной кампанией. Мы не выдвинули своего кандидата в президенты, мы не идем сейчас на прямую политическую арену – мы пойдем на нее, когда поймем, что ситуация стала терминальной. Не сомневайтесь, мы в этот момент придем и туда. Но пока нас там, очевидно, нет. Мы просто видим, что страна зависла над пропастью – действительно зависла над ней, как в 1991 году! – и мы не хотим, не хотим, чтобы при нашей пассивности, в том числе уличной, при понятной всем общенародной растерянности, при параличе охранителей, вполне таком же, как 1991 году, страна опять рухнула в пропасть. А она может туда рухнуть в любую минуту! Говорят: подумаешь, «путенярня», «Эрэфия» – зачем ее жалеть, она и так является местом нашего унижения, местом гниения и так далее...

Извините! Если мы потеряем Родину, потеряем Отечество сегодня, не будет завтра никаких наших идеалов, никаких наших красных реваншей, никакого СССР 2.0, никаких белых империй – ничего не будет тогда! Будет жалкое безгосударственное прозябание людей, которые растратили великое наследство, погубили все, что мучительно создавали кровью и потом их великие предки! Вот в чем наше кредо, наша точка зрения. И я не просто сейчас заявил это кредо, я в серии передач – в серии, подчеркиваю, передач! – попытаюсь убедить всех в том, что я прав. Я не буду гипнотизировать или завлекать – я буду убеждать, т.е. предоставлять такие доказательства, которыми все смогут распорядиться. Распорядиться как граждане, как люди, обладающие разумом, духовным, человеческим суверенитетом, повторяю, как граждане, а не как хомячки и кролики, питающиеся какими-то брендами, мемами, интернетными суррогатами. Я всем предоставляю эту возможность в серии передач. И пусть потом никто не говорит, что этой возможности не было!

Мировая вертикаль перевернулась в горизонталь. И не в том соль, что «постиндустриальное» сосуществует с «традиционными» укладами и цивилизациями, а в том, что все наличные способы человеческой жизнедеятельности становятся, если еще не стали, суверенами как собственного, так и всемирного процесса. Однако ли совпадает второе с первым? Совместимы ли, когда в суверенах все? Открытый вопрос. Нет рецепта, есть лишь все более отчетливое понимание того, что ненайденный ответ сулит величайшие распри и не исключает всеобщую гибель.

То, что нас это затрагивает, не
требует доказательств. Но до
конца осознали ли мы, что речь
идет и о нас самих, о Мире дома,
о Мире внутри нашего дома?

М.Я. Гефтер

Игорь Максимычев

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ – ЕВРОПА

**ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НАШИ ДИПЛОМАТЫ В БЕРЛИНЕ
В 1990–1992 гг.¹**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327

Twenty years ago the USSR which used to be a genuine great power (an not only in military respect) found itself at the crossroad. Premonitions of fundamental changes prevailed in the society. The Soviet diplomats were not the exclusion. The party and government leadership headed by Gorbachev exhausted the limit of the people's trust. The authority of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and its President Boris Eltsyn was gaining momentum rapidly. In addition, an image of a democrat and a protector of the weak was skillfully and successfully modeled for Eltsyn. Among the ordinary citizens and diplomats there was a growing expectation that it was precisely the Russian politicians who would ensure a fresh start of the nation being and attain a more equitable organization of the society. Everybody would like to believe that in the prospect there was not the state's disintegration but the renewal of the state's image. Domestic concerns and anxieties somehow brought an oblivion of the necessity to care about friends in the countries of the Socialist community that in good order and consolidated manner went over to the camp of new "winners". The "jaunty" 1990s that brought Russia on the verge of collapse were about to start.

Ключевые слова: проект Большой Европы; объединенная Германия; Гельмут Коль; Эрих Хонеккер; выход РСФСР на международную арену; Борис Ельцин; Западная группа войск; гуманитарная помощь для населения России; новый стиль дипломатии; путч августа 1991 года; дезинтеграция СССР; перетряска дипломатических кадров.

Key words: the Greater Europe project; unified Germany; Helmut Kohl; Erich Honecker; the RSFSR emergence at the international arena; Boris Eltsyn; the Western group of troops; humanitarian aid for Russia's population; new style diplomacy; the August putsch of 1991; the USSR disintegration; shake up of diplomatic personnel.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

¹ Из дневниковых записей советника-посланника Берлинского отделения посольства СССР/РФ в ФРГ. Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2011. №6.

Визит президента РСФСР

Одной из важнейших тем моих бесед с Рюриковым в Москве была программа предстоящего пребывания Ельцина в ФРГ. В предложенном немцами варианте фигурировало посещение Бонна и крупных центров земли Северный Рейн – Вестфалия, которая являлась официальным партнером РСФСР. Я же настойчиво советовал предусмотреть заезд в бывшую ГДР с обязательной встречей с командованием Западной группы войск. В ЗГВ знают Ельцина, он очень популярен среди наших военнослужащих, говорил я, и контакт с ними принесет большую пользу и ему, и солдатам, которые нуждаются во внимании со стороны руководителей страны; к сожалению, до сих пор такого внимания явно не хватало. Рюриков был согласен со мной. Он пообещал подумать над тем, как реализовать высказанную мной идею; в качестве одной из возможностей он собирался предложить немецкой стороне заезд Ельцина в Галле 23–24 ноября.

Однако удалось добиться большего: 23 ноября 1991 года российская делегация посетила Потсдам, столицу самой крупной земли бывшей ГДР, где Ельцин стал гостем премьер-министра Бранденбурга Манфреда Штольпе (СДПГ). От федерального правительства его сопровождал министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер. Торжественный обед с речами состоялся в самом памятном месте Потсдама – в замке Цецилиенхоф, где в 1945 году проходили переговоры глав СССР, США и Великобритании, вошедшие в историю как Потсдамская конференция. Гостям показали зал, в котором шли заседания и все сохранялось без изменений с тех пор. В ГДР тщательно сберегли и внешнее оформление замка. В 1945 году перед началом конференции специально командированные из Москвы флористы разбили под окнами зала заседаний большую клумбу с огромной красной пятиконечной звездой. Эта клумба существует и поныне. У Цецилиенхофа было еще и то преимущество, что он находится довольно далеко от центра города. Видимо, власти не хотели большого стечения народа: после победы над ГКЧП Ельцин пользовался невероятной популярностью в Германии, но существовала опасность, что немецкая демонстрация народной любви к Ельцину могла бы повредить Горбачеву, а Коль хотел избежать впечатления, что помогает его добывать.

Все эти соображения не помешали тому, что в Цецилиенхофе сразу же установилась атмосфера искренней сердечности. Один из творцов германского единства Штольпе, игравший на протяжении всего кризиса роль посредника между оппозицией и властями ГДР, всегда оставался

сторонником сотрудничества с Советским Союзом и уважения его интересов. Он произнес прочувствованное приветственное слово, закрепившее доброжелательность взаимоотношений гостей и хозяев. Не менее дружественной была заключительная речь Геншера, хотя в ней явно прозвучали нотки дипломатической сдержанности. В частности, министр, подчеркнув наличие у немцев глубоких дружелюбных чувств к русскому народу, заметил, что «в единой Европе мы никогда не будем противостоять друг другу как противники. Наиболее значимый вклад в объединение Германии внесли сами немцы и народы Советского Союза, и это определяет их совместное будущее, которое можно охарактеризовать как германо-русскую дружбу».

Современный вид внутреннего дворика дворца Цецилиенхоф, в котором в 1945 году проходили заседания Потсдамской конференции.

Естественно, с наибольшим нетерпением и интересом ожидали выступления главного гостя. Ельцин оправдал ожидания. Он часто отрывался от манускрипта и говорил свободно. Согласно сделанным мною наспех заметкам он сказал следующее: «Германия и Россия – это крепкая стена, о которую будут разбиваться волны мелких вспышек, в том числе и националистических. Наши отношения определяются недавно заключенным всеобъемлющим договором. У нас конфедерация, в которой наполовину меньше республик, чем раньше (семь; может быть,

подключится еще Украина). Но и в этом случае мы остаемся могучим государством. Германия готова первой пойти на подписание важных документов с Россией – это мудрое решение. Разрабатываются 20 программ сотрудничества. Их реализация особенно важна в предстоящую тяжелую зиму радикальных реформ. Мы вводим свободные цены, в последующие полгода произойдет ухудшение положения, но к осени наступит стабилизация. Денег мы ни у кого не просим – мы создадим условия, чтобы инвесторы пришли сами. С ГДР у нас общее коммунистическое прошлое, общие болячки. Готовится специальный договор о взаимодействии России с той частью Германии, которая была ГДР, с целью восстановить в рамках германо-российских отношений былое сотрудничество. Самым тяжелым для нас будет 1992 год; уже сейчас российское правительство работает в зоне риска. Мы благодарны за продовольственную помощь со стороны ФРГ. Армия останется единой (как вариант рассматривается создание объединенных вооруженных сил). Для возвращающихся военнослужащих нужно построить в РСФСР 48 тысяч квартир, из них 27 тысяч обещала построить Германия. Предусматривается строительство дополнительно 18 военных городков; первые шесть должны быть готовы не позже первой половины 1992 года. В РСФСР сформировано новое правительство, оно работает дружно. С 46 до 23 сокращено число министерств. Готовится первый пакет законов. Он будет включать, во-первых, либерализацию импорта и инвестиций; децентрализацию контактов с границей; ликвидацию монополий; содействие сотрудничеству со средними и мелкими предприятиями; либерализацию экспорта (за немногими исключениями); во-вторых, упорядочение валютного хозяйства; широкую приватизацию; укрепление экономического суверенитета РСФСР; создание Государственного банка России; в-третьих, обеспечение социальной защиты населения путем принятия мер упреждающего характера уже с 1 декабря 1991 года; отмену ограничений на размер заработной платы; повышение окладов государственных служащих в два раза (не только на территории России). Будущее государственное устройство страны будет определяться политическим договором суверенных государств».

В соответствии с обеденным меню на столах были расставлены бутылки с алкогольными напитками из Восточной Германии: белым вином из Радебойля (из окрестностей Дрездена) и «Нордхойзер-допелькорном» (немецкая 38-градусная пшеничная водка двойной очистки). Все обратили внимание на то, что Ельцин так и не притронулся к стакану вина, простоявшему все время перед ним. Он на наших глазах демонстративно опровергал рассказы о своем излишнем пристрастии к алкоголю. То же самое

повторилось на ужине в доме приемов ЗГВ в Вюнсдорфе, где российская делегация была гостем генерал-полковника М.П.Бурлакова, главнокомандующего нашими войсками на германской территории. Здесь стол был еще богаче, чем в Цецилиенхофе, и немцев уже не было (официально визит президента РСФСР закончился в Потсдаме, и даже переезд в Вюнсдорф осуществлялся на машинах ЗГВ), но Ельцин так ни разу и «не оскоромился». На сей раз в его стакане было красное вино, которое он явно очень не любил, но никаких попыток перейти на более приемлемый для него напиток предпринято не было.

Свидетелями подобной же ситуации мы стали вечером в гостевом зале военного аэродрома Шперенберг, где делегация РСФСР дождалась, пока ее самолет будет подготовлен к старту. Все за столом добросовестно осушали свои бокалы – все, кроме Ельцина. Особенностью стали тосты в честь высокого гостя, которые произносились всеми присутствующими по очереди (Ельцин сам указывал, чья очередь наступает говорить). Помимо комплиментов и восторгов по поводу гениальных способностей вождя, каждый выступавший заверял его в личной преданности и вплетал в словословия какую-либо закамуфлированную просьбу «по своему департаменту». От дипломатов в Германии говорил посол Терехов. До меня очередь не дошла – надо было уже идти к самолету.

Между тем мне было что сказать. Еще до российского визита я пришел к выводу, что практический выход РСФСР на международную арену, время для которого уже созрело, лучше всего было бы начинать с Германии, где фактически образовались два посольства – в Бонне и в Берлине. Россия вполне могла бы претендовать на превращение одного из них (а именно берлинского) в свое и через него представлять российские интересы не только в Германии, но и во всей Западной Европе. Соображения на эту тему я отправил в Москву еще 15 октября с Шахраем, обещавшим передать их Г.Э.Бурбулису, но моя бумага, как и сотни других, увязла, надо полагать, в бюрократической трясине, которую успешно разводили новые российские чиновники. Сегодня я думаю, что мое продиктованное волею судеб молчание на встрече с Ельциным было наилучшим для меня решением, поскольку оно позволило мне не испытывать угрызений совести в связи с дезинтеграцией Советского Союза – никакого моего участия, даже косвенного, в ней не было. И на следующий день, когда я провожал задержавшегося в Берлине на день министра иностранных дел РСФСР А.В.Козырева, вылетавшего в Нью-Йорк, что-то удержало меня от того, чтобы затрагивать тему учреждения российского посольства в Германии, хотя мы довольно долго обсуждали мировые проблемы, гуляя вдвоем по Унтер-ден-Линден.

Дезинтеграция

В итоге визит Ельцина произвел самое лучшее впечатление и на немцев, и на нас. Немцы убедились в его качествах государственного деятеля, ЗГВ была готова идти за ним в огонь и воду, советские дипломаты видели в нем наиболее достойного выразителя народных чаяний.

На совещании 26 ноября я информировал дипсостав о результатах визита президента РСФСР. В краткой записи в моем дневнике отмечается: «Успех и большая польза от "российской акции". Достигнута договоренность об опорной точке Российской Федерации в Штутгарте². Президент просил передать благодарность сотрудникам посольства. Очень довольным он остался посещением ЗГВ. Предстоит практическая работа по реализации итогов визита. [Из окружения Ельцина нам сообщили:] Шеварднадзе заявил на заседании Коллегии МИД СССР, что предстоит сокращение штатов на 46%. По информации "Известий", будут закрыты 50 посольств».

Самое главное – из высказываний Ельцина и его окружения у нас сложилось впечатление, что, возможно, неминуемый уже в ближайшем будущем роспуск Советского Союза не станет концом великой державы, занимающей одну шестую земной поверхности. КПСС будет окончательно вытеснена из власти; уйдет, наконец, на покой надоевший всем Горбачев; обособится, надо полагать, Прибалтика; в остальном же исторически сложившееся государственное единство сохранится. Конечно, отдельные республики будут гораздо более самостоятельными, чем до сих пор, но это не лишено положительных моментов: прекратится непрерывная односторонняя перекачка средств из России в остальные республики, и всем придется по одежке протягивать ножки. Ведущая роль России в этом новом государственном образовании будет гарантироваться величиной ее территории, численностью населения, высоким экономическим потенциалом, общим культурным наследием. Другими словами, не вызвало сомнений, что, несмотря ни на какие потрясения, Советский Союз продолжит свое существование – под другим названием, с иным социально-политическим устройством, под водительством политиков, не связанных с господствовавшими до сих пор структурами, – но сама страна не исчезнет. И то, что лицом преобразованного государственного образования безусловно станет пользующий-

---

² Еще в 1990 году был предложен проект создания в Штутгарте Дома науки и культуры РСФСР по образцу Берлинского ДСНК общесоюзного подчинения.

ся всенародной поддержкой Ельцин, лишь увеличивало симпатии, вызываемые перспективой подобного развития.

Вот почему принятые 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще решения президентов РСФСР, Украины и Белоруссии об упразднении Советского Союза не породили волну возмущения, которую они должны были вызвать, если бы люди точно знали, что эти решения означают на практике. Произошло скорее обратное: люди вздохнули с облегчением – подкованная политическая возня закончилась, победили радикальные реформаторы, обещавшие скорое улучшение действительно отчаянного материального положения масс населения, единство страны сохранялось благодаря созданию Содружества Независимых Государств. То, что СНГ должно было служить только «цивилизованному разводу» составлявших СССР республик, тщательно скрывалось от населения. Все это объясняет труднодостижимую для будущих историков пассивность граждан в тот момент, когда началось обрушение страны, в которой они родились и выросли. Безмолвие народа объяснялось еще и тем, что процедура ликвидации Советского Союза затянулась почти на месяц и ей был придан псевдодемократический характер.

Очень немногие (я в их число не входил) знали, что первым, с кем связался по телефону Ельцин еще из Беловежья, был президент США Джордж Буш, который обещал поддержать международное признание акта о ликвидации СССР (как видно, Козырев ездил в США не зря). 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал соглашение о СНГ и принял постановление о выходе из состава СССР. 21 декабря в Алма-Ате состоялась встреча руководителей 11 бывших союзных республик (кроме Прибалтики и Грузии), которые подписали декларацию о создании СНГ. В этот же день президент Казахстана Нурсултан Назарбаев объявил, что Советского Союза больше не существует. 24 декабря место СССР в ООН заняла Россия, к которой перешли также права постоянного члена Совета Безопасности. 25 декабря 1991 года Горбачев выступил по центральному телевидению с заявлением о том, что покидает пост президента СССР.

Понятным образом все эти события вызвали самое пристальное внимание за рубежами Советского Союза. Происходило нечто совершенно небывалое в истории международных отношений. Без войны и военного поражения, без каких бы то ни было внутренних бунтов и революций, посреди фазы мирного развития происходила перекройка глобального соотношения сил: с политической карты мира вычеркивалась держава, по своей военной (и не только военной) мощи занимавшая по меньшей мере второе место в мировой таблице о рангах. Кон-

фронтация между Востоком и Западом носила не только и не столько идеологический характер. Гораздо больше в этом конфликте было политического и экономического соперничества. Разумеется, Запад остался в идеологическом выигрыше: переход России и ее союзников к рынку означал окончание начавшегося в 1917 году социалистического эксперимента, весь мир окрашивался в монотонные цвета капитализма и его вариативов. Но главным оказался все же силовой выигрыш: отныне противостоять диктату США и их ближайших сателлитов становилось некому; обеспечившая на полстолетия определенную стабильность система противовесов отправлялась на свалку истории. Даже проамерикански настроенные страны, включая интегрированную часть Европы, были обеспокоены такой перспективой, поскольку утрачивали существовавшую до сих пор возможность лавировать между конфликтующими гигантами в поисках максимально комфортной для себя позиции. Западные СМИ были соответственно полны гаданий на тему о том, к чему приведет вероятный распад Советского Союза. Журналисты буквально осаждали нас вопросами о происходящем в СССР. Наши ответы были полны энтузиазма и веры в завтрашний день: мы ориентировались на выступление Ельцина в Потсдаме и на информацию, почерпнутую из российских газет, для которых Горбачев относился уже к далекому прошлому.

На 10.00 утра 20 декабря 1991 года была назначена моя встреча с журналистами в берлинском правительственном пресс-центре. Направленное мне приглашение выступить там было необычным, поскольку этот центр существовал для пресс-конференций официальных лиц ФРГ. Уже поэтому стоило дать согласие. Организаторы не были разочарованы – мне удалось реваншироваться потрясающей новостью. Рано утром, еще до начала встречи, нам поступило сообщение из Москвы о том, что отныне посольства и консульства будут получать указания не от МИД СССР, а от МИД России. Об этом с широкой улыбкой я и объявил присутствовавшим журналистам. Поскольку там были и телевизионщики, этот момент немедленно попал во все новостные программы ТВ ФРГ. Отвечая на вопросы, я, при всех стараниях соблюсти приличествующую ситуации невозмутимость, не мог скрыть, что рад такому повороту событий. Когда я сегодня вспоминаю об этом, мне становится не по себе. Но из песни слово не выкинуть.

Дело было даже не в том, что к концу перестройки дипломаты-практики перестали воспринимать союзный МИД как свой дом, как инстанцию, с которой можно и нужно советоваться, как организатора и координатора всей внешней политики великой страны. Министерство

заскорузло, погрязло во внутренних склоках и интригах, забюрократизировалось донельзя, растеряло авторитет как внутри страны, так и во вне. Между тем многочисленные беседы в минувшем октябре с сотрудниками российского МИД, противопоставлявшего себя МИД СССР и даже территориально существовавшего отдельно от него, оставили у меня впечатление, что собравшаяся там молодежь собирается оживить дипломатию, построить работу на новой основе, с меньшим числом сотрудников и с большей эффективностью. Находившееся до того в рудиментарном состоянии Министерство РСФСР перестало играть роль отстойника для неудачников из «большого МИД» и предпенсионной синекеры для заслуженных партийных деятелей. Российские дипломаты были всерьез намерены воспользоваться шансом нового начала и добиться, чтобы работа «на зарубеж» вновь стала коллективной, интересной и приносящей реальную пользу. С молодым задором и на ином уровне они решились «дублировать» деятельность небоскреба на Смоленской площади. Думаю, что, если бы МИД России подольше сохранило свою самостоятельность, работая параллельно и соревновательно с «большим» министерством, дипломатическая профессия только выиграла бы. Но российским новаторам не дали развернуться. Они получили, как правило, хорошие должности, но растворились в закосневшей массе «больших дипломатов» и потерялись в ней, не осуществив ни одного из своих замыслов. Тем более что Козырев упростил работу подведомственного ему учреждения до предела, дальше которого идти было просто нельзя. Он потребовал, чтобы любые бумаги, лежащие ему на стол, начинались с краткого изложения позиции США по данному вопросу, а вносимые предложения не расходились с ней. Оставалось только одно: вообще упразднить российскую дипломатию за полной ее ненужностью.

Но в декабре 1991 года никто еще не знал, что концовка будет такой бесславной. Я считал, что есть все основания исходить из того, что передача российскому МИД функций управления внешнеполитическим аппаратом будет способствовать модернизации этого аппарата, увеличит его способность к быстрой реакции на происходящее в мире и принесет таким образом ощутимую выгоду находящейся на крутом перевале стране. Охватившее не только меня чувство эйфории сказалось и на решении немедленно заменить развивавшийся над зданием Унтер-ден-Линден красный флаг российским триколором. С заменой флага была связана забавная история. Я помнил, что кто-то из сопровождения Ельцина подарил нам от его имени трехцветный российский флаг (российские делегации возили тогда постоянно такие флаги с собой, чтобы не

ставить протокол принимающей стороны в неудобное положение). Однако выяснилось, что наши добросовестные хозяйственники решили, что флаг просто забыли, и доставили его к самолету в Шперенберг – сопровождающим не оставалось ничего иного, как забрать его с собой в Москву. Пришлось хозкоманде уже ночью нашивать на красное полотнище (их в посольстве было много) белую и синюю полосы. Как бы то там ни было, утро 21 декабря мы встречали под новым флагом, о чем я в довольно патетическом тоне доложил в МИД России. С этого же дня на моем рабочем столе постоянно стоял маленький флажок с российским триколором.

В конце января 1992 года крупное германское издательство «Ульштайн» (концерн Шпрингера) обратилось с просьбой разрешить провести в отделении посольства презентацию вышедшей в переводе на немецкий язык биографии Ельцина, подготовленной долголетним корреспондентом агентства «Рейтер» в Москве Джоном Моррисоном. Я не раздумывая согласился и произнес на этом состоявшемся 5 февраля 1992 года мероприятии пламенную речь в честь президента России. Опубликованный в одной из берлинских газет отчет о презентации начинался следующим образом: «Кто видел изнутри это огромное здание российского посольства на Унтер-ден-Линден? Даже старые берлинцы не могут припомнить, чтобы им разрешалось осматривать его. Тем сильнее были любопытство и напор публики, когда "Посольство Российской Федерации (Берлинское отделение)" направило вместе с издательством "Ульштайн" приглашение посетить здание посольства. Повод для приглашения был достаточно веским – презентация биографии российского президента Бориса Ельцина». Из текста Моррисона газета выделила следующий пассаж: «Демократ Ельцин – патриот, но одновременно решительный и даже экстремальный "западник". В нем нет ничего от "славянофила". Парадоксально, что он стремится подключиться к Западу, в то время как географический центр тяжести России находится на Северо-Востоке»³. В беседах на приеме, который завершил презентацию, меня несколько раз спрашивали, нет ли опасности, что пребывание Ельцина на вершине власти приведет к установлению его личной диктатуры. Я без всяких сомнений отвечал, что подобные опасения беспочвенны: Ельцин является символом российской демократии и единственным поводом для беспокойства может быть только то, что у нас не так много Ельциных.

---

³ *Spandauer Volksblatt*. 7.02.1992.

Потрясающий успех презентации биографии российского президента (самый большой зал посольства был полон, люди стояли в проходах) показал, что интерес немецкой общественности к выходящей на первые роли в международной жизни России не только не снижается, но и растет, причем в него органическим образом вплетается и интерес к нашему посольскому зданию на Унтер-ден-Линден. Нельзя сказать, что этот интерес был тождествен симпатиям к новой России. Затянувшаяся «холодная война» оставила слишком много мути в душах людей, привыкших смотреть на СССР (а новая Россия с основанием воспринималась как его «продолжательница») хотя и с уважением, но одновременно со страхом, недоверием и открытой или затаенной враждебностью. Становилось все более ясным, что кратчайший путь к тому, чтобы наполнить образ новой России в глазах немцев положительным содержанием, лежит прежде всего через преодоление тех сторон образа СССР, которые вызывали отрицательную реакцию у населения Германии.

Открытое посольство

Ни объединение Германии, ни дезинтеграция Советского Союза не принесли коренного перелома в характере освещения германскими СМИ происходящих в нашей стране процессов. На протяжении 90-х годов практически все германские и вообще западные агентства продолжали состязаться между собой в том, кто сумеет дать самую черную и безнадежную картинку из жизни России. Сделать это было не так уж и трудно: внутренний кризис в СССР действительно был реальностью и стремительно набирал темп. Свою роль играли и высказывания наших либеральных радикалов, которые, как Попов, требовали немедленного и полного введения капитализма вопреки неоднозначному опыту той же ГДР. Немецкие газеты пускали на свои страницы только представителей радикального направления в политическом спектре СССР. Голосов советских умеренных, «центристских» политиков не было слышно вовсе.

Весной 1990 года в ходе одного из телефонных разговоров в эти дни с моим бывшим однокурсником В.А.Коптельцевым, занимавшим руководящий пост в Международном отделе ЦК КПСС, я спросил, почему молчат наши специалисты по Германии, хотя их голос очень нужен: в ФРГ господствуют искаженные представления об СССР, а в СССР плохо представляют себе, что реально произошло и происходит в Германии? Коптельцев отвечал: «О каких специалистах ты говоришь? Кроме вас, находящихся в Бонне и Берлине, специалистов по Германии нет.

Вот вы и разъясняйте публике, что происходит в ФРГ и в Советском Союзе». Слова Коптельцева были для меня неожиданностью. Мало того, что возглавлявший Международный отдел Валентин Михайлович Фалин, посол СССР в ФРГ в 1971–1978 годах, был выдающимся знатоком германских дел, сам Коптельцев принадлежал к числу ведущих германистов; это его я сменил в 1987 году на должности советника-посланника в Берлине. Вывод мог быть только один: товарищи из ЦК не собирались заниматься «черновой работой».

Замечание Коптельцева подтвердило крепнувшее у нас впечатление, что в сложившейся на информационном поле ситуации нам придется рассчитывать лишь на собственные силы. Обстоятельства сложились так, что к этому времени у меня появилась возможность выступить в советской печати по поводу кризиса в ГДР. В апреле 1990 года мне позвонил главный редактор основного профильного внешнеполитического журнала «Международная жизнь» Б.Д.Пядышев (кстати, также мой однокурсник) и заказал статью о нынешнем состоянии германского вопроса. Интерес к данной теме, сказал он, большой, но никак не удастся найти специалиста, который взялся бы прокомментировать проблему. Поскольку я сам чувствовал, что пора нарушить «заговор молчания» вокруг германских дел, я ответил согласием, хотя и испытывал кое-какие сомнения относительно уместности выступления в открытой печати человека, занимающего официальный дипломатический пост. С тем чтобы избежать впечатления, будто моя статья является изложением одобренной свыше советской позиции (которой, как я понимал, нет), я решил взять в соавторы первого секретаря посольства П.В.Меньшикова, разыскавшего и уточнившего некоторые включенные в текст цифровые показатели экономической ситуации в ГДР.

В июньском номере журнала⁴ за нашими двумя подписями появился материал, получивший осторожный заголовок «Единое германское отечество?» (редакция, как и многие в СССР, не могла еще поверить в то, что до объединения Германии оставалось всего ничего). Статья заканчивалась констатацией: «Нам далеко не безразлично, как пойдут дела в Европе после объединения Германии. И в перспективе Советский Союз должен будет нести свою ответственность за то, чтобы с немецкой земли никогда не исходила угроза миру. [...] Советский Союз выступает за синхронизацию становления единой Германии с позитивной эволюцией общеевропейского процесса, формированием принципиально новой структуры европейской безопасности, которая придет на смену

---

⁴ См.: *Международная жизнь*. 1990. Июнь.

блоковой. Объединение Германии не должно вести к снижению безопасности любого из государств и нарушать баланс интересов в ущерб какой-либо из стран. На этот счет имеется достаточно широкое международное согласие. Дело теперь за конкретными действиями, отвечающими законным интересам всех затрагиваемых перспективой объединения ГДР с ФРГ сторон».

Публикация не вызвала реакции со стороны руководства, и я продолжил практику выступлений в «Международной жизни» вплоть до завершения работы в Берлине⁵. Сотрудничество с журналом сохранилось и после моего возвращения в Москву: так, уже в июле 1993 года в нем появилась моя публикация «Возможные "невозможности"» (об особенностях переговоров Горбачева с Колем)⁶. Я не уверен, что моя тогдашняя публицистическая деятельность принесла большую пользу в смысле информирования советской общественности, занятой в основном острейшим внутренним кризисом, но я был рад возможности открыто задокументировать, что среди специалистов в нашей стране имелось мнение, отличное от господствовавшей в верхах мании сдавать все по первому требованию другой стороны. Кстати, немцы очень внимательно следили за публикациями по германским делам в наших СМИ.

Параллельно мне представилась возможность обратиться к германской общественности через СМИ ФРГ. Способствовать исправлению сложившегося в Германии негативного имиджа СССР, знакомить немцев с мотивами и обоснованием нашей позиции по германскому вопросу я считал не менее, а, может быть, даже более важным делом, чем информирование советской общественности. На заседаниях Берлинского клуба я познакомился с Лотаром Поллем, управляющим делами фонда, финансирующего издание влиятельной ежедневной западноберлинской газеты «Тагесшпигель». Он согласился со справедливостью моих претензий к немецким журналистам, пишущим о России, и в качестве объяснения причин неудовлетворительного положения в этой области сослался на нехватку квалифицированных кадров. Он предложил мне попробовать подготовить статью для «Тагесшпигеля», которая могла бы дать немецкому читателю более объективное представление о политике СССР. Полль имел в виду текст, написанный сразу на немецком языке,

---

⁵ См. мои статьи в «Международной жизни»: *В двух шагах от объединенной Германии* // 1990. Сентябрь; *Новая Германия в новой Европе* // 1990. Ноябрь; *Конец Берлинской стены* // 1991. Февраль; *Едут наши казаки...* // 1991. Май; *Германия и мы* // 1991 Август; *Куда идешь, Германия?* // 1992. Февраль.

⁶ *Международная жизнь*. 1993. Июль.

поскольку переводной текст по большей части легко узнаваем и редко воспринимается как убедительный.

В результате 1 ноября 1990 года в «Тэгесшпигеле» появилась за моей подписью большая статья «Русская революция и европейский мирный порядок. Советская точка зрения на сегодняшнюю ситуацию в Европе»⁷. Взяв за исходную точку приближающуюся очередную годовщину Октябрьской революции, я подробно изложил факты, свидетельствовавшие о вкладе, который СССР на протяжении всей своей истории вносил в укрепление европейского мира. Статья заканчивалась так: «Жизненно важно для Европы, чтобы все мы не оборачивались назад, а смотрели вперед. В пределах досягаемости для нынешних поколений находится реализация практически неограниченных перспектив совместного развития народов Европы, включая США и Канаду. Кажется, что вековая мечта о мире и благосостоянии близка к осуществлению в Европе при опоре на доверительное сотрудничество всех представленных на европейском континенте государств и их граждан, в первую очередь наших обеих стран и живущих в них людей, в наибольшей степени пострадавших от безмерных бедствий войны. Стремление к безопасности и справедливой жизни без войн, послужившее движущей силой русской революции, нашло свое отражение в гуманистическом содержании перестройки. Если удастся гарантировать нерушимый мир, воплотится в жизнь один из величайших идеалов Октября 1917 года».

За этой статьей последовали другие. Постепенно стало нормой, что при необходимости я мог раз в два–три месяца рассчитывать на трибуну «Тэгесшпигеля», а затем и других влиятельных газет («Вельт», «Берлинер Моргенпост», «Шпандауэр фольксблатт» и др.), чтобы изложить мотивы нашей внешней политики или оценку внутренней ситуации, которая вызывала искреннюю или деланную озабоченность на Западе. Из публикаций в «Тэгесшпигеле» стоит еще упомянуть статьи «На пути к солидарной Европе. Помощь для Советского Союза может стать важным фактором»⁸ и «Мы живем во взаимозависимом мире. Запад не сможет быть спокойным, если Восток не в порядке»⁹. Концовка первой статьи: «Моя страна была бы счастлива не держать более мир в напря-

---

⁷ *Die russische Revolution und die europäische Friedensordnung. Eine sowjetische Ansicht zur heutigen Situation in Europa // Tagesspiegel. 01.11.1990.*

⁸ *Unterwegs zu Solidareuropa. Die Hilfe für die Sowjetunion kann zu einem wichtigen Faktor werden // Ibid. 15.09.1991.*

⁹ *Wir leben in einer zusammenhängenden Welt. Der Westen kann nicht ruhig bleiben, wenn der Osten nicht in Ordnung ist // Ibid. 22.02.1992.*

жении и стать нормальным членом европейской семьи народов. Мы находимся на пути к этой цели и достигнем ее вопреки всем трудностям, возможным неудачам и ошибкам, которых нельзя исключать. Всем пойдет на пользу, если нам не придется проходить этот путь в одиночку. А если при этом примет более прочные формы германороссийская общность судеб, то будущее Европы будет надежно обеспечено». Заключительный абзац второй статьи: «Ныне европейский Восток вынужден платить за усвоение правил жизни в условиях демократии. Особенно высока цена обучения для России. Вероятно, при помощи сотрудничества можно было бы снизить эту цену. Это означало бы одновременно ослабление возбуждения и опасений на Западе в связи с развитием событий по ту сторону Буга. Будущее зависит от всех нас, от нашего благоразумия, от наших действий. Европа может процветать лишь в атмосфере солидарности».

9 февраля 1992 года я присутствовал на гала-концерте русской оперной классики, состоявшемся в ратуше берлинского района Райникендорф (на протяжении своей истории Берлин расширял границы, поглощая близлежащие населенные пункты, которые обзавелись за время самостоятельного существования просторными ратушами). Гвоздем концерта стало выступление солиста оперы Большого театра СССР С.Б.Сулейманова, обладателя отличного баса. Во время беседы после концерта выяснилось, что Сулейманову с коллегами предстоит еще несколько выступлений в ФРГ. Я решил воспользоваться этим и попробовать организовать их концерт в посольстве с пользующейся неизменным успехом программой русской оперной музыки, пригласив на него городские власти, дипкорпус, друзей России. Главным для меня было продемонстрировать, что отныне стилем жизнедеятельности российского дипломатического учреждения становится открытость, готовность к контактам, забота о создании вызывающего симпатии и доверие имиджа новой России. Но денег у посольства на проведение каких-либо серьезных мероприятий (за исключением приема в связи с «главной датой», которой оставался день 7 ноября) катастрофически не хватало: даже выплата зарплаты сотрудникам, которая по обычным для ФРГ меркам оставалась эфемерной, обеспечивалась главным образом за счет консульских сборов – из платежей за выдачу виз для поездок в Россию. Надо было искать спонсоров в тот момент, когда даже это слово было нам совершенно неведомо. Приходилось пускаться в плавание по незнакомым водам практически без всяких навигационных карт. Правда, небольшой опыт в делах такого рода у меня все же был: во время работы с послом Владимиром Семеновичем Семеновым в Бонне в качестве

советника посольства по культуре я был свидетелем того, как элегантно он разрешал немецким коллекционерам оплачивать расходы по организации выставок в ФРГ его выдающегося личного собрания картин русского авангарда 20-х – 30-х годов.

14 февраля я пригласил на обед в отделении посольства генерального директора самой фешенебельной гостиницы Восточного Берлина «Радиссон» (бывший «Паласт-отель») Антониуса Мюллера-Гербрандта и старшего партнера западноберлинской адвокатской конторы Вольфа Вегенера, который был одновременно председателем правления отделения влиятельного германского союза автомобилистов (АДАЦ) в Берлине и Бранденбурге. Оба они были заинтересованы в налаживании связей с Россией. Мюллер-Гербрандт готовился занять кресло гендиректора гостиницы «Радиссон» в Сочи, строительство которой близилось к завершению, а Вегенер намеревался установить контакты с возникающими в Российской Федерации организациями автомобилистов, которым прочили большое будущее. Им я и изложил идею проведения концерта Сулейманова с коллегами в отделении посольства с последующим коктейлем, отметив, что благодарность спонсорам будет отражена в тексте пригласительных билетов. Разговор получился очень позитивный и конструктивный. Оба собеседника подхватили идею и сразу набросали смету предстоящих расходов.

Оказалось, что денег нужно не так уж и много, тем более что наши артисты выразили готовность ограничиться чисто символическим гонораром. Мюллер-Гербрандт вызвался помочь в организации коктейля после концерта, предоставив поваров, посуду и обслуживающий персонал «Радиссона» (гостиница территориально расположена недалеко от нашего здания). Он же пообещал привлечь к участию в мероприятии знаменитую берлинскую пивоварню «Шультхайс» («Староста»), охотно проводившую рекламные акции. 20 февраля меня познакомили с милой молодой дамой Астой Вегнер, рекламным менеджером «Шультхайс». Она подтвердила готовность поддержать наш проект. В дальнейшем мы в аналогичных случаях регулярно сотрудничали с «Шультхайс».

Концерт под девизом «Большой благодарит Берлин» (имелась в виду поступающая из Берлина гуманитарная помощь для России) состоялся 12 марта 1992 года. Успех был потрясающим. Огромный концертный зал посольства был переполнен. Одно из протокольных правил гласит, что на мероприятие приходит примерно половина приглашаемых; на основе этого определяется количество приглашений. Но на этот раз пришли практически все, кого пригласили. В самом деле, все еще очень немногие берлинцы имели случай посмотреть на дворец на Унтер-ден-

Линден изнутри, а тут еще Большой театр! Концерты в отделении российского посольства получили наименование «Русские вечера» и прочно стали одной из достопримечательностей культурной жизни Берлина.

В дальнейшем концерты в здании на Унтер-ден-Линден с приглашением широкого круга берлинской общественности стали устраиваться регулярно – с неизменным успехом. 29 апреля выступил гостивший в ФРГ ансамбль русских народных инструментов («Грезы балалайки»), 12 июня – пианист А.Л.Мальтер с сольной программой («Времена года» П.И.Чайковского), 21 августа – оркестр и хор Западной группы войск («Голос извечной России»). Эта традиция поддерживалась и после моего отъезда из Берлина. Со спонсорами проблем не было, тем более что речь каждый раз шла об очень небольших суммах. Мы уже не искали спонсоров, они сами приходили к нам. Например, нашим партнером стала быстро набиравшая популярность недавно созданная берлинская радиостанция «100,6» (позже по ее инициативе и за ее счет к каждому Рождеству в дворике перед фасадом посольства устанавливалась огромная украшенная ель). Поддержали нас и берлинские филиалы крупнейших банков ФРГ «Дойче банк» и «Дрезднер банк». Сотрудничество с «Радиссоном» приобрело постоянный характер. Типография «Тагесшпигеля» стала безвозмездно печатать пригласительные билеты. Другими словами, дворец на Унтер-ден-Линден перестал быть чем-то вроде инопланетного звездолета, случайно залетевшего в центр столицы Германии. Мы на практике доказывали, что русские и немцы не просто соседи в Европе, а компаньоны в строительстве общего будущего для континента, собравшись в деле обеспечения стабильности и безопасности для его народов.

Забытые друзья

Во внутреннем обиходе мы всегда называли представителей ГДР «друзьями». И это не было простой формальностью. Сегодня редко вспоминают о первых послевоенных годах, когда ужасы немецкой оккупации определяли отношение нашего народа к немцам – ко всем немцам, а не только к членам нацистской партии или карательным формированиям (СС, СД и т.д.). В статье, опубликованной к 70-летию нападения гитлеровской Германии на СССР, немецкий историк Вольфганг Випперман, родившийся, кстати сказать, в 1945 году, писал: «Кто напал на Советский Союз? Гитлер, отвечают на Западе. А на Востоке все еще можно слышать, что напали "фашисты", выполнявшие поручение определенных "кругов финансово-

го капитала". На самом же деле это были немцы. Не все, но большинство немецких солдат шло на войну, которая с самого начала была и должна была стать беспримерной расовой войной на уничтожение. Не потому что им нравилась война, а потому что они ненавидели врага. А врагом был "русский". И его боялись и ненавидели если не испокон веков, то уж, по крайней мере, со времен Ивана Грозного. И не только правые, но и левые, включая Маркса и Энгельса, которые выделялись своей русофобией»¹⁰.

Ненависть может породить только ненависть. И если в начале войны советские люди пытались разглядеть в нападавших немцах подневольных исполнителей, трудящихся, «братьев по классу», то к концу войны и сразу после ее окончания они видели в каждом немце смертельного врага. Для этого не понадобилось никаких особых пропагандистских усилий, достаточно было показать и рассказать, что творили немцы на оккупированных советских территориях. Когда мы в сентябре 1944 года в полуразрушенном после кратковременной германской оккупации Калинин (Твери) приступили в школе к изучению немецкого языка, наша учительница сказала нам: «Я запрещаю вам называть меня "немой". Я такая же русская, как вы. Но я буду учить вас немецкому языку, который вы должны знать, потому что это язык врага».

Разгром нацистской Германии открыл новую эпоху в развитии континента. Народам Европы предстояло вновь научиться жить вместе. Это относилось прежде всего к русским и немцам, без сотрудничества которых всякий мир рискует оказаться непрочным и ненадежным. Язык врага должен был стать языком друга. В жизненно важном для всех европейцев деле примирения русских и немцев огромная заслуга принадлежит немцам советской зоны оккупации Германии, ставшей впоследствии Германской Демократической Республикой. Контакты советских людей с немецкими военнопленными, большинство из которых было направлено после освобождения в создаваемую ГДР, а также с населением восточной зоны (за период до 1994 года в составе Группы советских войск в Германии служили около 10 миллионов граждан СССР), учеба студентов из Восточной Германии практически во всех вузах нашей страны, молодежные обмены, книжный магазин ГДР на улице Горького в самом центре Москвы, сотрудничество городов-побратимов (пожалуй, самыми активными и впечатляющими были связи между Ленинградом и Дрезденом, сохранившиеся и по сию пору), обмен туристскими группами, всевозможными делегациями, взаимное

---

¹⁰ Wippermann W. Weder Hitler, noch das Kapital // Neues Deutschland. 18–19.06.2011.

проведение выставок – все это было гранями алмаза взаимной симпатии, которые постепенно и терпеливо шлифовались, чтобы стать с годами драгоценным бриллиантом дружбы. Немцы ГДР были «нашими немцами», их первыми после войны русские стали называть друзьями. Немцы ФРГ еще долгое время оставались «ненадежным элементом» – от них ждали любых неприятностей. И если сегодня у немцев, без деления на западных и восточных, исключительно высокий рейтинг в России, то опирается он прежде всего на опыт сорокалетнего всестороннего дружественного сотрудничества между СССР и ГДР.

Но и в этой сфере в 1989–1991 годах произошел перелом. Вследствие того, что Советский Союз не сделал в свое время никаких оговорок относительно ограждения своих друзей в ГДР от преследований со стороны центральных германских властей, объединение Германии привело на практике к дискриминации и ущемлению гражданских свобод для всех, кто хоть как-то был причастен к партийно-государственному аппарату восточногерманского государства. Наступление на права новых сограждан разворачивалось по двум главным направлениям – связи с министерством государственной безопасности ГДР («штази») и режим охраны государственной границы.

В условиях «холодной войны» государства Варшавского договора относились к ГДР как к некоей «прифронтовой зоне». По понятным причинам так же понимала свою функцию в социалистическом содружестве и сама ГДР. Отсюда гипертрофированная роль органов госбезопасности (при том, что не было ничего похожего на массовые репрессии¹¹) и жесткость поведения пограничников, открывавших огонь на поражение при неповиновении нарушителей границы (следует, однако, учитывать, что эти нарушители зачастую первыми начинали стрельбу). Как всякая бюрократическая структура, «штази» стремилась убедить начальство в эффективности своей работы и с этой целью регистрировала в качестве «неформальных сотрудников» всех, с кем удавалось установить контакт ее работающим открыто или под прикрытием агентам¹². Таким образом, в «связях» с МГБ можно было обвинить практически каждого гражданина ГДР, который каким-либо образом проявлял активность в сфере

---

¹¹ Один из западных журналистов признал несопоставимость нацистского режима и общественного строя ГДР по той причине, что первый оставил после себя горы трупов, а второй – лишь горы бумаг.

¹² В марте 1990 г. в печать были переданы данные о том, что «штази» насчитывала 109000 «неофициальных сотрудников» (см.: *Neue Chronik DDR. 4–5 Folge. Berlin, 1990. S.225*).

общественной деятельности. Архивы «штази» почти полностью попали в руки новых властей, которые не преминули использовать их (даже при отсутствии прямых доказательств) против тех, кто так или иначе выступал против немедленной ликвидации республики. Под предлогом агентурной деятельности в пользу «штази» были удалены с арены активной политической деятельности по существу все пользовавшиеся популярностью в ГДР руководители оппозиции «первого часа». Ставший первым главой восточногерманской социал-демократии Ибрагим Беме, председатель новой партии «Демократический прорыв» Вольфганг Шнур, лидер либералов Манфред Герлах, а также многие другие, менее заметные деятели оппозиции ГДР стали жертвами подобных обвинений. До сих пор не стихает упорная пропагандистская кампания против одного из руководителей ПДС Грегора Гизи, вследствие аналогичных нападок был вынужден после объединения уйти из федеральной политики последний премьер-министр ГДР Лотар де Мезьер (ХДС). В таких условиях неудивительно, что влияние восточногерманских политических деятелей на общественную жизнь объединенной Германии остается близким к нулю. При этом никто не задумывается над тем, что, будь открыты архивы любой другой секретной службы мира (той же ФРГ или США), вряд ли обнаружались бы очень большие различия между ее деятельностью и методами «штази».

«Стрельба на границе» служила еще одним предлогом для преследований как пограничников ГДР, так и политического руководства восточногерманской республики. Все, кто входил в состав высших органов власти ГДР, были заранее объявлены виновными в том, что существовал приказ стрелять в нарушителей границы. Конечно, проекты законов, принимаемых Народной палатой, проходили предварительно апробацию в партийных органах, в том числе в Политбюро ЦК СЕПГ. В этом смысле можно утверждать, что ответственность за инструкции, по которым действовали пограничники, формально несут члены Политбюро. Однако форма не всегда передает содержание. Не следует забывать о том историческом факте, что германо-германская граница была «фронтальной линией» той самой «холодной войны», которую развязал в свое время именно Запад. Обстановка же на линии фронта в корне отличается от ситуации в тылу, тем более от условий мирного существования. Для придания большего драматизма обвинениям в «стрельбе на границе» число погибших в ходе инцидентов было безмерно раздуто. По официальным данным, полученным германскими СМИ в 1991 году, при попытках перейти границу между ФРГ и ГДР в период с 1949 по 1989 год, то есть за всю историю существования ГДР, и преодолеть Берлин-

скую стену после ее возведения в 1961 году погибли 290 человек¹³. Однако позже в ход были пущены «подсчеты», согласно которым жертвы только Берлинской стены стали исчисляться тысячами.

«Стрельба на границе» послужила главным мотивом для судебного преследования бывшего руководителя ГДР Эриха Хонеккера. Все, что произошло со смертельно больным Хонеккером после его отставки, состоявшейся 18 октября 1989 года, напоминало фильм ужасов, поскольку его тяжелое заболевание демонстративно игнорировалось. В декабре 1989 года в берлинской клинической больнице «Шарите» ему была сделана (не совсем удачная) операция по удалению пораженной раком почки. Еще до того, как в январе 1990 года он выписался из больницы, генеральная прокуратура ГДР возбудила против него и ряда других руководителей СЕПГ дела по гротескному обвинению в государственной измене: «Нарушение конституции с целью узурпации власти путем систематического подрыва конституционных порядков». (Правда, уже 26 марта 1990 года генеральная прокуратура признала, что указанное обвинение не удастся обосновать.) Это не помешало ей выдвинуть новые обвинения; Хонеккер подозревался теперь в «злоупотреблении доверием» и «несоразмерной трате государственных средств» (в частности, на строительство домов отдыха для партработников, на привилегии в области снабжения и авиаполеты в личных целях для них же). 30 ноября 1989 года в отношении Хонеккера было выдано предписание об аресте с тем обоснованием, что он, как председатель Государственного совета ГДР, виновен в издании приказа стрелять в нарушителей границы. Однако врачи официально засвидетельствовали, что он не может быть помещен под стражу по состоянию здоровья. 28 марта 1990 года генеральная прокуратура констатировала, что вообще судебные процессы над обвиняемыми вряд ли состоятся, поскольку они все страдают серьезными заболеваниями. К моменту выписки Хонеккера из «Шарите» домик в правительственном поселке Вандлитц под Берлином, в котором проживала его семья, был экспроприирован и передан новым хозяевам. Поскольку другой жилплощади у Хонеккеров не было, правительство ГДР попросило руководство протестантской церкви ГДР разместить их в одном из подчиненных ей благотворительных учреждений, поскольку иначе нельзя было гарантировать безопасность супругов. Была достигнута договоренность о помещении Эриха и Маргот Хонеккеров в церковный дом для престарелых в Лобетале близ Бернау. В связи с последовавшими под различными надуманными предложениями

---

¹³ См.: *Tagesspiegel*, 29.05.1991.

шумными акциями протеста против этого решения церковные власти разъяснили, что чета Хонеккеров размещается в гостевой комнате частного дома лобетальского пастора Хольмера и, таким образом, условия проживания для обитателей дома престарелых не ухудшились.

Однако акции протеста продолжались. Хонеккеру не давали выходить из дома пастора. 24 марта правительство ГДР попыталось разместить чету Хонеккеров в государственном доме отдыха в местечке Линдов под Нойруппином, где условия пребывания были бы для них более благоприятными. Но их встретила разъяренная толпа, требовавшая не допустить переезда. В связи с продолжающимися антихонеккеровскими демонстрациями местные власти опротестовали решение правительства, и супругов пришлось вернуть в Лобеталь. Тогда правительство ГДР обратилось за помощью к главному командованию Западной группы войск, располагавшей развитой системой собственных медицинских учреждений.

3 апреля под покровом ночи Эриха и Маргот Хонеккеров переправили машинами ЗГВ в центральный госпиталь группы в Белитце, где им были обеспечены не только нормальные условия жизни, но и необходимый врачебный надзор. По соглашениям между ГДР и СССР размещенные в восточногерманской республике советские войска обладали статусом экстерриториальности, схожим со статусом, существующим для дипломатического корпуса. Это означало, что на охраняемую военными территорию госпиталя могли пройти лишь обладатели специальных пропусков, выдаваемых самой ЗГВ. Пребывание Хонеккеров в Белитце решило проблему их безопасности и медицинского обслуживания. Но 29 июня 1990 года генеральная прокуратура ГДР официально возбудила дело против Хонеккера по обвинению в «убийстве» в связи со стрельбой и установлением самострельных приспособлений, а также мин на «внутригерманской» границе. Постановление о возбуждении дела опиралось на материалы, предоставленные прокурорами земель ФРГ. Новое правительство ГДР во главе с Лотаром де Мезьером обратилось к СССР с требованием выдать Хонеккера правоохранительным органам республики. Москва молчала.

В середине июля 1990 года в печать были вброшены слухи о том, что Хонеккеры обратились к властям Чили с просьбой о предоставлении им политического убежища. У руководителей ГДР были особые отношения с чилийскими демократами, покинувшими страну после установления диктатуры Пиночета. Большинству спасшихся от пиночетовского террора были предоставлены убежище и средства к существованию именно в ГДР. Единственная дочь Хонеккера вышла замуж за

сына одного из чилийских эмигрантов и уехала с ним в Чили после восстановления там демократической формы правления. Так что основания для подобных слухов имелись. Но ни Хонекеры, ни новые чилийские власти не стали их комментировать. После объединения Германии в октябре 1990 года немецкие требования о выдаче Хонекеров становились все более настойчивыми. Начались суды над пограничниками ГДР, обвинявшимися в том, что стреляли по нарушителям границы. Нарастала кампания в германских СМИ за скорейшее привлечение к ответственности «главного автора закона о стрельбе». Несколько недель у центрального входа в госпиталь в Белитце дежурила автомашина Гельмута Домке, заместителя министра иностранных дел ГДР, которому было поручено доставить Хонеккера в берлинскую тюрьму Моабит. В такой обстановке было принято решение о переезде супругов Хонекеров в Москву.

13 марта 1991 года они были доставлены в столицу СССР советским военным самолетом. Официально этот шаг мотивировался резким ухудшением состояния здоровья Эриха Хонеккера. В одном из интервью после переезда в Москву он сообщил, что власти СССР предоставили ему политическое убежище. Супругам выделили небольшую двухкомнатную палату в одном из московских лечебных центров. Ответной мерой правительства ФРГ стала периодическая «блокада» центрального аэродрома ЗГВ – проверка документов у всех направлявшихся в Шперенберг гражданских лиц под предлогом возникновения подозрений в том, что кто-то собирается нелегально выехать в Москву (такая «блокада» была установлена, например, в мае 1991 года, когда предстояла поездка в СССР бывшего министра обороны ГДР Хайнца Кесслера, хотя у него не было планов использовать для этого Шперенберг).

Однако на этом злключения Хонеккера не закончились. После августовского «путча» 1991 года стала реальной опасность, что набравший силу Ельцин вскоре выполнит давно данное «другу Гельмуту» обещание выдать бывшего главу ГДР, как только сможет это сделать. Не дожидаясь окончательной дезинтеграции Советского Союза, Хонекеры обратились за помощью к послу Чили в Москве, который нашел в свое время приют в ГДР. Они получили убежище в чилийском посольстве и несколько месяцев провели в здании дипломатического представительства, не имея возможности выйти за пределы посольского участка, поскольку у органов внутренних дел Российской Федерации имелся приказ арестовать Хонеккера, как только его перестанет прикрывать дипломатический иммунитет. Все это время ФРГ оказывала концентрированное давление на правительство Чили. Чилийский посол в Москве

сменился; его преемник стал усиленно уговаривать Хонеккера добровольно сдать германским властям. В конце концов тот согласился, и 29 июля 1992 года самолет «Аэрофлота» доставил в Берлин чету Хонеккеров в сопровождении незаметного мужчины в сером костюме. Сразу из аэропорта Эриха Хонеккера привезли в тюрьму Моабит, знакомую ему еще с нацистских времен (как один из вождей молодежной организации запрещенной КПГ, он был в 1935 году арестован гестапо и двумя годами позже приговорен к 10 годам заключения, часть которых провел как раз в Моабите; освободили его в апреле 1945 года наступавшие советские войска). Однако заключение врачей оставалось неизменным: Хонеккер смертельно болен и не может участвовать в процессе. Его пришлось освободить, и он выехал в Чили к жене и дочери. В мае 1994 года Хонеккер скончался в Сантьяго; к этому времени ему исполнился 81 год. Вдова хранит урну с его прахом у себя дома в надежде на то, что когда-нибудь представится возможность предать ее германской земле.

Конечно, Хонеккера как руководителя ГДР можно упрекнуть в различных ошибках и упущениях. В частности, он не проявил достаточной гибкости в тот момент, когда КПСС начала свою перестройку. Он допустил, что возникло впечатление, будто ГДР вступила в негласную конфронтацию с СССР, своим главным и, по существу, единственным союзником. Недооценил возможности ФРГ влиять на настроения восточных немцев. Не учел масштабы протестного потенциала, накопившегося в восточногерманском обществе. Промедлил со смягчением пограничного режима с ФРГ, хотя люди в ГДР давно и упорно этого ждали. Наверное, найдутся и другие претензии к Хонеккеру, с которого никак нельзя снять ответственности за крушение республики. Однако при всем этом он оставался убежденным антифашистом и другом Советского Союза, где в начале 30-х годов учился в школе Коммунистического интернационала молодежи, вступил в комсомол, работал слесарем на «Электростроительном заводе» в Москве, участвовал в строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Он, как и другие руководители ГДР, воспринимал свою республику как родное детище, понимая, что самостоятельно существовать она может только в качестве члена могучего социалистического содружества во главе с СССР. Одного он не мог себе представить – что Советский Союз отвернется от ГДР. Хонеккер не говорил по-русски, мыслил прежде всего как восточный немец (хотя и родился в Сааре), но отлично осознавал, в чем состоят национальные интересы СССР.

Мне довольно часто приходится посещать Берлин по делам российско-германского музея в Карлсхорсте (музей капитуляции), в работе

Научного совета которого я участвую. По пути из аэропорта Тегель я, как правило, проезжаю мимо мрачного здания отремонтированной Моабитской тюрьмы. И каждый раз я испытываю чувство горечи и стыда за политиков моей страны, которые не сумели или не захотели оградить наших немецких друзей-антифашистов от унижений и издевательств в демократической Германии. По неофициальным подсчетам, против бывших граждан ГДР было заведено более 8 тысяч судебных дел.

Нельзя сказать, что Советский Союз оставался совсем безучастным. Так, в сентябре 1990 года Горбачев обратился с личным письмом к Колю, в котором изложил просьбу «охладить усердие тех, кто непрочь продлить „холодную войну" на внутригерманском фронте». Он справедливо подчеркнул, что часто выдвигавшееся обвинение в «подрывной деятельности в интересах иностранного государства» нацелено против СССР, а попытки «выдать за криминал то, что до недавнего времени в ГДР вытекало из союзнических обязательств», служат проповеди антисоветизма и антикоммунизма, что «не вяжется с принципами добрососедства, которым мы с вами присягнули»¹⁴. Насколько можно судить, инициатором письма был В.М.Фалин, но его проект был «приглажен», чтобы не обидеть Коля. Впрочем, смягчение текста не помогло. Коля не ответил на письмо. Он его просто проигнорировал, и преследования продолжались. Больше Горбачев к данному вопросу не возвращался. Письмо было опубликовано лишь в 2006 году. Ни посольство в Бонне, ни филиал посольства в Берлине не были даже информированы о шаге советского руководителя.

Когда в мае 1991 года все по тому же абсурдному обвинению в «подстрекательстве к убийствам на германо-германской границе» были арестованы Вилли Штоф (бывший председатель Совета министров), Хайнц Кесслер (бывший министр обороны) и некоторые другие члены Совета обороны ГДР, отреагировал МИД СССР. В ноте посольству ФРГ в Москве была выражена глубокая озабоченность создавшейся ситуацией. Начальник управления информации Министерства В.И.Чуркин заявил 23 мая, что в Германии уже давно ведется кампания, направленная на дискриминацию левых сил, на создание атмосферы нетерпимости к инакомыслящим, в первую очередь к членам ПДС, и на расправу с представителями прежнего режима. Он подчеркнул, что руководители ГДР принимали свои решения в период «холодной войны», что и опре-

---

¹⁴ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991. М., 2006. С.593–594.

деляло их характер. «Не исключено, – продолжал Чуркин, – что с сегодняшних позиций можно осуждать эти решения, но мы считаем, что это не дает повода для судебных преследований». Протест не помог. Судебные процессы продолжались и закончивались приговорами о тюремном заключении на различные сроки.

Ни на что, кроме политкорректных заявлений и осторожных упреков, сил у Москвы уже не осталось – все, что можно было сдать, было сдано. Объединение Германии показало, что настоящих друзей у нас там было не так много, как нас в этом уверяли в СЕПГ, но и не так мало, как об этом трубили наши недруги. Но если не защищать друзей, то их число быстро уменьшается. После распада Советского Союза хорошим тоном среди историков и политологов России стала считаться, вне зависимости от исторических реальностей, поддержка западных немцев во всяческом очернении ГДР и людей, которые не спешили отречься от нее. При том высоком градусе ностальгии по временам восточногерманского социализма, который характерен для сегодняшних восточных немцев, на практике столкнувшихся с волчьими нравами цивилизованного капитализма ФРГ, подобное поведение только укрепляет их убеждение в том, что СССР/Россия «предали» ГДР. Этим во многом объясняется, что в новых германских землях русофобия стала практически не менее распространенной, чем на Западе Германии. Впрочем, корни немецкой вражды к русским уходят гораздо дальше в глубь истории: начиная, по крайней мере, с 1914 года, когда объявленная России рейхом война послужила началом Первой мировой, население Германии систематически обрабатывалось в антирусском духе.

Проблематика отношения немцев к русским (как и русских к немцам) не потеряла своего значения и сегодня. В начале 90-х годов прошлого столетия она оказывала прямое влияние на политическую и психологическую обстановку между обеими странами. Пока на Востоке Германии продолжали находиться части Западной группы войск и контакт между русскими и немцами носил самый непосредственный и массовый характер, любые инциденты в этой области могли надолго деформировать будущее всего континента. Сейчас же представления русских и немцев друг о друге имеют значение, в первую очередь, в плане обеспечения позитивного имиджа партнеров за рубежом, что также очень важно для того, чтобы обеспечить продвижение к Большой Европе. От этой цели нельзя отказываться, если мы хотим видеть наш континент процветающим и имеющим право голоса в современном мире, сколько бы времени ни потребовалось на оформление общеевропейской семьи народов.

Роман Хасиев

АЗИАТСКИЙ ВОДНЫЙ ТРАНЗИТ

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
556

The rapid growth of economy and population has made the issue of sustained water supply extremely urgent for India. Three main regional water routes – the Brahmaputra, the Indus and the Ganges – originate on the Tibetan Plateau controlled by China. The advantageous geographic position in the riverhead enables China not to reckon with India's strategic interests and build a system of hydro-electric power stations on the Brahmaputra and divert a part of the river's flow to its inland. China's selfish water policy and its efforts to use water scarcity issue as a political leverage has seriously strained relations with India. Currently the frictions between the two regional powers have evolved into a full-scale rivalry for strategic water resources, making all basin states split into two competing camps.

Ключевые слова: дефицит пресной воды; трансграничные водные ресурсы; водная политика; водная дипломатия; международное водное право.

Key words: drinking water scarcity; transboundary water resources; water policy; water diplomacy; international water law.

E-mail: Khasiev.roman@gmail.com

О тличительной характеристикой Азиатского региона является высокая численность и плотность его населения при низкой обеспеченности водой. Дефицит воды становится причиной замедления темпов экономического развития самых крупных государств региона, Китая и Индии. Кроме того, что между этими странами складываются непростые отношения, в орбиту межрегиональной водной политики оказались вовлеченными все бассейновые государства трансграничных рек.

Проблема водного дефицита в Индии стоит столь же остро, как в Китае. Территория страны располагается в муссонном климате, и большая часть осадков (70–95%) выпадает летом, когда юго-восточный муссон гонит теплый и влажный океанский воздух в сторону материка. Период дождей в Индии обычно приходится на июнь–сентябрь, в другие времена года осадки выпадают достаточно редко. Ситуация усугубляется неравномерностью распределения осадков на территории Индии. Если пустынные северо-западные районы характеризуются крайне малым среднегодовым количеством осадков (150 мм/год), то на северо-востоке страны количество дождевой воды достигает 10000 мм/год, что является избыточным и нередко приводит к наводнениям¹.

Двумя основными источниками воды в Индии считаются осадки и талые воды с Гималайских ледников. И хотя ледники играют существенно меньшую роль в формировании общего объема водных ресурсов Индии, значение их трудно переоценить. Более 80% речного стока Индии происходит за 4–5 месяцев², когда преобладает летний муссон, после чего в засушливый период русла рек значительно уменьшаются в размерах и течение поддерживается на приемлемом уровне за счет подпитки из ледников. Поэтому ключевые по своему значению реки, которые обеспечивают население страны водой в течение всего года, берут свое начало на склонах Гималайских гор. Главными из них являются три: Брахмапутра, Ганг и Инд, которые можно назвать основой водной безопасности страны.

Общее количество внутренних возобновляемых водных ресурсов Индии составляет 1261 км³. Количество внутренних возобновляемых водных ресурсов на человека – 1754 м³, что фактически означает предельно низкий уровень душевой водообеспеченности³. Как было отмечено выше, основной проблемой для Индии является не столько количество, сколько крайне неравномерное распределение воды на территории страны. Например, бассейн рек Ганг–Брахмапутра–Мегхна занима-

¹ AQUASTAT, *FAO's Information System on Water and Agriculture // India profile.*

² Там же.

³ AQUASTAT, *FAO's Information System on Water and Agriculture // Main database.*

ет 34% территории Индии, однако на него приходится две трети (62%) водных ресурсов страны. Реки, текущие в западном направлении, занимают до 10% территории страны, но на них приходится всего 4% общего стока. Оставшиеся 56% территории страны обладают 34% водного потенциала⁴.

Другая особенность водных ресурсов Индии заключается в том, что страна является «транзитной» на пути водных потоков. Истоки Инда находятся в Китае, в среднем течении река протекает по западной Индии, затем пересекает границу с Пакистаном. Ганг и Брахмапутра берут начало в Китае, Непале и Бутане, а затем впадают в океан на территории Бангладеш. Таким образом, все крупные реки Индии трансграничные. Их притоки берут начало на территории соседних государств, что для Индии означает высокую степень зависимости от соседей в плане водной безопасности. Так, с территории Китая в Индию ежегодно попадает 347 км³/год, из Непала – 210 км³/год, Бутана – 78 км³/год⁵. Поэтому, если Китай иногда называют водным «донором» региона⁶, Индию правомерно назвать водным «реципиентом».

Особенно сильно водная зависимость Индии проявляется в отношениях с Китаем, что не может не вызывать беспокойства со стороны индийского правительства. Очевидно также и то, что эта обеспокоенность вызвана планами Китая всерьез заняться освоением рек Тибета. Опасения Индии небезосновательны. В 2008 году в ходе своего визита в Пекин премьер-министр Индии Манмохан Сингх затронул вопрос трансграничных рек Тибета, на что премьер Госсовета КНР господин Вэнь Цзябао заявил, что «само выживание Китая» зависит от того, сможет ли он обеспечить себе достаточное количество воды⁷. В связи с этим Тибет, богатый водными ресурсами, рассматривается как наиболее вероятный путь решения китайского водного дефицита. Предполагается, что отведенные воды Брахмапутры и других тибетских рек в объеме до 17 км³ в год могут стать основным источником для «Большого западного маршрута» переброски вод с юга на север Китая⁸. Первоначально планировалось начать работу над западным маршрутом в 2010 году, однако пока строительство не началось.

⁴ AQUASTAT, *FAO's Information System on Water and Agriculture // India profile.*

⁵ AQUASTAT, *FAO's Information System on Water and Agriculture // Water balance sheet (India).*

⁶ Бабаян Д.К. *Гидрополитика как один из основных векторов китайской политики на юго-восточном направлении // Геополитика Китая на современном этапе: некоторые направления и формы. Ереван: Де-Факто, 2010. С.66.*

⁷ Ramachandran Sudha. *India quakes over China's water plan // Asia Times. December 9, 2008.*

⁸ Bagchi Indrani. *China's river plan worries India // The Times of India. October 23, 2006.*

Дзанму – пилотный проект Китая

До недавнего времени одна из крупнейших рек мира – Брахмапутра – оставалась одной из немногих, чье течение не было сковано плотинами. Воды реки по ущельям свободно протекали вдоль южной границы

Тибета на протяжении более двух тысяч километров, прежде чем попасть в восточные индийские штаты, а затем в Бангладеш. Но 12 ноября 2010 года китайские инженеры объявили о том, что первая плотина Дзанму успешно перекрыла часть русла Брахмапутры. Это было первым публичным заявлением о проекте, который до последнего сохранялся Китаем в секрете, несмотря на многочисленные подозрения и запросы с индийской стороны. Поначалу в течение нескольких лет Китай вовсе отрицал существование проектов для основного русла Брахмапутры и на диалог пошел лишь после предоставления Индией снимков со спутников, которые подтверждали строительную активность в районе Дзанму⁹. Свои действия Китай объяснил тем, что между двумя странами не заключено соглашения по трансграничным водным объектам, а значит, Китай не обязан информировать Индию о своих проектах.

Сооружение ГЭС Дзанму идет полным ходом в Тибете на высоте 3200 метров над уровнем моря в среднем течении Брахмапутры. Это небольшой проект стоимостью в 1,2 млрд. долларов, право на реализацию которого получил один из крупнейших строителей плотин в Китае – компания Gezhouba. Производительность ГЭС составит 510 мегаватт электроэнергии в год, что сравнительно немного, однако превышает все существующие ресурсы электричества Тибета и позволит сделать первый шаг в освоении этой территории Китая.

Строительство Дзанму имеет не столько экономическое, сколько психологическое значение: на Брахмапутре началось развитие гидроэнергетики, ознаменовав начало освоения гидроэнергетического потенциала тибетских рек, который сегодня используется лишь на 0,6%. На основном русле Брахмапутры планируется строительство целого каскада ГЭС. Предполагается, что основные гидроэнергетические проекты (кроме Тибета) будут завершены в Китае к 2020 году, после чего, по всей видимости, производственные мощности будут направлены на строительство плотин на Меконге, Салуине и Брахмапутре¹⁰.

Планы освоения Брахмапутры вынашивались давно. В результате проведенного в 1980 в Китае исследования гидроэнергетических ресур-

⁹ Bagchi Indrani. *China admits to Brahmaputra project // India's Economic Times. April 22, 2010.*

¹⁰ Цзян Янь Нань, Хэ Хай Нин. *Сооружение ГЭС в китайском округе Я Цзян означает вступление Тибета в эпоху гидроэнергетики // Джун вай Дуй хуа. 2011. 17 января.*

сов страны, были определены 12 возможных мест возведения гидросооружений на Брахмапутре. Можно считать, что это был первый план по освоению этой реки. В 80-е годы по причине острой нехватки электроэнергии в Тибете несколько раз Китай был близок к началу работ на Брахмапутре, однако строительство так и не стартовало. В 1994 году китайские инженеры приступили к возведению «Трех ущелий». Проекты гидросооружений на Брахмапутре были отложены, что, учитывая огромный потенциал реки, удивительно. Однако на тот момент считалось, что достаточно обеспечить собственную энергетическую потребность Тибета, который не был соединен с другими регионами Китая высоковольтными линиями электропередач. Для выполнения этих задач использование ресурсов Брахмапутры не требовалось. Электрообеспечение Лхасы и других районов Тибета осуществлялось несколькими малыми и средними ГЭС на других водных объектах.

Несмотря на ежегодные упоминания в правительственных докладах о возможном начале гидроэнергетического строительства на Брахмапутре, приоритетной эта задача стала не так давно. Ситуация изменилась во время 11-ой пятилетки, когда энергетический голод Китая достиг своего максимума и освоению тибетских рек был дан зеленый свет.

Китайское «ожерелье» на Брахмапутре

Дзанму – это только начало (рис. 1). Совокупный гидроэнергетический потенциал Брахмапутры и ее притоков огромен. По приблизительным оценкам он составляет 114 гигаватт и из китайских рек уступает лишь

Янцзы (причем по генерации энергии на единицу длины Брахмапутра – самая производительная река). Почти половина потенциала основного русла реки, который составляет 79 гигаватт в год, сосредоточена в районе U-образного изгиба реки вблизи от индийской границы¹¹. Данный участок реки уникален. На протяжении всего 200 км высота русла реки над уровнем моря падает на 3000 метров, что предоставляет хорошие возможности для строительства каскада ГЭС. Предполагается, что там можно возвести две–три ГЭС, каждая из которых по своей мощности не будет уступать плотине «Три ущелья». Однако работы должны вестись с предельной осторожностью, поскольку строительство будет затруднено сложной геологией региона. Кроме того, в этой части страны часто случаются землетрясения, которые могут быть спровоцированы в ходе

---

¹¹ Там же.

АЗИАТСКИЙ ВОДНЫЙ ТРАНЗИТ

возведения (при строительстве некоторые ученые предлагают произвести несколько мирных ядерных взрывов) либо эксплуатации ГЭС¹².

Рис. 1. Гидроэнергетические проекты Китая на Брахмапутре

Табл. 1.

Мощности существующих и проектируемых плотин Китая на Брахмапутре и ее притоках

Построенные		Проектируемые	
Название плотины	Мощность (мегаватт)	Название плотины	Мощность (мегаватт)
Баи	3.1	Дзячха	320
Дзяндзы	1.0	Ивонг	640
Маньяла	20	Ланджен	600
Надзин	7.5	Мото	38,000
Тяньван	3.2	Палун	2760
Танхэ	6.4	Асянбила	480
Вока	20	Дадутя	43,800
Сюзка	40	Ласян	408
Джикун	100	Драке	632
Строящиеся		Кангун	312
Лаоху-дзуэй	102	Тюдан	420
Пандо	120	Санба	480
Дзанму	510	Санданла	560
		Шали	392
		Сотханг	840

¹² Tsering Tashi. *Let the Brahmaputra Flow // Trin-Gyi-Pho-Nya: Tibet's Environment and Development Digest. January 12, 2004. Issue 4.*

Еще в 1998 году в газете «Гуанмин Жибао» была опубликована статья известного китайского специалиста по водным ресурсам Тибета Чэнь Чжуанью «Может ли в Тибете быть построена самая крупная ГЭС в мире?». В статье автор предложил построить крупный резервуар на среднем течении Брахмапутры с целью повышения уровня воды в реке. Затем в скальной породе под углом пробурить 16-ти километровый тоннель до одного из притоков Брахмапутры. Разница высоты между верхней и нижней точкой тоннеля составила бы 2300 метров и позволила бы внутри тоннеля оборудовать три ГЭС¹³ (рис. 2).

Рис. 2 Схема прохождения тоннелей

Такой вариант, по оценкам автора, мог обеспечить эффективную генерацию энергии, максимальное использование гидроэнергетического потенциала при минимальном негативном влиянии на окружающую среду. Кроме того, избыточную энергию, выработанную на станциях, можно было бы экспортировать в нуждающиеся в ней соседние страны, главным образом страны ЮВА.

¹³ Цзян Янь Нань, Хэ Хай Нин. Сооружение ГЭС в китайском округе Я Цзян означает вступление Тибета в эпоху гидроэнергетики // Джун вай Дуи хуа. 2011. 17 января.

Кто не успел, тот опоздал

Свою обеспокоенность планами Китая начать активное строительство гидросооружений и перенаправить часть стока Брахмапутры на север Индия официально выразила в ноябре 2003 года, когда Министерство водных ресурсов восточного штата Ассам направило просьбу МИД Индии отправить китайским коллегам запрос о планах распределения стока реки. Ответа с китайской стороны предоставлено не было, однако вскоре официальное информационное агентство Синьхуа подтвердило намерения Китая начать освоение Брахмапутры и использовать часть ее стока в проекте переброски вод. По сообщению Синьхуа, в середине 2003 года было проведено предварительное изучение возможных мест для строительства плотин¹⁴.

В декабре 2010 года Министерство водных ресурсов Индии заявило, что планы Китая «не отразятся на Индии». Глава Центральной водной комиссии Индии заявил, что причин для беспокойства у Индии нет, поскольку проекты, намеченные Китаем на Брахмапутре, слишком сложные и дорогие и поэтому не будут осуществлены в ближайшем будущем¹⁵. Тогда же министр иностранных дел Индии Нирупама Рао заявила: «Мы сохраняем бдительность в отношении китайских плотин на трансграничных реках и стремимся получить от Китая гарантии того, что на его территории не будет производиться деятельность, которая может негативно сказаться на стоке рек в Индию. Китайская сторона заверила нас, что проекты на Брахмапутре не предполагают задержку или переброску стока реки»¹⁶.

Эксперты не разделяют этого оптимизма и называют такие заявления индийской стороны политическим шагом, продиктованным необходимостью поддержания видимости сотрудиических отношений между двумя азиатскими гигантами. На самом деле, Индия чрезвычайно обеспокоена складывающейся ситуацией, поскольку, если китайским планам суждено сбыться, регулирование стока рек Индии и контроль за наводнениями полностью окажутся в руках КНР. Это представляет серьезную угрозу государственной безопасности Индии и, по мнению радикально настроенных специалистов, абсолютно недопустимо. Клод Арпи, аналитик, изучающий проблемы Китая, Индии и Тибета, сказал, что реализа-

¹⁴ Tsering Tashi. *Let the Brahmaputra Flow // Trin-Gyi-Pho-Nya: Tibet's Environment and Development Digest. January 12, 2004. Issue 4.*

¹⁵ Singh Sangeeta. *Water ministry not worried by China plan to dam Brahmaputra // LiveMint. Feb 8, 2011.*

¹⁶ Там же.

ция проектов на Брахмапутре будет эквивалентна объявлению Китаем войны¹⁷.

Говорится также о том, что Индии просто необходимо получить контроль над территориями, где расположены истоки ее крупных рек, даже в случае, если это будет означать полномасштабную войну с Китаем¹⁸. Однако с войной Индия запоздала, позволив Китаю после ухода британцев без особых трудностей завладеть Тибетом еще в 1950 году. В годы правления Ганди, который был убежденным пацифистом, индийская армия была развалена и не могла противостоять вступлению НОАК в Тибет. В результате, завладев Тибетом, Китай получил значительное геополитическое преимущество над Индией, которое стало важным фактором внешней политики обеих стран.

Хорошая мина при плохой игре

Актуальным остается вопрос о том, какое слово – сотрудничество или соперничество – лучше характеризует отношения Китая и Индии. Два экономических и демографических гиганта относятся друг к другу с настороженностью. Отрицать существующие противоречия, в том числе неурегулированный пограничный вопрос и нарастающее геополитическое и экономическое соперничество за лидирующие позиции в регионе, бессмысленно. Но при этом страны вынуждены соблюдать приличия, создавать видимость отношений кооперации, добрососедства и совместного развития. Это в большой степени продиктовано основной геополитической стратегией Китая «глобального партнерства». Однако в случае с Индией, кроме развития торговых отношений, стратегическому партнерству не хватает содержания. Дружеские отношения с Индией помогают Китаю также укрепить образ «мирного развития» страны.

Индия в свою очередь согласна на предложенные Китаем «правила игры», которые позволяют ей одновременно с заверениями о всестороннем сотрудничестве с Китаем активно работать над сокращением экономического отставания от Поднебесной. Кроме того, налаживая стратегические отношения с США и Японией, Индия стремится к выравниванию баланса сил в Азии. Важным фактором сохранения отно-

---

¹⁷ Tsering Tashi. *Let the Brahmaputra Flow // Trin-Gyi-Pho-Nya: Tibet's Environment and Development Digest. January 12, 2004. Issue 4.*

¹⁸ *Poised For A Future Diplomatic Meltdown? Indo-Chinese Tensions over Use of Tibet's Water // Water Politics. January 20, 2008.*

шений «управляемого соперничества»¹⁹ Индии и Китая является их общая цель поддержания стабильности в регионе, от которой будут зависеть успехи экономической модернизации и безопасность обеих стран.

Сегодня, в условиях глобализации и рыночной экономики, экономическое сотрудничество между странами развивается, несмотря на политические разногласия. Поэтому, не умаляя роли торгово-экономических связей Китая и Индии, закономерно было бы сказать, что политические вопросы будут, как и прежде, источником противоречий в отношениях двух держав. В связи с этим вопросы водodelения могут стать катализатором процесса нарастания напряженности в Южной Азии.

Скажи мне, кто твой друг ... Китайские власти хорошо осознают, что Индия – это прежде всего соперник. Китай не потерпит конкуренции в регионе и поэтому приступил к оказанию стратегического давления на Индию, налаживая теплые дружеские отношения с соседними Пакистаном (который по праву считается главным противником Индии, в том числе и в вопросах совместного управления Индом, и с радостью идет на сближение с Китаем) и Мьянмой. На территории этих двух стран Китай создал два транспортных коридора – выхода к портам, которые также были построены китайцами и обеспечивают Поднебесной выход в океан. Кроме всего прочего, порты обладают значительными нефтеперекачивающими мощностями и нефтеперерабатывающими предприятиями, что позволит Китаю существенно сократить протяженность маршрута доставки нефти из стран-экспортеров, а значит, укрепить свою энергетическую безопасность.

Кроме Пакистана и Мьянмы, существует целый ряд стран, которые Китай намерен использовать для оказания давления на Индию. К ним, в частности, относятся Бангладеш и Шри-Ланка. Но в первую очередь речь идет о Королевстве Непал. Д.К.Бабаян утверждает, что Непал – важнейший элемент водной политики Китая. Если в отношении Брахмапутры Китай может вести независимую политику, то для осуществления контроля над Гангом ему требуется заручиться поддержкой Непала, на территории которого расположены истоки реки. Для Индии Ганг имеет огромное экономическое значение, поскольку проходит

---

¹⁹ *Brahma Challeney. India, China seek cooperative image // The Washington Times. December 23, 2006.*

через развитые центральные районы страны и обеспечивает водой большой процент населения страны.

Тот факт, что 45% стока этой великой реки, которая для индусов также является религиозной святыней, формируется в Тибете и Непале, ставит Индию в весьма уязвимое положение²⁰. По мнению политического обозревателя из Кашмира, Китай и Индия сейчас находятся в процессе ожесточенной борьбы за влияние в Непале, а значит, за его водные ресурсы и, что немаловажно, колоссальный гидроэнергетический потенциал (850 гигаватт)²¹.

Раньше Индия могла рассчитывать на дружественные отношения с Непалом, но похоже, что сегодня Непал склоняется в сторону сближения с Поднебесной. Особенно эта тенденция стала явной после того, как к власти в Непале пришли коммунисты. После нескольких визитов китайских официальных делегаций в Непал, предложений военной и финансовой помощи, а также содействия при возведении ГЭС, правительство Непала приняло решение развернуть пограничные войска на границе с Индией. И это при том, что индо-непальская граница всегда оставалась мирной зоной. На фоне таких трудностей в отношениях был совершен визит министра иностранных дел Индии в Непал, в ходе которого индийская сторона хотела заручиться уверениями Непала в том, что он не вступит в альянс с Китаем. Однако никаких заявлений со стороны Непала не последовало. Союз Китая и Непала выгоден обеим сторонам, поскольку у Китая появится возможность претендовать на северо-восточные штаты Индии, а Непал будет угрожать коридору Силигури, который соединяет северо-восточные штаты с основной территорией Индии.

Оседлавшие тигра

Предположим, что геополитические и экономические обстоятельства ближайших тридцати лет будут складываться для Китая благоприятно и ему удастся осуществить все свои водные и гидроэнергетические

планы. На что в этом варианте развития событий могут рассчитывать трансграничные с Китаем страны? На сознательность? На жалость? На гуманизм?

---

²⁰ *Бабаян Д.К. Гидрополитика как один из основных векторов китайской политики на юго-восточном направлении // Геополитика Китая на современном этапе: некоторые направления и формы. Ереван: Де-Факто, 2010. С.83.*

²¹ *The Thirsty Dragon: «Cornering» India To Control Water? // Water Politics. September 18, 2009.*

Но история китайской цивилизации никогда не оперировала такими понятиями. Их просто нет в генетической памяти китайцев. В ней есть прагматизм, есть понятия о необходимости и целесообразности, о выгоде. Есть умение вынуждено подчиняться обстоятельствам. Есть, наконец, неистребимое желание обеспечить своему народу вечное процветание и благополучие. А у какого народа нет такого желания? Тогда в каких планах и намерениях сегодня можно упрекать или подозревать Китай?

Если предположить, что Китай монополизирует будущее право распоряжаться водными ресурсами региона, то это предположение по крайней мере будет страдать одним изъяном: ни при каких обстоятельствах Китаю не удастся полностью иссушить реки, забирая из них всю воду. И даже не потому, что им этого не хотелось бы, а потому, что технические возможности ближайшего столетия не позволят осуществить такие проекты без неоправданных затрат на строительство и текущее обслуживание гидротехнических сооружений. Вода станет золотой. Не исключено, что опреснение морской воды может оказаться экономически более выгодной альтернативой.

Можно предположить, что Китай не удержится от соблазна применить воду как инструмент политического давления на трансграничные страны. Но и такое предположение имеет слабое место, потому что, возводя такие циклопические по сложности и масштабам гидросооружения, Китай «седлает тигра», которого ему первому придется опасаться, ввиду крайней степени уязвимости и опасности этих сооружений. Исходя даже из этих соображений, он будет вынужден проводить мирную политику со своими соседями, не говоря уже о том, что Китай гораздо больше заинтересован иметь близкие и надежные рынки сбыта своей продукции, чем разоренных или ослабленных экономически соседей. Хотя, как известно из истории дипломатии, шантаж, как таковой, никто не отменял.

Главная проблема представляется не в количестве (хотя это тоже важно), а в качестве трансграничных вод. Какой прок от того, что воды будет много, но ее без очистки нельзя будет использовать ни в быту, ни в сельском хозяйстве. Очистка сама по себе означает удорожание воды и снижение эффективности экономики в целом для любого государства.

Сегодняшние, преступные по своим последствиям методы хозяйствования в большинстве азиатских стран, приводящие к загрязнению водных ресурсов, демонстрируют высокие темпы роста, в частности благодаря экономии на водоочистке.

Из этого следует логический вывод о том, что уже сегодня средства необходимо вкладывать не в способы наращивания объемов потребляе-

мой воды с последующим ее загрязнением, а в способы очистки сточных и промышленных вод, что позволит пускать их в многократный оборот и, как следствие, вообще снимет с повестки дня вопрос о дефиците воды со всеми его негативными последствиями.

А сегодня можно только констатировать, что Китай, реально оценивая сложившуюся в мире ситуацию, осознает, что рано или поздно мировое сообщество созреет до понимания необходимости срочно разработать и принять для всеобщего руководства правила пользования трансграничными водами. Когда это будет сделано, деятельность всех стран, в том числе и КНР, на трансграничных реках будет строго регламентирована. Поэтому Китай торопится захватить как можно больше сейчас.

Сегодняшние правила водопользования на территориях трансграничных водных объектов, которыми руководствуется мировое сообщество, просто провоцируют, иначе не скажешь, наиболее сильные в экономическом и военном отношении государства безнаказанно и практически без негативных для себя последствий захватывать водные ресурсы целых бассейнов. Недовольное и бессильное брюзжание потенциальных жертв водной экспансии, вполне успешно дезавуируется труднодоказуемостью негативных последствий самозахвата, по причине их (в большинстве случаев) отдаленности во времени.

Но полная безнаказанность отбрасывает и этот фиговый листок, и ограбление соседей, равно как и нанесение непоправимого вреда природе, происходит «среди бела дня», на виду у мировой общественности. Именно так Китай поступил в бассейне реки Черный Иртыш. Как известно, правительство КНР заявило о масштабном освоении Западного Китая, в рамках которого завершилось строительство канала Черный Иртыш–Карамай. По каналу часть вод из верховьев Иртыша перебрасывается в район нефтяного месторождения близ города Карамай. Одновременно планируется увеличение забора воды в верхнем течении реки Или для нужд сельского хозяйства Китая.

Эти планы Китая вызывают постоянную озабоченность Казахстана и России. Согласно оценкам специалистов, реализация этих проектов приведет к экологической катастрофе в Восточном и Центральном Казахстане и дефициту пресной воды в Омской области России. Китайская сторона признает необходимость ведения с Россией переговоров по трансграничному бассейну реки Амур и категорически противится ее участию в трехсторонних переговорах по бассейну Иртыша.

Амур является одной из наиболее загрязненных рек России. За последние 15 лет качество амурской воды изменялось от «умеренно грязной» до «очень грязной». В последние годы значительно усиливается

антропогенное воздействие на природную среду в бассейне Амура со стороны Китайской Народной Республики. При высоких темпах промышленного освоения приграничных территорий происходит интенсивное загрязнение вод неочищенными сточными водами, осушаются и распаиваются болота, уничтожаются леса по берегам рек, загрязняются почвы.

Значительный вклад в загрязнение вод реки Амур оказывает трансграничный перенос загрязняющих веществ из реки Сунгари, водосбор которой целиком находится на территории Китайской Народной Республики. По оценкам российских ученых, вклад Сунгари в водность Амура составляет 30 %, а доля поступлений загрязняющих веществ – более 90 %²².

Остро стоит вопрос качества воды в реке Аргунь, которая является единственным источником питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения населения в ряде приграничных районов Читинской области. Воды Аргуни, поступающие в Россию с территории Китая, оцениваются как «грязные – очень грязные», имеют самое низкое качество на территории области, особенно в зимний период.

Проведенные научные исследования показали, что масштабы трансграничного загрязнения амурских вод значительны. Токсические вещества мигрируют, оседают на дне, аккумулируются рыбой, трансформируются до токсичных продуктов и выносятся в прибрежные морские акватории. Есть основания полагать, что загрязнение вод Амура и его притоков представляет угрозу для экосистем Японского и Охотского морей.

Таким образом, проблема согласованности действий в освоении водных ресурсов российско-китайских трансграничных водных объектов на межгосударственном уровне, совместного планирования водохозяйственной деятельности по-прежнему остается самым неурегулированным вопросом.

---

²² Федоров И.М. О проекте Федерального Закона «О рациональном природопользовании в бассейне реки Амур». Выступление на третьем дальневосточном международном экономическом форуме // Хабаровск. 2008. 30 сентября – 1 октября.

Национальные идеологии и общая вера в высшую ценность своей нации, в явно или неявно связанные с этой верой величие и превосходство собственной национальной традиции вносят, с одной стороны, важный вклад в сплочение принадлежащих к одному государству людей в случае, если этому государству угрожает опасность, но, с другой стороны, они одновременно разжигают огонь

**противоречий и конфликтов между
нациями, культивируя или даже
увеличивая те опасности,
от которых нации пытаются с их
помощью защититься.**

Норберт Элиас

Александр Кожановский

**НАРОДЫ ИСПАНИИ:
РЕГИОНАЛЬНАЯ
ОБЩНОСТЬ ПРОТИВ
ОБЩНОСТИ
ГЕНЕТИЧЕСКОЙ**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
392.9

By convention Spain is treated in our country as a multinational state where the largest people (Spaniards) whom we mean an ethnos, dominates historically over the national minorities, such as Basques, Catalans and Galicians. An author, on the ground of his data, asserts that such a pattern doesn't coincide with reality. In Spain itself, in contrast with our country, cultural, historical and linguistic manifold of its population is traditionally comprehended not in ethnic but in local and hierarchical categories.

Ключевые слова: Испания; испанцы; народ; нация; этническая общность; национальное меньшинство; регион; автономия; самосознание; происхождение.

Key words: Spain; Spaniards; people; nation; ethnic entity; national minority; region; autonomy; identity; origin.

E-mail: av151019@comtv.ru

Задача, состоящая в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для бесконфликтного сосуществования в пределах одного государства разных групп его граждан с различающимися, порою очень основательно, языками, культурами, историческими традициями и пр., видимо, еще не скоро утратит свою актуальность в нашей стране, как, впрочем, и во многих других странах современного мира. И совершенно понятно и оправданно желание изучить чужой опыт в данной сфере, сопоставить его с собственным и использовать для решения отечественных проблем. Вот только всегда ли верно мы трактуем этот чужой опыт? Всегда ли отдаем себе отчет в существовании той опасности, которая подстерегает всякого, не исключая и исследователя-обществоведа, кто стремится постичь жизнь другого народа, и которая состоит в том, что вся добываемая информация неосознанно «подгоняется под ответ» согласно реалиям и нормам той среды, к которой изначально принадлежит сам исследователь? Ведь в противном случае итогом самого, казалось бы, подробного и добро-совестного изучения может стать невольное «конструирование» наблюдаемого объекта, не совпадающее с выявлением его действительной сути.

Интересный пример в этом смысле дают нам Испания и ее население.

**«Национальный вопрос»
в Испании глазами россиян**

Испания в представлениях наших соотечественников, интересующихся этой страной, – яркий пример многонационального государства, где с давних времен проживает несколько народов, составляющих местное коренное население. По отношению к этим народам у нас могут употребляться термины «национальности», «национальные общности», «этнические общности», «народности», «нации», «этноты», но всегда имеются в виду одни и те же совокупности населения. Одна из них, испанцы или собственно испанцы, – наиболее многочисленный и исторически доминирующий народ, тогда как три других – каталонцы, галисийцы и баски – значительно уступающие ему по численности «национальные меньшинства». На этнических картах территория Испании представлена в виде территорий расселения (этнических территорий) названных четырех основных коренных народов этой страны.

Европейские параллели

Карта регионов Испании

Соответственно мы считаем, что многие события прошлого и настоящего в Испании отражают взаимоотношения тамошних народов либо так или иначе соотносятся с испанской многонациональностью, а то и прямо порождены ею. Сами же эти народы воспринимаются и описываются здесь как «совокупности людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения»¹, то есть так же, как и все прочие народы на Земле. Поскольку они, как считается, достигли стадии нации, у них констатируются особые политические интересы, связанные прежде всего с потребностью обеспечить свою самобытность и самоуправление в той или иной форме.

¹ Семенов Ю.И. *Этносы, нации, расы* (<http://scepsis.ru/library/id>).

НАРОДЫ ИСПАНИИ: региональная общность против общности генетической

Такая трактовка, в частности, подразумевает, что каждый из названных народов Испании продолжает оставаться общностью, даже если отдельные его представители или их значительные группы утратили те или иные признаки, характеризующие данный народ: язык, особую этническую культуру, проживание на «исконной национальной» территории и т.д., – но сохранили «национальное» (этническое) самосознание, которое служит своего рода ориентиром в самоопределении человека. Основой же самосознания в данном случае является представление о происхождении от общих предков и, следовательно, о генетической связи с другими членами своей этнической общности. Именно такое понимание отражала долгое время действовавшая в нашей стране практика определения «национальной принадлежности» – по соответствующей принадлежности отца или матери (здесь был возможен выбор – в случае несовпадения). «Национальная принадлежность» представляла собой неотъемлемую характеристику личности, закрепленную за ней с рождения и до кончины. И совершенно неважно было, где человек родился и где он проживает: его этнически понимаемая «национальность», фиксирующая принадлежность к одной из этнических общностей, в норме оставалась неизменной.

Областные сообщества вместо народов-этносов

Проблема состоит в том, что реалии самой Испании, включая события, происходящие там, на наш взгляд, никак не подтверждают приведенной выше характеристики, которая

давно стала в нашей стране общим местом при описании Испании.

Начать с того, что вся ее территория с эпохи Реконксты подразделяется на некоторое число «исторических областей», или регионов, названия которых так или иначе на слуху едва ли не у каждого грамотного россиянина: Астурия, Арагон, Эстремадура, Ла-Манча, Андалузия, Кастилия и т.д. Есть в этом ряду и Галисия, Каталония, Страна басков. Но это именно исторические области, и практически никакого совпадения между их четкими рубежами и контурами «этнических территорий» названных выше народов Испании не наблюдается. Так каталонцы, помимо Каталонии, проживают в Валенсии, на Балеарских островах, в восточной части Арагона. Галисийцы населяют не только Галисию, но и прилегающие районы Астурии и Леона. Баски же занимают лишь часть территории Страны басков и северные районы соседней Наварры. Все остальные пространства страны, включая западные земли Арагона и

Валенсии, большую часть Леона, Астурии и Наварры и меньшую часть Страны басков, входят в зону обитания собственно испанцев.

И вот обнаруживается, что термины «каталонцы», «баски» и «галисийцы» в испанском контексте, т.е. в понимании людей, которые пишут и произносят эти термины, равно как и их читателей и слушателей, несут в себе совсем не тот смысл, который уже традиционно вкладываем в них мы: там, в Испании, они связаны только с обитателями соответствующих регионов. То есть галисийскоязычные жители соседних с Галисией земель Астурии и Леона являются и в собственном мнении, и во мнении окружающих не галисийцами, а, соответственно, астурийцами и леонцами. И не случайно французский автор предостерегает своих соотечественников: «Но не спутайте мальоркинца (жителя одного из каталаноязычных Балеарских островов. – *А.К.*) с каталонцем, иначе сойдете за неграмотного...», ведь мальоркинцы «...настаивают со страстью на своей самобытности» и на праве отличаться от каталонцев².

Аналогичным образом исконно каталаноязычные обитатели арагонских селений из районов, прилегающих к Каталонии, считаются там и сами себя считают не «каталонцами Арагона», а «каталаноязычными арагонцами»³. И тот же «областнический» принцип группового самоопределения торжествует по всей стране.

Несколько иначе обстоит дело с термином «испанцы», который в нашей понятийной системе является этнонимом и подразумевает доминирующий народ страны. В самой Испании он традиционно означает все ее население, всю совокупность ее постоянных обитателей. Именно в этом смысле «испанцами» являются и каталонцы (в местном значении), и баски, и все прочие ее граждане. Важно отметить в связи с этим, что во внутрииспанском контексте тот язык, который за пределами страны известен как «испанский» (он же официальный язык государства), гораздо чаще именуется «кастильским», а говорящие на нем – «кастильскоязычными», что подразумевает восприятие и всех остальных языков и наречий, исконно бытующих в стране (каталанского, галисийского, баскского, арагонского, бабле и пр.), в равной степени как «испанских», т.е. составляющих неотъемлемую часть историко-культурного достояния Испании и ее населения.

---

² Louapre E. *L'Espagne d'aujourd'hui*. Londres, 1986. P.23.

³ Кожановский А.Н. На *Втором международном конгрессе каталанского языка // Советская этнография*. 1987. №1. С.143.

НАРОДЫ ИСПАНИИ: региональная общность против общности генетической

Однако как же тогда обозначаются в Испании всем у нас известные народы-этноты этой страны, если привычные нам их названия имеют там, как выясняется, иное смысловое наполнение? Выясняется, что цельного, системного представления об этнических общностях в нашем понимании, подразумевающего те же совокупности населения, там нет. Соответственно нет и каких-либо терминов для их обозначения. Всех, чей родной язык каталанский, могут назвать «каталаноязычными», но никто, включая их самих, не станет считать этих людей единым народом, отличающимся от других народов. Такая же ситуация и с тремя остальными «национальными общностями».

Между тем отсутствие самоназвания, свидетельствующее об отсутствии коллективного самосознания, уже резко противоречит принятой у нас квалификации народов-этноты Испании как наций: ведь она предполагает как раз четкое представление о своей особости, своей специфике в сравнении с другими народами.

Попытавшись далее проанализировать очевидные, казалось бы, свидетельства присутствия народов-этноты в общественно-политической жизни Испании, мы увидим, что на самом деле практически всякий раз речь идет не о них, а о все тех же регионах: о взаимоотношениях регионов и центральной власти, о попытках регионов отстоять или укрепить свою административно-политическую самостоятельность, об их стремлении культивировать историко-культурное и языковое своеобразие своего населения, зачастую в ущерб общеиспанским образцам, и т.д. Вполне характерна в этом отношении ситуация с постфранкистским (конец 1970-х – начало 1980-х гг.) «автономным строительством» – радикальным преобразованием до той поры унитарного, жестко централизованного государственного устройства в систему широкого местного самоуправления на разных уровнях, от локального до регионального. Данная реформа неоднократно трактовалась у нас как долгожданное «решение острого национального вопроса» в Испании путем предоставления территориальной автономии тамошним национальным меньшинствам⁴ (по типу того, что было осуществлено в нашей стране после 1917 года). Однако если бы это было так, то результатом стало бы, надо полагать, появление на карте Испании трех (по числу национальных меньшинств) автономных образований, примерно совпадающих с ара-

---

⁴ См., например: Прицкер Д.П. Национальная и региональная проблемы современной Испании // *Расы и народы. №10 [1980]; Страны и народы. Зарубежная Европа. Южная Европа. М., «Мысль», 1983.*

лами расселения (этническими территориями) соответствующих народов. На самом же деле автономии добивались и получили ее именно регионы (исторические области), причем повсеместно, так что к началу 1980-х гг. вся территория страны без остатка оказалась разделена между семнадцатью (!) так называемыми автономными сообществами. И нет никаких оснований подозревать здесь административный произвол: вся процедура, начиная с определения границ будущего автономного образования и заканчивая утверждением текста его официального статута, осуществлялась в строгом соответствии с волей местных жителей, выразивших ее на специальном референдуме.

Таким образом, у нас есть серьезные основания для того, чтобы констатировать отсутствие в Испании народов-этносов в нашем традиционном понимании. В то же время понятие «народ» здесь широко используется, и «народами» привычно называют «каталонцев», «басков» и «галисийцев», но в очевидно региональном (областническом) значении и в одном ряду с «арагонцами», «андалузийцами», «валенсийцами», «канарцами» и пр. При этом имеется в виду не статистическая совокупность обитателей каждой данной территории на данный момент времени, людей, которые не связаны ничем, кроме совместного проживания здесь, но именно народ, называющий себя по названию своей области, сознающий свое общественно-политическое единство, ощущающий свое историко-культурное своеобразие, общность своих интересов, свое отличие от других общностей того же типа.

Но в таком случае перед нами иная система взглядов, нежели та, которую исповедуем мы сами, по крайней мере, в «национальном вопросе». И, чтобы адекватно оценивать происходящие – и происходившие прежде – в Испании события соответствующего ряда, нам следует принимать во внимание существующие различия.

Особенности испанского коллективного самосознания

Прежде всего, общее генетическое происхождение, представление о котором служит само собой разумеещейся основой этнической общности в нашей традиции, в испанском случае удивительным (для нас) образом не принимается во внимание, если вступает в противоречие с областническим принципом. Выше уже упоминалось о том, что исконно каталаноязычные обитатели Балеарского архипелага и Арагона решительно отказываются отождествлять себя с каталонцами – жителями Каталонии. При этом они в массе своей

в испанском случае удивительным (для нас) образом не принимается во внимание, если вступает в противоречие с областническим принципом. Выше уже упоминалось о том, что исконно каталаноязычные обитатели Балеарского архипелага и Арагона решительно отказываются отождествлять себя с каталонцами – жителями Каталонии. При этом они в массе своей

вполне отдадут себе отчет в том, что говорят на том же каталанском языке и происходят из одного «историко-генетического корня». А в автономном статуте соседнего с Каталонией региона Валенсия родной язык большинства местных жителей – валенсийский диалект все того же каталанского – официально называется «валенсийским языком»: тем самым утверждается его неотъемлемая принадлежность данному региону. Даже немногочисленные представители тех маловлиятельных общественно-политических сил, которые настаивают на «единосущности» всего исторически каталаноязычного населения Испании (а также Андорры и ряда территорий Франции и Италии), практически никогда не говорят о «едином каталанском народе», но только о «народах каталаноязычного ареала», либо о совокупности отдельных «каталанских стран» (Països Catalans).

Еще более показательны в этом смысле сравнительные социологические данные о «региональных симпатиях», т.е. об отношении жителей одних испанских регионов к другим. Так, в ходе одного из такого рода массовых опросов периода «автономизации» выяснилось, что для жителей региона Валенсия «единокровные» каталонцы и балеарцы менее предпочтительны, чем принадлежащие к «другому этносу» (если придерживаться привычной нам точки зрения) или, во всяком случае, входящие в иной, чем они сами, языковой ареал уроженцы Андалузии и Мурсии⁵. Для обитателей Балеарских островов ближе всех оказались одноязычные с ними валенсийцы, зато каталонцев они поставили лишь на четвертое место, предпочтя им «лингвистически чуждых» андалузцев и арагонцев (испано-, т.е. кастильскоязычных)⁶. Но и каталонцы поставили перед своими «братьями по языку и происхождению» все тех же южан-андалузцев, а жители Барселоны – еще и басков⁷. Невозможно представить себе такой расклад при сколько-нибудь заметном уровне *этнического самосознания* в рамках каталаноязычного ареала.

В то же время в пределах региона языковые различия в среде местных обитателей не мешают им воспринимать себя в каждом случае как особый региональный «народ», если эти различия сложились исторически, в результате «естественного» хода событий. Это хорошо видно на примере того же Арагона, в состав которого входят территории с изначально кастильскоязычным, арагоноязычным и каталаноязычным насе-

⁵ García Ferrando M. *Regionalismo y autonomía en España. 1976–1979. Madrid, 1982. P.546.*

⁶ *Ibid.* P.508.

⁷ *Ibid.* P.449.

лением. Все историко-культурные и языковые особенности разных групп жителей региона осмысляются и декларируются ими как достояние их общей малой родины – Арагона – и единого в своем многообразии «арагонского народа».

Имеющиеся в нашем распоряжении данные социологических опросов позволяют нам выяснить, каковы, с точки зрения жителей испанских регионов, критерии отнесения конкретного человека к тому или иному «областному народу», и сравнить их с хорошо известными нам по опыту нашей страны критериями причисления к той или иной «национальности» (этнической принадлежности). Так, исследование 1979 г. в Каталонии относительно условий, необходимых для того, чтобы считаться «каталонцем» (предполагалась возможность нескольких ответов), дало следующие результаты: надо говорить на каталанском языке – 33,3%, жить и работать в этом регионе – 56,5%, происходить из семьи местных жителей – 82,4%⁸.

Другой опрос, проведенный здесь несколько лет спустя на ту же тему, обнаружил такие мнения: «родиться в Каталонии», «чувствовать себя каталонцем», «говорить по-каталански», «уважать Каталонию и все, что с ней связано», «жить и работать здесь», «усвоить ее обычаи», «хотя бы не говорить плохо о Каталонии». Приведенные здесь ответы вполне соответствуют убеждению опрошенных, что можно быть «каталонцем» в большей или меньшей степени и что со временем эта степень может измениться – увеличиться или, напротив, уменьшиться⁹.

С данной темой тесно соседствует другая: что же характеризует региональную общность с точки зрения тех, кто входит в ее состав? Что воспринимается этими людьми как «сила сцепления», создающая единство областного народа, отдельные части которого порою говорят на разных языках и существенно различаются между собой в аспекте традиционной культуры? Интересные данные на этот счет дают опять же социологические обследования. Так, в 1976 г. жители региона Валенсия из собственных отличительных черт чаще всего (57%) указывали на климат своей области, а вот признаки, которые мы назвали бы «этническими», реже (язык – 39%, обычаи – 38%, фольклор – 15%). Совместное историческое прошлое упомянули около 20% респондентов¹⁰.

---

⁸ Linz J. *Conflicto en Euskadi*. Madrid, 1986. P.32.

⁹ Barrera González A. *La dialéctica de la identidad en Cataluña*. Madrid, 1985. Pp. 322, 327.

¹⁰ García Ferrando M. *Op. cit.* P.541.

Опрос, проведенный в мае 1988 г. в уже автономной Валенсии, показал, что «валенсийский народ» свою специфику по-прежнему видит прежде всего в особых климатических условиях, в которых он проживает; язык для него – далеко не самое важное, и вообще он в массе своей мало интересуется проблемой самобытности¹¹.

Аналогичным образом жители Балеарских островов, отвечая на вопрос, в чем они видят свое отличие от обитателей других регионов Испании (в 1979 г.), назвали прежде всего климат (67%) и географические условия (60%); язык, обычаи и фольклор упомянули соответственно 45, 46 и 3% опрошенных¹².

Вопрос о языке в рамках нашей темы весьма симптоматичен. Исторически сложилось так, что многие, даже коренные обитатели тех регионов, где исконно распространены местные языки, отличные от общегосударственного, не знают языка своего родного региона или знают его в недостаточной степени, чтобы, например, читать или писать на нем. Поэтому деление людей на «местных» и «чужаков» по лингвистическому признаку на региональном уровне не представляется оправданным и не практикуется. Однако отношение к языку своего областного народа как к его неповторимой особенности, воплощению его истинной природы, к нити, связующей и с предками, и с земляками, и с историей, и с традиционной культурой, как к олицетворению самобытности и вековой борьбы за нее глубоко укоренилось в сознании людей. Поэтому процесс приобщения к местным речевым формам повсюду, где они сохранились, всегда имел поддержку в обществе, а со второй половины 1970-х гг. он получил мощный стимул в результате целенаправленной политики автономных властей. Для мигрантов, ориентирующихся на то, чтобы поскорее адаптироваться к новой для них среде, усвоение местного языка является, пожалуй, наиболее верным и коротким путем к цели, а для окружающих – убедительным доказательством искренности их намерений, свидетельством их превращения в «своих». По словам известного каталонского культурного деятеля (М.Бадиа-и-Маргарита), «языковая интеграция – это та дань, которую должен заплатить каждый мигрант той земле, которая его принимает»¹³.

И вот здесь очень важно отметить, что готовность переселенцев к всесторонней, в том числе и культурно-языковой, адаптации к новой

¹¹ *Cambio* 16. 1988. №842. P.9.

¹² *García Ferrando M. Op. cit. P.502.*

¹³ *Barrera González A. Op. cit. P.341–342.*

среде основательно укоренена в испанской традиции и проявлялась даже в годы франкизма, препятствовавшего развитию и распространению каких-то иных – помимо официального кастильского – языков Испании. Так, в одном из очерков, напечатанных в начале 1960-х гг. в местном валенсийском журнале, прямо говорится о «валенсийцах по адаптации» – мигрантах из других частей страны, доказавших свою полную заинтересованность в местных проблемах и включившихся в их решение. Один из них, родом из Астурии, приобрел известность и признательность своих новых земляков активной пропагандой «валенсийского языка», вплоть до того, что на церемонии крещения своего ребенка демонстративно обратился к священнику с просьбой говорить «по-валенсийски», а не по-кастильски¹⁴.

Не менее убедительные примеры того же рода предлагает Страна басков. В 1969 г. при опросе в баскской провинции Гипускоа 70–80% проживавших здесь мигрантов высказались за обучение своих детей баскскому языку в школах¹⁵ – при том, что этот язык, помимо запрета на его использование в официальной жизни тогдашнего испанского государства, еще и сам по себе чрезвычайно труден для изучения, т.к. не является не только романским, но и индоевропейским. Более десяти лет спустя, в 1980–1981 гг., уже в условиях либеральной демократии и автономии, тенденция полностью подтвердилась. Опрос обитателей Страны басков, не знающих баскского языка, показал, что 75% из них хотели бы знать этот язык, 83% хотели бы, чтобы его знали их дети, 86,5% хотели бы его сохранения и распространения, 90,5% высказались за двуязычие в обучении, за баскский язык в управлении, делопроизводстве, средствах коммуникации¹⁶.

Но, может быть, наиболее впечатляющим – в связи опять-таки со Страной басков – в интересующем нас смысле является то обстоятельство, что в рядах террористов, боровшихся соответствующими их убеждениям средствами за независимость баскских земель, с самого начала обнаружили бывшие мигранты, выходцы из кастильскоязычных провинций Юга и Центра Испании, или родившиеся уже в Стране басков дети таких мигрантов.

Обычно уроженцы того или иного региона Испании, в силу жизненных обстоятельств перебравшиеся в другую часть страны и осевшие там

---

¹⁴ *Valencia Cultural*. 1961. №4. P.22.

¹⁵ *Triunfo*. 1976. N 685. P.31.

¹⁶ *Lenguas y educación en el ámbito del estado español*. Barcelona, 1982. P.25.

НАРОДЫ ИСПАНИИ: региональная общность против общности генетической

надолго или даже навсегда, воспринимаются своими новыми соседями с большей или меньшей отчужденностью – во многом в зависимости от поведения вновь прибывших, от того, хотят ли они как можно скорее и глубже войти в местную социально-культурную среду, принять и усвоить ее специфику, проникнуться особыми интересами и заботами региона своего нынешнего пребывания или же, напротив, противятся всему этому, культивируя нормы и образцы своей прежней «малой родины», с которой сохраняют эмоциональную связь. Но вот их дети, появившиеся на свет уже на новом месте, как правило, причисляются в общественном сознании к «народу» региона, где они родились. Есть очень много данных, особенно в отношении прошлого, которые создают ощущение, что сам факт рождения на территории какого-либо испанского региона как бы «перевешивает» все остальные характеристики личности, включая и такую важную, как родной язык. Кроме того, во втором поколении мигрантов обычно уже в полную силу разворачиваются процессы культурно-языковой ассимиляции, которые в первом поколении приезжих затруднены большим количеством всякого рода препятствий.

В случае с регионом Каталония известно, что местное население традиционно использует неуважительную кличку «шарнёго» (*charnegó*) – «чужак» – в применении к приезжим. Но любопытно, что это же слово порою обращают по отношению к своим бывшим землякам и те мигранты, которые уже прожили несколько лет в Каталонии и по этой причине больше не чувствуют себя чужаками. Вновь приезжающих они упрекают в том, что те явились «есть каталонский хлеб».

Вместе с тем в последние десятилетия, и особенно после получения испанскими областями автономии в ходе послефранкистского обновления страны, в ее внутривластной жизни ощутимо усилилась тенденция, которую, в частности, в отношении своего региона многолетний глава каталонского автономного правительства Жорди Пужоль выразил следующим образом: «Каталонцы – это те, кто живет и работает в Каталонии». Аналогичные высказывания («баски [валенсийцы и т.д.] – это те, кто живет и работает в Стране басков [Валенсии и т.д.]») звучали из уст представителей областных администраций и наиболее влиятельных политических сил и в других регионах страны, наиболее хозяйственно развитых, куда, подобно Каталонии, десятилетиями во множестве приезжали на поиски работы соотечественники из более отсталых уголков Испании. Социологические данные подтверждают поддержку этого

принципа большинством населения¹⁷. То есть в столь важном аспекте общественного бытия, как отнесение себя самого и всех остальных к тому или иному народу, доминирует чисто региональный (областнический) критерий, оказавшийся более влиятельным, чем родной язык, происхождение от местных уроженцев и даже рождение на территории региона.

«Национальность» по-испански и по-русски

В контексте нашей темы нельзя не упомянуть и еще один примечательный факт, связанный с присутствием в официальной испанской политической жизни постфранкистского вре-

мени понятия «национальность» (*nacionalidad*), зафиксированного даже в тексте ныне действующей конституции страны. За данным термином, однако, здесь стоят не этнические общности, как можно было бы предположить хотя бы исходя из нашего собственного опыта, а опять же автономные сообщества, которые, согласно Основному закону, имеют право, если пожелают, назваться «национальностями» в своих автономных статутах. Никаких преимуществ или же дополнительных обязательств такая самоидентификация не предполагает. К настоящему моменту отдельными «национальностями» провозгласили себя восемь автономных сообществ: Андалузия, Арагон, Балеарские острова, Валенсия, Галисия, Канарские острова, Каталония и Страна басков.

Здесь уместно обратить внимание на особенности испанского словоупотребления, отражающего специфику социально-культурного опыта этой части ойкумены и его осмысления в общественном сознании местных обитателей. Дело в том, что при работе с испанскими материалами мы постоянно сталкиваемся с фактическим слиянием воедино или взаимозаменяемостью названия территории (местности) и проживающих на ней людей. Это, кстати, создает трудности при переводе на те языки, в которых данное явление отсутствует или выражено в гораздо меньшей степени – хотя бы как в русском. Упомянутая в предыдущем абзаце ситуация может служить в этом смысле хорошим примером: в оригинальном (испанском конституционном) тексте говорится буквально об «автономии национальностей и регионов», однако русский переводчик, воспитанный в иной понятийно-терминологической системе, *дописывает* предложение, так что получается: «автономия национальностей и

---

¹⁷ Linz J. *Conflicto en Euzkadi*. Madrid, 1986. P.33.

регионов, в которых они проживают»¹⁸, – поскольку для нашего соотечественника «регион» – это прежде всего территория, а «национальность» – население, тогда как для испанца и то, и другое – равным образом «территория с населением» или же «население на своей территории». Поэтому практически любой испанский автор, пишущий о «народах» своей страны, не задумываясь называет в одном ряду «каталонцев, арагонцев, Андалузию, Канары, Мурсию, валенсийцев и т.д.», и точно то же самое он делает при перечислении «регионов Испании». Тот же принцип действует и в отношении всей страны в целом и всего ее населения: важнейшее положение Основного закона Испании в русском переводе декларирует «нерушимое единство испанской нации, являющейся единой и неделимой для всех испанцев»¹⁹, тогда как в оригинале говорится об «...испанской нации, единой и неделимой родине всех испанцев».

Известный американский исследователь, много лет посвятивший изучению культурно-языкового многообразия обитателей Испании, так отзывается о характерной для них системе взглядов: «По всей Испании огромное значение придается месту. Считается, что каждой *территории* (курсив наш. – А.К.) свойственны определенные культурные особенности, которые отличаются от культурных особенностей соседней территории. Такая манера мыслить проявляется по всей стране, составляя основу национального Weltanschauung (мировоззрения [нем.]. – А.К.). Почти для всех испанцев имеет большое значение факт их рождения в определенном месте... как на локальном уровне, так и на провинциальном и региональном, что оказывает сильнейшее влияние на самосознание (identidad) индивида»²⁰.

В последней фразе только что приведенной цитаты упомянута еще одна – помимо отмеченной выше «территориальной обусловленности» – специфическая особенность коллективного самосознания обитателей Испании, отличающая его от столь привычной для нас самоидентификации по этническому признаку («национальной принадлежности»): иерархичность этого самосознания. До сих пор речь в статье шла только о регионах, но это вовсе не значит, что в Испании, где этнические общности в нашем привычном понимании отсутствуют, их едва ли не полным аналогом являются общности региональные (областные),

¹⁸ Конституции буржуазных государств. М., 1982. С.277.

¹⁹ Там же.

²⁰ Los españoles vistos por los antropólogos. Madrid, 1991. P.235.

также претендующие, среди прочего, на культурно-историческую и лингвистическую специфику своих обитателей. Нет, реальная ситуация такова, что принадлежность к региональному «народу» для каждого конкретного человека здесь не единственная, она сочетается с его же одновременной принадлежностью к «народам» как более высокого (страна в целом, в последнее время – Объединенная Европа), так и более низкого (провинция, остров, комарка, церковный приход, селение и т.д.) уровня. При этом о какой-то основной, главной в этом иерархическом ряду принадлежности (подобно нашей «национальности», еще недавно заносившейся в паспорт гражданина и в основные официальные документы, удостоверявшие его личность) говорить не приходится: тот или иной ее уровень актуализируется в соответствующий момент, в зависимости от ситуации и от конкретных обстоятельств. Относительная значимость этих уровней в разных частях Испании очень сильно разнится, кроме того, со временем она основательно меняется практически повсюду. Выходцы из местности Ампурдан или местности Тортоса в Каталонии могут одновременно ощущать себя представителями региона (Каталонии) при общении с уроженцами других регионов и решительно сопротивляться отождествлению себя с остальными каталонцами во «внутрирегиональном» общении. В первом случае они являют собой (и декларируют это) «народ Каталонии», во втором – «народ Ампурдана» и «народ Тортосы» соответственно²¹.

**«Бывают странные
сближенья...»**

На первый взгляд, описанная выше «испанская модель» отношения к историко-культурным, языковым и областным различиям в среде населения своей страны представляет

собой нечто уникальное и уж во всяком случае радикально отличается от системы взглядов, с детства привычной нам и подразумевающей «национальную принадлежность», «национальные отношения», «национальный вопрос» и т.д. Но если мы обратимся к российской досоветской эпохе, то обнаружим там явления, удивительно сходные с теми, что известны нам по испанскому контексту. Так, тот факт, что Российское государство официально фиксировало своих граждан по сословной и конфессиональной, а вовсе не по «национальной» принадлежности, широко известен. И вот перед нами отрывок из мемуаров, относящихся

---

²¹ *Valencia Cultural*. 1961. №17. P.26; *Barrera González A. Op. cit. P.154.*

к периоду царствования Александра Второго: «Отец мой, граф Келлер, не имея ни капли русской крови, был бы чрезвычайно удивлен, если бы ему сказали, что он – не русский, или бы назвали его иностранцем...»²² Конечно, самосознание упомянутого вельможи второй половины XIX века никак не согласуется с позднейшей советской практикой определения «национальности» гражданина, но разве оно не находит полную аналогию в самоопределении выдающегося мыслителя Мигеля де Унамуну, который, будучи по происхождению баском и не раз упоминая об этом в своих произведениях, считал возможным писать о себе: «Я – испанец, испанец по рождению, воспитанию, испанец телом и душой, по языку, профессии и занятиям, испанец прежде всего и несмотря ни на что; испанизм – это моя религия. И небо, в которое я хочу верить, – это вечная и звездная Испания, и мой Бог – это испанский Бог нашего сеньора Дон Кихота, Бог, который думает по-испански и по-испански сказал: "Да будет свет!" – и его слово было испанским!»²³

Ничуть не меньшей, чем в Испании, была в дореволюционной России и сила областнического самосознания. Те же донские казаки в ныне принятой у нас понятийной системе обозначаются как «русские», и никто не сомневается, что они составляют органическую часть русского народа, русской этнической общности. Однако многочисленные свидетельства и описания, в том числе и в классической литературе (прежде всего, конечно, в романе «Тихий Дон»), говорят о том, что в не столь уж отдаленные времена они четко отличали себя не только от украинцев, кавказцев и представителей других этнических общностей, но и от русских из соседних областей: себя коренные донцы называли «казаками», а тех – «русскими» или «москалями», с первого взгляда и первого слова распознавая «своих» в общей русскоязычной массе. Большое влияние имели в их среде лозунги автономии и даже независимости Донской области. Многие из них мечтали о «будущей привольной жизни на родимом Дону, когда не будет в пределах области ни одного русака». В то же время донские казаки безоговорочно воспринимают себя и воспринимаются окружающими как «русские», когда оказываются в ином, более широком, нежели областной, событийном контексте: на войне с другими государствами или в гуще общеполитической борьбы. Тогда о них говорят как о «русских казаках», «русских офицерах» и т.д., однако

²² Цит. по: *История России. XX век: 1894–1939. С.132.*

²³ Унамуну М. де. Туман (<http://lib.rus.ec/b/101217/read#t1>).

это подразумевает принадлежность не столько к русской этнической общности, сколько к Российскому государству²⁴.

Но ведь очень сходную картину мы наблюдаем в Испании, в отношениях между тамошним Центром и составляющими страну областями! И примеров подобного рода аналогий и совпадений больше чем достаточно. Как отмечал Ю.И. Семенов в своей книге о дореволюционной России, «...в центре внимания имперской власти... были вовсе не этносы и не нации... В центре внимания центральной власти был регион, область. Политика, которая вырабатывалась центральной властью, была не национальной в точном смысле слова... Она была прежде всего управленческой и региональной, областной»²⁵.

Другое дело, что в новых послереволюционных условиях было осуществлено своего рода «переформатирование» отечественного социально-административного пространства (основной упор здесь пришелся на 1917–1925 гг.)²⁶, в результате чего «национальный фактор» выдвинулся на одно из важнейших мест в общественно-политической жизни нашей страны. Такая практика осмысления и «освоения» исконных историко-культурных и языковых различий в среде населения России очень скоро стала здесь восприниматься как единственно возможная. Все иные варианты ориентации в данной сфере, равно как и основанные на них способы индивидуального и коллективного самоотождествления и различения, утратили свое прежнее влияние и сохранялись лишь в виде пережитков (проявляясь порою в самых неожиданных, чаще всего формажорных, обстоятельствах, как это было, например, при выселении «этнических немцев» из Поволжья в 1941 г.: известны случаи, когда тех из них, кто мог предъявить церковные метрики дореволюционного происхождения, свидетельствовавшие о том, что их обладатели крестились в православной церкви, рядовые исполнители жестокого приказа отпускали, «потому что в Российской империи не было правового понятия национальности, а только вероисповедания. Крещенный в православной церкви считался русским»)²⁷.

---

²⁴ См. об этом: Кожановский А.Н. *Испанские регионалисты и донские казаки // Диалог со временем. 2009. Вып.27.*

²⁵ *Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. (Составитель, редактор и автор вступительной статьи Ю.И.Семенов). М., 1997. С.68.*

²⁶ Соловей Т.Д. *Указ. соч. С.36.*

²⁷ Раушенбах Б.В. (акад.) *Учиться жить на земле // Наше наследие. 1990. С. 32.*

НАРОДЫ ИСПАНИИ: региональная общность против общности генетической

Итак, бесспорная и очевидная, казалось бы, ситуация с количеством, названиями и свойствами народов Испании при ближайшем рассмотрении оказывается совсем не простой и мало похожей на ее описания в нашей отечественной историографии советского и постсоветского времени. Выявление подлинной картины общественных связей и отношений в данной сфере не только позволяет глубже понять содержание многих событий, имевших место в прошлом Испании и происходящих там сейчас, но и сравнить эту картину с реалиями, порожденными историко-культурным и лингвистическим многообразием населения нашего собственного Отечества.

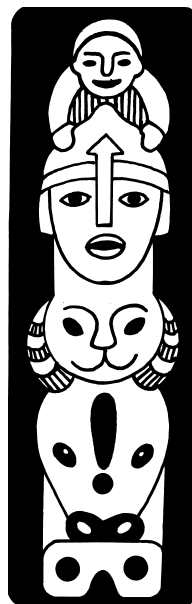
А это, в свою очередь, влечет за собой важный вопрос о причинах, характере и возможных перспективах существующих между нами различий.

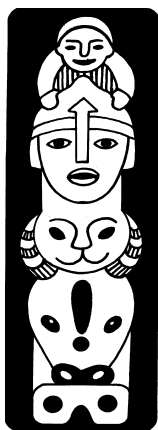
Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастной России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства.

Л.Н.Толстой

На политические, как и на всякие
другие человеческие отношения,
имеют огромное влияние страсти и
предвззудки...

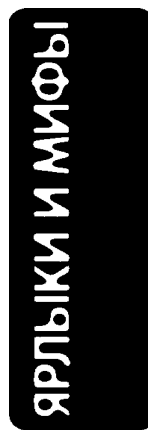
Н.Я. Данилевский

Марина Федотова

**СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ
ОБОРОНА
1854–1856 ГОДОВ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ПАМЯТИ**

УДК
93/94

The Crimean War (1853–1856) was a contradictory event in the eyes of its participants, contemporaries and eyewitnesses. However, in the Russian cultural memory the events of this war became the national Myths, the heroic triumph, the holy war for the faith. Sevastopol became the element of the national pride and glory, the symbol of the sanctity. The fallen soldiers and officers became the saints, the men of the God. This article shows the influence of the Christianity images on the heroic discourse of the Crimean war and Sevastopol siege. Author focuses attention on the evangelical stories and Easter subjects, and images of a soldier, a seaman, a mother, a commander.

Ключевые слова: миф о Севастополе; культурная память; Крымская война (1853–1856); пасхальные образы; народные герои.

Key words: Sevastopol Myth; cultural memory; Crimean war (1853–1856); evangelical stories; Easter subjects; national heroes.

E-mail: marafed1@yandex.ru

**«Непривычный позор»
или
«бессмертная слава»?**

Крымская война 1853–1856 годов у всех современников, писавших о ней, оставила неизгладимые впечатления грандиозного события, и эта мысль объединяла даже непримиримых противников и оппонентов. По своим масштабам она выделялась среди других событий прошлого, до этой войны «едва ли было событие, в котором принимал такое энергичное участие решительно целый свет»¹.

Появлением новых изданий, газет, ростом их тиражей характеризуются военные годы и послевоенная эпоха реформаторства. За 1855–1865 годы число новых газет достигло шестидесяти². Не будет большим преувеличением сказать, что читающая Россия 1854–1856 годов пристально следила за происходящим в Крыму. «С каким нетерпением мы хватались тогда за газеты»³, – вспоминала сестра Крестовоздвиженской общины Екатерина Михайловна Бакунина. Современнику представлялось, что «на всем свете» «не осталось уголка, где бы не говорили о Севастополе»⁴. Поражения армии и флота противников горячо желали многие «милые патриотки», о которых писал военный публицист: «Соотечественницы наши стали равнодушны к ураганам в надежде, что они побольше разобьют английских кораблей; каково! Даже не стыдятся признаваться»⁵.

Журналист, укрывшийся под псевдонимом Ростислав в 84-м номере «Северной пчелы» за 1855 год, рисковал получить гневную отповедь за свой иронический тон в заметке о внимании жителей, а точнее жителейниц, столицы к событиям в Крыму: «Вы обидите современную патриотку, изъявив сомнение в познаниях ее не только что насчет укреплений Севастополя, но и самих названий бастионов, редутов, батарей и даже некоторых терминов военной науки. Апроши, ложементы. Траншеи, мины, камуфлеты, мантелеты, туры, летучие сапы – все это им дело известное. Ныне нередко случается вы-

¹ Из записок Севастопольца // Русский архив. 1867. №12. Стб.1584.

² Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т.2. С.31.

³ Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия // Вестник Европы. 1898. №3. С.132–176.

⁴ Из записок Севастопольца. Стб.1584.

⁵ Горяинов А. Четвертое ноября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 19 декабря.

слушивать в гостиных целый курс фортификации. ... В настоящее время в России вряд ли найдется смельчак, который бы решился вымолвить, что ему неизвестно имя лейтенанта (ныне флигель-адъютанта и капитан-лейтенанта) Бирюлева и даже скромных и постоянных его сподвижников (матросов и рядовых) Кошки, Зубова, Кузменкова и павших в бою Болотникова и незабвенного самоотверженного Шевченки»⁶.

Появление в первой половине XIX века периодических изданий (таких журналов, как «Московский телеграф», «Библиотека для чтения», газеты «Северная пчела»), в которых преобладал отечественный материал, привлекало к себе читательское внимание, создавая общее литературное поле, выводя литературу из салонов и кружков на всеобщее обозрение, делая ее фактором культурной и социальной жизни⁷. Неуклонное увеличение количества наименований периодических изданий в первой половине XIX века и повышение их влияния были характерной чертой России накануне войны, однако это не привело к повышению грамотности населения.

По мнению Л.Н.Толстого, который был невысокого мнения о русской армии вообще, «из солдат наших едва ли 1/100 знает грамоте, но, что важнее еще, [едва ли] знает религию, правительство, организацию войска...»⁸. По данным Б.Н.Миронова, в Российской империи грамотность (умение читать) среди мужчин старше 9–15 лет составляла в 1850 году 19%, в 1913-м – 54%. Функциональная грамотность была намного ниже, так как не все грамотные люди имели возможность читать литературу. Вследствие этого, по той же статистике, в середине XIX века читательская аудитория России насчитывала всего от 600 тыс. до 1 млн. человек, что составляло лишь 1–1,5% всего населения, а к концу XIX столетия – 3–4 млн., или 3–4% населения⁹.

⁶ Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб., 1855. Вып.26. Приложения. С.94–95. Здесь и далее правописание в цитатах приведено в соответствие с правилами современного русского языка.

⁷ Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. С.8.

⁸ Толстой Л.Н. [Записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера] // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1932. Т.4. С.289.

⁹ Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет: X–XX вв. // *Studia Humanistica*. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С.24–46.

Судя по характеру, тематике популярной литературы, переиздаваемых «бестселлеров» и так называемых низовых книг, пользовавшихся высоким спросом на книжном рынке в первой половине XIX века¹⁰, читающая публика была подготовлена к известиям о подвигах русских солдат, в которых видела древнерусских богатырей, античных героев и средневековых рыцарей, тех, о ком читала на страницах журналов и книг. Героев античности, «красивых, как Парис, и смелых, как Ахилл»¹¹, видели в участниках войны в 1855 году¹². В исторических романах причудливо соединялись персонажи двух эпох: 1812 и 1854 гг. Так, в романе «Сестра милосердия. Год в Севастополе»¹³ появились княгини и князья Бородинские, пребывающие в одном временном измерении с севастопольскими героями.

Восприятие современниками войны 1853–1856 годов и ее последствий было различным и противоречивым: от ощущения катастрофического поражения, «непривычного позора»¹⁴ и национального уни-

¹⁰ Волков А.А. *Освобожденная Москва. Эпическая поэма*. М., 1820, 1825; Гуак, или *Непреодолимая верность: Рыцарская повесть*. В 2-х ч. М., 1824, 1836, 1837, 1841, 1842, 1847, 1849; Ермак. *Покоритель Сибири. Исторический роман в 2-х ч.* М., 1839, 1841, 1843, 1845, 1846, 1848; Загоскин М.Н. *Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Исторический роман в 3-х ч.* М., 1829, 1830, 1832, 1838, 1841, 1846; Зотов Р. *Два брата, или Москва в 1812 году*. М., 1850; Зряхов Н.И. *Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга*. М., 1840, 1842–...–1849; *История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене*. М.; СПб., 1835–...–1850; Кукольник Н. *Морской праздник в Севастополе. Драматическое произведение в 5 картинах*. СПб., 1854; Озеров В.А. *Эдип в Афинах. Трагедия в 5 действиях, в стихах*. СПб., 1804, 1805, 1816, 1823; *Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны*. М.; СПб., 1820–...–1849; Словоцов П.А. *Два дня из римской истории, или двое Циционов Африканских*. М.; СПб., 1830, 1835; и др.

¹¹ Юными героями называли великих князей Николая и Михаила.

¹² Н.Г. *Зритель в Севастополе и два молодца. Патриотическое стихотворение из настоящей отечественной войны*. СПб., 1855. С.9.

¹³ См.: Соколов А.А. *Сестра милосердия. Год в Севастополе*. СПб., 1876–1877. Кн.1–4.

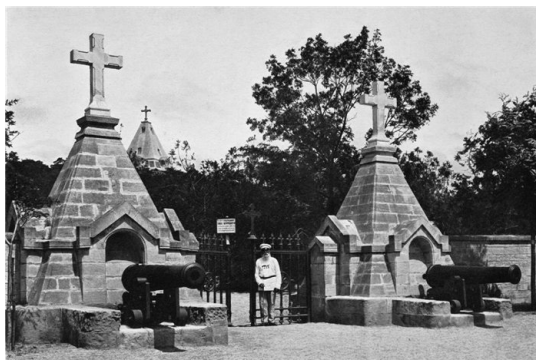
¹⁴ Соловьев С.М. *Записки*. Пг., 1915. С.150. См. также: Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т.1. С.270; И.С. Аксаков – О.А. Смирновой. 24 ноября 1854 г. // *Русский архив*. 1895. №12. С.459; Милютин Д.А. *Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой*. М.: Воениздат, 2003; *Письма Тургенева И.С. и Аксаковых // Вестник Европы*. 1894. №2; Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т.1. С.270; Тютчева А.Ф. *При дворе двух императоров*. М., 2004; Чичерин Б.Н. *Современные задачи русской жизни // Голоса из России*.

жения у части ее современников и участников до ее героизации и признания ее священной. Еще во время войны и особенно после в российском обществе были распространены патриотические лозунги, в которых чувство гордости часто смешивалось со скорбью, ощущением того, что многочисленные жертвы были не напрасны, а участие России в войне было борьбой за святое дело. Рассуждения и выводы современников по вопросу о проигранной войне кажутся не очевидными, а, напротив, противоречащими сами себе. Единую версию по поводу того, «пал город, но не был взят» или «был взят, но не пал», назвать трудно. Безусловно, вопрос не в языковой, словесной игре, а в смысловой нагрузке, которую несли такого рода оговорки и дискуссии. Сформировавшийся миф о войне, о героической осаде определял символическое пространство памяти и вмещал в себя элементы национального самосознания. Конструирующим элементом этого нового мифа был культ погибших севастопольцев (адмиралов, генералов, солдат, матросов). В этот своеобразный Пантеон вошли основные руководители обороны (Нахимов, Корнилов, Истомин, Тотлебен и некоторые другие), а также герои «из народа» (матрос Кошка, Даша Севастопольская и др.). В пространстве мифа неизменным атрибутом стало место памяти – впоследствии туристическая зона: город Севастополь, Малахов курган, оборонительная линия, Четвертый бастион, Камчатский люнет, братское кладбище, бухта затопленных кораблей. Места сражений и захоронений превратились в места памяти, символы, священность которых стала бесспорной наряду с жертвами войны, а Севастополь стал именоваться как «город мертвых», «мертвый город», «многострадальный город». В обществе возник культ севастопольцев, проявлявшийся и в том, что «в клубе и на домашних вечерах барыни и барышни ухаживали не как сестры милосердия за выздоравливавшими ранеными, но как поклонницы героизма. Иные из героев кокетничали легкою бледностью и слабостью и рукавами в бантиках»¹⁵.

М., 1975. Кн.1–3. Вып.2; и др. – Об оценке войны современниками (представителей бюрократии, придворного окружения, государственных и общественных деятелей) см.: Шепарнева А.И. Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853–1856). Орел, 2005.

¹⁵ Цебрикова М.К. Пятидесятые годы // Вестник всемирной истории. 1901. №10. С.20.

Вход на братское кладбище в Севастополе. Фотография около нач. XX в.

Элементы героического мифа:
свои и чужие

Противопоставление Себя («человеки мира и любви»¹⁶) Другому («человеки вечной войны и разрушения»¹⁷) было важной частью при конструировании российского мифа

о героической осаде. Героический миф апеллировал к народным сюжетам, сказкам, фольклорным героям-богатырям, витязям, не пренебрегая даже образом русского национального героя Ивана-дурака. В рассуждениях о том, на чьей стороне находится правда, в массовой литературе допускались сравнения Ивана со славянами (христианскими народами Османской империи: сербами, болгарами). А его двух «умных» братьев сравнивали с «романцами» и «германцами», которые «во всем завидовали брату, когда улыбалось ему счастье, старались унижить, погубить, не хотели, чтобы бедняга был наравне с ними, много Иванушка вынес горя горемычного, но все стерпел, и Господь вывел его в люди за простоту и смиренность, за честные дела и за правду-истину»¹⁸. Могучие русские витязи, «христолюбивое воинство» имели и высоко сидящего «Отца» – Императора, – идти на войну и умереть за него декларировалось священной и радостной обязанностью.

¹⁶ *Война Англии и Турции с Россией и генерал-инженер Тотлебен, главнокомандующий русской армией в 1878 г. под Константинополем. М., 1879. С.11.*

¹⁷ *Там же.*

¹⁸ *Там же.*

Образ богатыря Ильи-Муромца, идущего на помощь угнетаемым христианским братьям-славянам (на этот раз сербам, болгарам), будет использован и при конструировании истории войны России с Османской империей 1877–1878 годов и предваряющих ее событий¹⁹. Нельзя не учитывать ценность веры для русского солдата и многих офицеров, имевших религиозное воспитание. Для них «война за истинную веру» не была пустым словом:

*Бог и Царь – надежда нам,
А за родину святую,
Царский дом и Божий храм
Отдадим мы жизнь земную*²⁰.

Пережившие Крымскую войну участники, современники, вспоминавшие ее и писавшие о ней тексты, являлись носителями расплывчатых, не всегда отрефлектированных, но тем не менее прочных христианских установок. Репрезентация русского царя как помазанника Божия определяла характер верной службы по аналогии с царской службой как службой Богу. Особая историческая роль русского народа в спасении и консолидации братьев-христиан была созвучна мессианским устремлениям России:

*И вот уже четыре века,
Как ходит вещь молва
И, в ропотных устах у грека,
Отрадно шепчутся слова:
«Придет от дальних полночи,
С сынами славы, Белый царь
И вознесет десницей мочи
Христов низринутый алтарь».
И все твердят: «Пора в объятья
Нам соплеменников родных: –
Нас кличут мученики – братья,
Ужель не выручим своих?!»²¹*

Или:

*Напрасны Запада угрозы,
Коль крест воздвигся на Коран,
Когда на стон Славян и слезы
Идет Европы Великан!..²²*

---

¹⁹ Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб., 1876.

²⁰ Зубов П. Лозунг русского народа // Альбом патриотических стихотворений на нынешнюю войну Платона Зубова. СПб.: Изд. Ф.Тертиловой, 1854.

²¹ Глинка Ф. Пора! // Голос за родное. Альбом патриотических стихотворений разных авторов на нынешнюю войну. СПб., 1854.

²² Батулин С. Святая война // Голос за родное. Альбом...

Образ русского солдата обретал мессианские черты, а миссия по спасению отечества была им выполнена: он «положил жизнь» за отечество. Погибшие солдаты продолжали быть символами жертвы, спасения от «нехристей» и новой жизни после своей физической смерти.

Крымская война стала первой и единственной войной среди конфликтов XVIII–XIX веков, когда Россия вела военные действия без единого европейского союзника, находясь в политической изоляции. Дихотомия Россия–Запад, в которой усматривали многовековое противостояние, стала предметом историсофских размышлений. С самого начала англо-французские войска представляли собой собирательный образ врага и признавались отступниками христианской веры, неблагодарными предателями. Подобные смыслы наглядно отражает патриотическое стихотворчество военных лет:

*...англичанин и француз
вступили в службу Магомета,
что, с Турком заключив союз,
два христианские народа
на утешение бесам идут во след Искарюта
продать Христа его врагам...²³*

В таких репрезентациях войска союзной армии были не просто военными и дипломатическими противниками, но превратились во врагов России и православия, оказались «по ту сторону» добра. Добавляло «красок» к характеристике вражеских армий и то, что бомбардировка города не стихала в пасхальные дни Страстной недели:

*Невольно чувствуя презренье:
Что христиане в день святой –
Единоверцам – истребленье
Несут – сдружившись с чалмой²⁴.*

Библейский контекст Крымской войны изначально был задан географией и предпосылкой конфликта – спором вокруг палестинских святынь, который позволял трактовать столкновение как праведное – «войну за веру»²⁵, защиту оскорбленного отечества. Христианские идеи

²³ *Неизвестный автор. Петербург. 1854 г. // Можаровский А. Настроение русского общества во время Севастопольской обороны. Стихотворения того времени // Русский архив. 1905. Кн.2. С.536.*

²⁴ *Подвиг Щеголева под Одессою, против соединенного англо-французского флота в Страстную субботу 10 апреля 1854 года // Альбом патриотических стихотворений на нынешнюю войну Платона Зубова.*

²⁵ *Никитин. Воронежский мецанин. Фельетон «Война за веру» // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 8 апреля.*

интегрировались с идеями военного долга, служения Богу, Царю и Отчизне, формируя героический канон Крымской войны из заимствованных евангельских структурных образцов и сюжетов.

**Пасхальные образы
осажденного города**

При внимательном рассмотрении заимствованных моделей и образов героического дискурса о войне достаточно рельефно обрисовывается пасхальный модуль. Роль православия в

репрезентациях и легитимации самодержавной российской государственности традиционно в России была исключительно высокой. Как известно, праздник Пасхи – самый важный и самый большой православный праздник в году, «всем праздникам праздник»²⁶, воплощающий догмат Воскресения в память о крестных муках Иисуса Христа и воскресения Его из мертвых. Дни Страстной недели (четверг, пятница и суббота) и вся Пасхальная неделя («Светлая седмица») были официально неприсутственными днями и свободными от учебных занятий для воспитанников гражданских и военных учебных заведений Российской империи²⁷ и лидировали по количеству этих дней на фоне иных православных праздников. Так или иначе, праздник Пасхи занимал определенное место в жизни практически любого человека дореволюционной России. Этот праздник был всенародным, имел не только сугубо религиозно-обрядовый аспект, «но и вполне светские традиции, соблюдавшиеся в городской среде и заметно отличавшиеся от деревенских»²⁸. Символами Пасхи были идеи обновления, очищения, прощения, возрождения к новой жизни, «смерти, ведущей к жизни», бессмертия. Впоследствии эти образы воскрешения станут очень востребованы в конструировании мифа о проигранной войне в послевоенной, пореформенной, «обновленной» России. По восшествии на престол

---

²⁶ См. подробнее, к примеру: *Значение воскресения Христова для нашей нравственной жизни (Размышления по поводу св. Пасхи) // Христианское чтение. 1900. №4.*

²⁷ *Выборочные примеры: Владимирский календарь и памятная книжка. 1903, 1908 и др.; Всеобщий календарь на 1867 год. СПб., 1866. С.30; Всеобщий календарь на 1868 год. СПб., 1867. С.21; Русский календарь на 1875, 1891 и др. Изд. Суворина; Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1914 г.; Памятная книжка Олонецкой губернии. 1864, 1916 и др.; Придворный календарь. СПб., 1857. С.XVIII; и др.*

²⁸ Орлова В. *Празднование Пасхи в городах России в начале XX в. // Кредо. Тамбов, 1994. №2.*

император Александр II стал ассоциироваться с переменами, как «новый государь, которого все хотели любить как нового»²⁹.

Затопление кораблей³⁰ оправдывалось в общественном сознании как избавление от больших потерь. Кроме того, гибель кораблей реализовала христианскую идею жертвы ради воскресения будущей жизни. В данном случае христианская максима «смертью смерть поправ», вероятно, придавала дополнительные смыслы случившемуся. Впрочем, и война в целом оценивалась через призму христианской традиции как «великое испытание», после которого наступит «преображение» в виде «нового преуспеяния»³¹. Затопление флота в бухте Севастополя («как невинная жертва, гибнущая в темноте, потрясая своими цепями»), штурм Малахова кургана 27 августа 1855 года, сдача города соотносились с образами Пасхи: с крестными муками, смертью, воскрешением. «Свершилось!»³² – этим восклицанием обозначался день 27 августа 1855 года. Такая, с одной стороны, скрытая, но с другой, – весьма прозрачная цитата относилась мысли читателя к памяти о крестных муках Иисуса Христа: «Когда же Иисус вкусил укуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух»³³. День падения города позиционировался и вспоминался как великое трагическое событие, венчавшее великую оборону: падение героического Города после многочисленных жертв.

Образ самого города Севастополя был окружен героической и христианской символика, неотделимыми друг от друга. Еще со времен Екатерины II город, расположенный на месте древнего Херсонеса (Корсуна), считался святыней России благодаря памяти о крещении Святого Владимира и аллюзией причастности к древней, классической античной культуре. Южное изобилие: фруктовые, цветущие сады, особый теплый климат, морские берега, крепость, порт – придавали «саду империи» (Таврида) и Севастополю райские черты. Со времен присоединения

²⁹ Соловьев С.М. *Мои записки для детей моих, а если можно, и для других* // Соловьев С.М. *Сочинения в 18 кн. М., 1995. Кн.18. С.645.*

³⁰ Речь идет о затоплении военных кораблей черноморского флота в бухте Севастополя в сентябре 1854 г. с целью не допустить высадки десанта англо-французского флота на территорию неукрепленного города.

³¹ Зайончковский А.М. *Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий очерк с иллюстрациями. СПб., 1899. С.12.*

³² *Крымская война (1854–1856 г.): В 2 чтениях. Как жили и умирали в Севастополе. Чтение 1. СПб., 1873. С.35.*

³³ *Ин.19:30.*

Крыма Екатериной II бытовало представление о Севастополе как сказочном, почти райском месте, прообразе земного рая: «... как все дивно здесь, как мало похоже на окрестности Петербургской ямы, где копошится много людей, тогда как здесь, ближе к раю, пусто. Там царство людей, здесь – пернатых и насекомых. Можно сказать, что здесь Бог бросил на землю рай, чтобы приготовить к понятию о рае небесном»³⁴. Севастопольская оборона и ее трагический финал только добавили дополнительные смыслы рождавшемуся мифу, сделав город еще более «драгоценным и святым», «окрестив огнем, железом и кровью»³⁵, сформировав впечатление сказочно-геройского места³⁶. После Крымской войны город превратился в «дорогого мертвеца»³⁷, «мертвого исполина» и «город мертвецов»³⁸. Особыми местами памяти и почитания стали Малахов курган и братское кладбище. Малахов курган был абсолютным символом города, как ключевой пункт, принявший на себя основной удар при обороне, местом мученичества защитников города. Ни много ни мало, «быть на Малаховом кургане значит быть на Голгофе! Кости и кровь подвижников освятили эти глиняные насыпи»³⁹. Курган ассоциировался с «жертвенником, на котором богу брани принесены уже три великие жертвы: Корнилов, Истомина, Нахимов!»⁴⁰

В 1880 году путеводители отмечали, что Севастополь, который Толстой называл «страшным местом смерти»⁴¹, был все еще «мертвым городом»⁴² и одновременно «городом мертвых»⁴³. Но следует заметить, что эта

³⁴ Жуков К. Заметки в пути на Южный берег Крыма. СПб., 1865. С.42–43.

³⁵ Никатов В. Лайкович, безногий юнкер в Севастополе. Из воспоминаний бывшего севастопольского охотника. Изд. 3-е. СПб., 1897. С.4; Н.Г. Зритель в Севастополе и два молодца. Патриотическое стихотворение из настоящей отечественной войны. СПб., 1855.

³⁶ Верещагин В.В. В Севастополе. М., 1900. С.1.

³⁷ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму. С историческим описанием достопримечательностей Крыма. Для путешественников. М., 1875. С.111.

³⁸ Немирович-Данченко В. Севастополь после осады // Парский Д.П. Севастополь и памятники его обороны. Одесса, 1902. С.ХХVIII.

³⁹ Алабин П. Четыре войны. Походные записки 1849, 1854–1856, 1877–1878 гг. Ч.3. Защита Севастополя. М., 1892. С.116.

⁴⁰ Там же. С.439.

⁴¹ Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 г. // Собрание сочинений в 14 т. М., 1951. Т.2. С.191, 199, 227.

⁴² Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880. С.220.

⁴³ Караулов Г., Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. Изд. 4-е. С приложением двух карт, пяти рисунков и проч. Одесса, 1883. С.265.

«мертвость» придавала ему уникальность и даже преимущества на фоне других городов: она делала его местом славы, жертвенником «во славу отечества». В этом погибшем, казалось бы, городе видели источник будущего возрождения, наделенный большим символическим смыслом.

Святые герои и жертвы

Женский героизм в конструкте народной войны был связан с культом Богородицы и «долгом перед отечеством». «В первый день бомбардирования Севастополя одна благородная дама, покидая сына, стояла на последней ступени Графской пристани, обнимала его и со слезами говорила: "Помни, ты должен скорее пасть, чем видеть наш город в руках неприятеля!"⁴⁴. Сюжет о «святом долге» обыгрывался и в другом примере, где мать в письме к *единственному* (что, на наш взгляд, принципиально важно) сыну своему писала: «Не щади себя там, где потребует того долг и совесть. Знаю, что ты добрый человек, но я желала бы видеть в тебе и полезного слугу отечества»⁴⁵. Мать, отправляя сына на войну и благословляя его на верную смерть, повторяет жизненный путь Марии, матери Христа, знающей участь своего Сына⁴⁶. Мария Цебрикова вспоминает о более «человеческом», «обмирщенном» варианте прощания сына с матерью, когда многие женщины просто по-бабьи молили Бога, чтобы беда миновала их мужей и сыновей. Случаи «эгоизма» с мыслью «пусть все погибнут, пусть нас победят, лишь бы мой Н. остался невредимым», были также нередкими⁴⁷. Кроме того, образ страдающей матери имел еще одну грань и был тесно связан с таким национальным символом, как «Россия-матушка», – символом национального единства, маркирующим Своих (дети Матери) и Чужих (враги) в национальном дискурсе. Традиционно образы страдающей, всемогущей, миролюбивой Родины занимают значительное место в российском военном дискурсе. Образ России-матушки обладал огромным мобилизационным потенциалом, отделяя Своих от Чужих. Враг – это тот, кто угрожает существованию России-матушки; Свои – это те, кто ее защищает и кто рассчитывает на ее помощь⁴⁸.

⁴⁴ *Кладбища в Севастополе // Чтение для солдат. СПб., 1856. Кн. III. Год 9. С. 96.*

⁴⁵ *Там же.*

⁴⁶ *Евангелие от Иоанна. 19:25–26.*

⁴⁷ *Цебрикова М.К. Указ. соч. С. 21.*

⁴⁸ *См.: Рябов О.В. «Россия-матушка»: История визуализации // Границы: Альманах Цен-*

Идея спасения отечества и долга перед ним тесно связана с идеей самопожертвования ради отчизны, ради будущего возрождения отечества как Царства небесного. Призывы героического служения «делу» заполняли основное пространство культурной памяти о войне, чему способствовала повсеместно употребляемая специфическая библейская лексика: муки, «отрешение», «узы», «служение», «мирское», «святыня» и ее антитеза «кощунство»: «каждый участник обороны забывал все узы, связывавшие его с этим миром, и помнил только долг, которому служил и телом и душою ради святого служения отечеству»⁴⁹. Очевидна адаптация христианской символики: отречение от всего земного во имя Христа⁵⁰.

Освящение гибели во благо отечества, «самоотвержение и отрешение всего мирского» формировали образы не просто героя, а святого: «Я посмотрела на это лицо, оно было покойно, как у спящего дитяти, и что-то святое отражалось в его чертах»⁵¹. Сестры милосердия, ухаживающие

тра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып.2: Визуализация нации. Иваново, 2008.

⁴⁹ *Кладбища в Севастополе. С.96.*

⁵⁰ *Ср.: Евангелие от Матфея.19:29: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»;*

Мф.10:32-40: «Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее. Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»;

Мк.10:26-31: «Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу. И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою. Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной. Многие же будут первые последними, и последние первыми».

⁵¹ *Извлечения из писем начальницы Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых // Морской сборник. 1855. №9. Отд.2. С.203.*

за ранеными, вызывали в памяти новозаветные аналогии⁵². Прогрессирующее возвеличивание героев началось со времени вступления в войну союзной армии, приведшего к новым сражениям и массовым потерям, когда «для всех павших за веру и отечество началась новая, несравненно лучшая жизнь, *царство небесное*»⁵³.

Как пример истинного самоотречения показателен рассказ-«притча» о том, как беременная жена капитана 1 ранга Николая Федоровича Юрковского, начальника 4 отделения оборонительной линии, заболев холерой, просила приезда мужа. Но Юрковский ответил отказом, пояснив, что ни на минуту не может оставить своего поста. В результате «герой пал на нем, уже более не выдав ни жены, ни семерых своих детей»⁵⁴.

Подобно новозаветному Отцу небесному, пославшему Мессию, Бога-Сына, принять крестную смерть во имя искупления грехов человеческих, командир (адмирал, генерал) отправляет подчиненного на смерть, предоставляя возможность проявить любовь к царю и отечеству. В литературе, публицистике, воспоминаниях о войне был чрезвычайно популярен сюжет, описывающий скачущего на коне Корнилова, который спрашивает солдат: «Умрем, братцы?» – и получает громогласный ответ: «Умрем!»⁵⁵ Восторгом и радостным выполнением воли командующего проникнуто большинство текстов ультрапатриотического характера. По воспоминаниям многих очевидцев, из одной журнальной статьи в другую кочевал сюжет, описывающий одаривание Нахимовым раненых солдат цветами, конфетами и деньгами⁵⁶. По легенде, офицерский морской состав и матросы его «обожали», несмотря на «замечания», могли рассчитывать на всяческую помощь адмирала, «заступничество», «даже его кошелек», обращались к нему «как к родному отцу», были «слепо ему преданы»⁵⁷ и готовы идти с ним «в огонь и в воду». Преданность и подчинение начальству были обусловлены и теми негласными установ-

⁵² *Евангелие от Луки. 7:37: «И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром, и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром».*

⁵³ *Гаряинов А. Тринадцатое октября // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 31 октября.*

⁵⁴ *Кладбища в Севастополе. С.98.*

⁵⁵ *Об этом, как о показателе героизма и самоотверженности, Лев Николаевич Толстой даже писал брату Сергею Николаевичу Толстому.*

⁵⁶ *Морской сборник. 1855. №9. С.259.*

⁵⁷ *Асланбегов А. Адмирал Павел Степанович... // Русский архив. 1869. С.409.*

ками в солдатской среде, что в условиях войны командир как Бог, единственный, кто знает и отвечает за то, что происходит вокруг. Образ командира, в частности адмирала Нахимова («отца-благодетеля», как его называли), в культурной памяти подменяется образом «Господа Бога», «Отца небесного». Эта любовь солдат к своему командиру была взаимна. Как «глубокий знаток человеческого сердца, мудрец, постигший дух народа, великодушный начальник, великий гражданин, герой без страха и укоризны»⁵⁸, Нахимов-«отец» отвечал сердечной добротой, любовью своим подчиненным, вниманием к ближайшим офицерам и матросам. Прах вождей-адмиралов (Корнилова, Нахимова, Истомина) во Владимирском соборе символически «венчал могилу севастопольского мученичества»⁵⁹.

Мои́ла адми́ралов Лаза́рева, Нахи́мова, Корни́лова, Исто́мина.
В.Ф.Тимм. «Русский Художественный листок». 1855 г. Литография

Похороны Корнилова сопровождалась, по описаниям, рыданиями всего Севастополя; похороны Нахимова («душа Севастополя») – тяжкою скорбью, предчувствием, что с его смертью близко и падение стен города: «покуда душа в теле, Севастополя вам не видать!»⁶⁰ Тенденция к

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Ответ моряка... // *Кронштадтский вестник*. 1868. 31 января.

⁶⁰ *Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины*. СПб., 1876. С.327.

персонификации истории в коллективном сознании, придание узнаваемого человеческого лица победе и поражению способствовали тому, что сама сдача города после последовательной гибели Корнилова, Истомина и Нахимова воспринималась как следствие ухода из жизни этих людей. Нельзя сбрасывать со счетов магическое значение цифры «три» и христианское учение о троичности Единого Бога («Святой Троицы»): первый удар Севастополь выдержал (на место «старшего брата», Корнилова, встал «средний брат» – Истомин). Выдержал город и второй удар, после которого на боевой пост заступил «младший брат» – Нахимов. И только третий удар, сразивший Севастополь, стал смертельным (гибель Нахимова). Подспудно и явно выражалась такая мысль: «Был бы жив Павел Степанович, сумели бы удержать Севастополь». Свою роль сыграл и национально-религиозный фактор: все трое были русскими и православными. Учитывая этот фактор, людям с национальными предрассудками не пришлось заставлять себя соглашаться с восхвалением «неславянских» представителей военного сословия Российской империи (например, грузина Багратиона, немца Витгенштейна, шведа Багговута или армянина Бебутова).

В публикациях времен войны был известен и широко распространен сюжет, когда умирающий солдат (или матрос, или старуха-вдова) перед смертью спрашивает у скачущего на коне офицера (который, к слову, остановился только после слов раненого лежащего солдата: «Постойте, ваше благородие, я не помощи хочу просить, а важное дело есть...»):

– Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?

– Нет.

– Ну, слава Богу, я могу теперь умереть спокойно⁶¹.

Преданность, покорность начальнику, который посылает на верную смерть, как «Отцу небесному», составили пространство памяти вокруг концепта солдатского героизма. В рассказе Л.Н.Толстого есть аналогичный по структуре сюжет, когда перед смертью офицер спрашивает у священника: «Что, выбиты французы везде?»

«Везде победа за нами осталась, – отвечал священник, говоривший на о, скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя». «Слава Богу», – проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам⁶². По сути

⁶¹ Асланбегов А. Указ. соч. С. 407; Кладбища в Севастополе. С.99.

⁶² Толстой Л.Н. Севастополь в августе // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.4. С.114.

Толстой обыгрывает похожую ситуацию, когда священник, желая облегчить участь умирающего, не говорит полной правды, но при этом от читателя это очевидное не ускользает.

Судя по популярной литературе, в Севастополе царила атмосфера братской любви: «...одна братская, бескорыстная любовь товарищей, выражавшаяся тяжкой, безмолвной скорбью, окружает могилу, и непритворная слеза дружбы медленно скатывается по щеке и падает на сосновую крышку гроба»⁶³. В связи с этими образами напрашивается евангельское сравнение: «И некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь»⁶⁴. В одном из своих «Севастопольских рассказов» Толстой дискредитирует образ таких отношений на войне, ставших, скорее, обязанностью, которую необходимо было выполнять: «никто из них не потерял очень близкого человека, да и бывают ли в военном быту очень близкие люди?»⁶⁵

Брошюры⁶⁶, журналы и газеты нередко печатали – под рубрикой «Подвиги особенной храбрости» или «Подвиги мужества» – отчеты о подвигах, краткие рассказы об особо отличившихся солдатах, моряках и офицерах и, по возможности, их портреты. Характерным пунктом героизма, в таких рассказах было, в частности, русско-французское и русско-английское противостояние. Как правило, русский солдат представлялся бодрым героем-удальцом, которому с легкостью и задором поддаются «встречи» с неподготовленным заставленным врасплох противником. Безотлучно находиться при оружии было чрезвычайно важно и похвально. «Утром, проснувшись, он (Михайло Круглов. – М.Ф.) обыкновенно смотрит в амбразуру, и если пальба не началась, то говорит: "А! земляк еще кофе пьет", раздастся первый выстрел, Круглов сейчас отвечает, приговаривая: "Здравствуй, земляк, на тебе гостинчик".»⁶⁷.

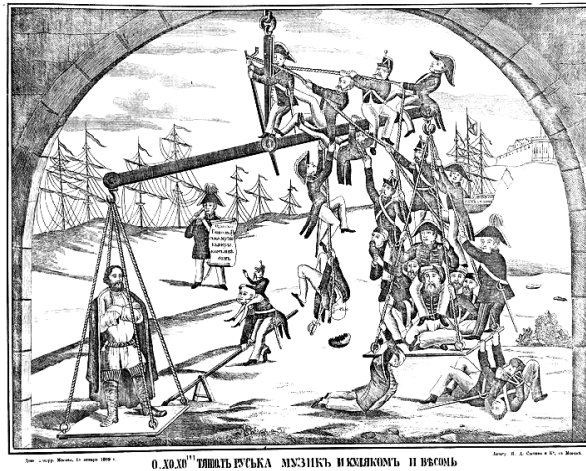
⁶³ Кладбища в Севастополе. С.101.

⁶⁴ Мф.12:46–50.

⁶⁵ Толстой Л.Н. Севастополь в мае // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.4. С.53.

⁶⁶ Например, показательна: Черты мужества и самоотвержения русских войск. Рассказы из современной войны России с англо-французами и турками. М., 1855.

⁶⁷ Подвиги особенной храбрости // Морской сборник. 1855. №3. С.232. «Матросы наши, встречаясь за границей с французами и с англичанами на берегу, очень скоро знакомятся с ними за стаканом рому и уже потом не иначе называют их, как земляками».

«О-хо-хо, тяжол русська музика и кулякомъ и весомъ». Литографированный лубок. Ок. 1856 г.

В «Русском художественном листке» В.Ф.Тимма, рекламу которому активно делали газеты⁶⁸, в 1854 году вышли литографии, представляющие подвиги героев. Самый относительно «бескровный» из них – это подвиг унтер-офицера Андрея Снозика, который, сильно контуженный гранатой, упал со знаменем в руках, но, когда подскочившие к нему товарищи решили взять у него знамя, Снозик не отдал, а, приподнимаясь, сказал: «Пока жив, никому знамени не отдам». Совсем фантастическим кажется рассказ о старшем канонире Тимофее Чиликине, который был ранен пулею в голову, когда заряжал орудие. Товарищи вызвались его заменить, но Чиликин пресек эти попытки словами «дай дослать последний заряд», и только после выстрела его отвели на перевязочный пункт.

Имя мичмана 31-го флотского экипажа Батьянова не приобрело всенародной популярности, однако описание его подвигов показательны при реконструкции ставшего традиционным концепта героизма: «Попавшая в пороховой погреб бомба произвела пожар. Контр-адмирал Истомин, обращаясь к Батьянову, сказал: "Вот случай отличиться, ступай и потуши"; сказано, и Батьянов бросился с матросами в погреб и потушил пожар, причем обжег себе руку»⁶⁹. Этот эпизод демонстрирует

⁶⁸ *Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 23 мая.*

⁶⁹ *Подвиги особенной храбрости // Морской сборник. 1855. №2. С.256.*

отношения между командиром и подчиненным, адмиралом и мичманом, при которых все своеобразие «заботы» командира, посылающего на опасность, проявляется в предоставлении возможности отличиться своим подчиненным, а подчиненные с готовностью ждут этого шанса. Храбрость и самопожертвование, судя по описаниям, были лейтмотивом действий матроса 29-го флотского экипажа Савостьяна Литвинова: «Находясь в прислуге у орудия и будучи контужен в голову, не захотел оставить своего орудия; чрез три дня получил две раны в один день, в грудь и ногу; оба раза перевязавшись, несмотря на боль, явился к своему орудию, при котором был комендором, и, на предложение товарищей отдохнуть, отвечал: "Пока во мне есть хоть капля крови, я не оставлю своего орудия"»⁷⁰. Такая ревностная привязанность к боевому орудю перекликалась с религиозными символами личного служения, несением своего креста на пути следования за Христом и вместе с ним⁷¹.

При этом слепые бессмысленные удальство и жертвы не приветствовались. Как было прагматично сказано в приказе по Севастопольскому гарнизону, жизнь каждого воина «принадлежала отечеству»⁷². Поэтому распорядиться ею необходимо было осторожно, а «заботливый офицер» должен был «делать экономию в людях», так как «только истинная храбрость приносит пользу и честь»⁷³.

Героический ореол матрос Кошка приобрел и закрепил еще при жизни, о чем было напечатано в «Русском инвалиде» и в «Морском сборнике» в 1855 году. Такие качества, как «храбрость и предприимчивость», участие во всех вылазках сделали его поистине народным, национальным героем. Страдания и жертвенность сочетались с веселостью и буквально пасхальной радостью: глаза раненого матроса «горят, он доволен своей судьбой, он счастлив, ему приятна его рана: он умрет славною смертью за отечество!»⁷⁴

Раненый Иван Герасимов Короткий «поразил своею необыкновенною веселостью, он смеялся над своими ранами, над неприятелем и просил только, чтобы его поскорее выпустили на 5 бастион. Когда я его

---

⁷⁰ Там же. С.257.

⁷¹ Ср.: «Сказал Господь: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16:24).

⁷² Приказ по Севастопольскому гарнизону №54, марта 2 дня 1855 года // Морской сборник. 1855. №3. С.LVIII.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Как жили и умирали в Севастополе.... С.19.

спрашивал, что его побудило сделаться столь воинственным, он отвечал мне, что сильно осерчал на неприятеля и надеялся как-нибудь заслужить Царской милости»⁷⁵.

Как мы видим, в официальной публицистике и цензурированной литературе был широко представлен героически-жертвенный дискурс, тесно связанный с христианским, придававший защитникам мученический ореол. Страдание, безропотность, смирение перед неизбежным, жертвенность во благо отечества – это главные добродетели солдат, готовых в любой момент погибнуть. Ранения военных «посвящались» самым «близким»: «Офицер сказал: "Первая рана за Царя, а вторая для матери"»⁷⁶. Натуралистичные описания операционных сцен в лазаретах были свойственны не только произведениям Л.Н.Толстого сева­сто­польского периода его службы. Однако здесь обнаруживается тонкая грань: с одной стороны, и медперсонал сева­сто­польского гарнизона в своих воспоминаниях, и Толстой описывали человеческие страдания, однако оценка страданий, как бессмысленных и противоречащих человеческой природе, были лишь у Толстого. Чаще всего на страницах толстых журналов и газет военного времени можно встретить образы страданий, крови и боли как жертвы страстотерпцев, героев, готовых с легкостью отдать жизнь за «Веру, Царя и Отечество». Толстой задал вопрос о цене человеческой жизни на войне, поставив под сомнение такую жертвенность, когда солдат мог сказать: «Мы за Христа умираем, и видишь: мы веселье»⁷⁷. Напротив, в пространстве героического мифа расставаться с этим миром и жизнью «с легкостью» стало одним из главнейших достоинств настоящего русского воина: «Один кроткого характера и говорил, что не страдает; другой страдал молчаливо и безропотно и со смехом расставался с белым светом»⁷⁸. Это согласовывалось с новозаветной традицией освящения истинных последователей христианского учения⁷⁹. Многих поддерживал пример ранних христиан, без ропота при-

⁷⁵ *Распоряжения морского ведомства относительно раненых и семейств убитых морских чинов Черноморского флота // Морской сборник. 1855. №3. С.272.*

⁷⁶ *Извлечения из писем начальницы Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых // Морской сборник. 1855. №9. Отд.2. С.202.*

⁷⁷ *Там же. С.204.*

⁷⁸ *Там же.*

⁷⁹ *Ср.: «Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзи уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследу-*

нимавших страдания и смерть. По официальным данным на 1 января 1855 года, из 653 нижних чинов, раненных в Севастополе, «на вопрос, в чем состоят их нужды, чего желают для себя или родных, они почти все единогласно отвечают: "Батюшка Царь не оставит нас, а мы желаем если Господь поможет выздороветь, то поскорее явиться к товарищам на бастионы, отплатить врагам"»⁸⁰. При повторных просьбах высказать пожелания, 377 человек попросили «дозволить им вернуться на бастионы и в команды», 228 – изъявили вообще упование на милосердие начальства, 31 – пожелали отправиться на родину, 8 – просили освободить детей из кантонистов, 5 – не в силах были говорить, 3 – хотели получить денежное пособие для семейств, а 1 – выкупить сестру из крепостного состояния⁸¹. Стремление 377 человек вернуться обратно на бастион было одним из показателей исключительной храбрости и проявления наивысшей степени патриотизма. Разумеется, эти факты не проверяемы по определению, и о степени их достоверности можно только догадываться. Однако следует отметить, что военная социализация порождает такое явление, как «молодчество» – стремление соревноваться в доблести, безудержную смелость, граничащую с бессмысленной удалью и отчаянным ухарством. Это может рассматриваться как проявление патриотизма, но одновременно и как проявление осознанной жизненной стратегии нижних чинов, переориентированных на новые ценности в ходе интенсивной милитаризованной социализации. Недаром появляются образы солдат и офицеров, куривших папиросы прямо на бастионах под обстрелами и получавших смертельные раны.

В так называемых «Письмах» сестры милосердия Александры Петровны Стахович читаем: «Вкруг меня составила огромная толпа из нескольких сотен солдат, и каждый из них рассказывал свое удалство,

---

ют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф.5:1-14).

⁸⁰ *Общий обзор полученных морским министерством по 1 января 1855 года сведений о морских чинах, убитых и раненных в Севастополе // Морской сборник. 1855. №1. С.108.*

⁸¹ *Там же. С.108–109.*

кто потчевал отнятыми у французов галетами, упрашивали: "Матушка, попробуй, как вкусно"; один поднес флягу с ромом и кричит: "Матушка, попей вражьей водки! Я отнял у пьяного француза"; другой мне делал подарок, шапку французского солдата – преусердно отдавал. Каждый продирался сквозь толпу высказать свое горе или радость. Слушавши эти рассказы, я видела, как немного надо нашему славному русскому солдату, чтобы его оживить: хорошая чарка водки да пара ласковых слов»⁸². Это своеобразный протоидеал, образец святого героя, немного наивного и простого, русского солдата, который не исчезнет из статей и книг, посвященных Севастопольской обороне. Если тема воровства, пьянства проникала в публикуемые письма, то подобное поведение не получало осуждения и критики. Захватить готовый завтрак у англичан, под градом пуль «отведать их вкусных бифштексов», принести манерки с ромом и галеты из вражеских траншей стало нормой военных будней. Осуждать эти поступки означало бы признать несовершенства интендантской службы, перебои с провиантом в русской армии, а кроме того, что не менее важно, признать моральные преимущества вражеских армий, что было недопустимо. Остряки уверяли, что из нашего ружья с десяти шагов в дом не попадешь. Русскому гарнизону приходилось гордиться лишь мужеством и стойкостью⁸³.

Вот как пишет публицист-энтузиаст Александр Можаровский: «Настоящий 1905 год – год юбилейный. Полвека назад 27 августа пал Малахов курган, а с ним вместе и Севастополь. Как ни печально было для русских людей падение Севастопольской твердыни, но мы доселе гордимся и должны гордиться его защитниками, оказавшими беспримерное геройство в течение годовой его осады чуть не всю Европою, не говоря о Турции. Враги наши гибли как тараканы и от оружия, и от заразных болезней, и от холода без теплой одежды, и, наконец, от морских бурь. У русских же за все время войны убито или умерло от ран всего 75 000»⁸⁴.

Подобные рассуждения были очень распространены и позволяли принижать результаты противника после войны: «их» коварные планы не осуществились, между тем их финансы расстроились, и производительные силы страны сильно сократились, наряду с человеческими и материальными потерями. Впоследствии при осмыслении итогов войны

⁸² Выписка из письма начальницы Крестовоздвиженской Общины Сестер пощения о раненых, Госпожи Стахович // *Морской сборник*. 1855. №7. С.190.

⁸³ Верещагин В.В. *В Севастополе*. М., 1900. С.11.

⁸⁴ Можаровский А. *Указ. соч.* С.535.

к имеющемуся набору добавился миф об утраченном полнейшем триумфе, начинавшийся с оборота «если бы не», позволявший возлагать ответственность за неудачи на отсутствие дорог, нарезного стрелкового оружия, талантов в военном руководстве, раннюю гибель «настоящих» героев – Нахимова, Корнилова и др.

Война в официальной интерпретации традиционно представлялась как парад, причем парад имитировал наступление, а не оставление позиций. Изнаночная сторона войны не находила очевидных проявлений на страницах рапортов и в других официальных документах. Зрителей батальных «спектаклей» не допускали за «кулисы», поскольку увиденное там вступило бы в конфликт с ожидаемым. То, что реальная война – не парадный марш, а оценка поступков из «мирного окна» безнравственна, далеко не все из современников понимали, отказываясь признавать, что они сами поступили бы так же, а может быть, еще хуже. Об отсутствии адекватного вооружения российской армии предпочиталось если и говорить, то не в порядке критики, а лишь для того, чтобы подчеркнуть преимущество русского духа: «Эти солдаты показали, что сила армии заключается не в одних только штуцерах и игольчатых ружьях, а заключается еще в чем-то другом»⁸⁵. Это что-то другое могло облекаться в такие понятия, как «русский дух», «народное мужество», стойкость, самоотверженность и доблесть. Более того, было похвальным оправдывать техническую отсталость отечественного вооружения. Одна из карикатур 1855 года имела показательную подпись: «Видали мы, мусье, эти инструменты (так в тексте. – М.Ф.). А вот ты попробуй русского кулака»⁸⁶. Огромные жертвы объясняли неподготовленностью города к военным действиям, «невзгодами», связанными с отсутствием железных и шоссейных дорог, отсутствием системности в доставке войск, провианта, медикаментов, тактическими ошибками командования армии, численным перевесом противника и пр.

В православный праздник Пасхи в 1854–1855 годах, по воспоминаниям, обстрел города противником не стихал, что лишний раз навлекало на союзников прозвище «нехристи», «неверные иудеи», «покусившиеся

---

⁸⁵ Рыкачев Н. По поводу «Записок Севастопольца» // *Морской сборник*. 1868. №3. С.35. – Все более распространенным становилось выражение, принадлежавшее герою Плутарха – царю Пирру и обозначающее «пиррову победу»: «Еще одна такая победа – и у моей королевы не будет армии». Эти слова приписывались герцогу Кембриджскому, племяннику английской королевы, который, по версии публициста К.Голохвастова, так воскликнул, обзревая поле сражения на реке Альме.

⁸⁶ Степанов Н.А. *Карикатуры*. СПб., 1855. С.75.

на святость веры». Отступничество «западных христиан» позволяло своеобразно христосоваться с ними: «какой-то удалец раскрасил разряженную двухпудовую бомбу вроде пасхального яйца, а другие готовились послать этот оригинальный снаряд неприятелю»⁸⁷. «Праздник Пасхи в многострадальном городе» – это сочетание стало многозначительным, нагружало образы города и его защитников дополнительными смыслами, уподобляя их страдания страданиям Христа: «Наступили дни Страстной недели, и многострадальный город свято отбывал дни страданий и крестной смерти Искупителя»⁸⁸; «многострадальный Севастополь отбывал память страданий и крестной смерти Искупителя. Неизъяснимая торжественность нашего положения сказывалась всякому, всякий молился и не мешал другим молиться»⁸⁹. Город и его население, как живое, так и погибшее, превратились в национальную святыню.

Народность и представления о патриотизме срастались с религиозностью. Истинные христиане (русские) противопоставлялись предателям-супостатам (проводились даже аналогии с иудеями, распявшими Христа), что позволяло апеллировать опять-таки к христианским пасхальным образам при воспоминаниях о войне: «Прости, Господь, им согрешения! Не ведают, что творят!»⁹⁰ Пасхальной риторикой проникнуты практически все брошюры для народа.

В дискуссиях о войне магистральными темами стали героизм, мужество, самопожертвование. В официальном дискурсе оказались востребованы герои, которые, не задумываясь, отправлялись на смерть. Настоящий русский герой – святой мученик, страдающий за «Веру, Царя и Отечество» во имя будущей «великой Пасхи» – возрождения своей отчизны. Пасхальная и христианская риторика сформировала образы города, войны, ее героев и антигероев, своих и чужих.

---

⁸⁷ Ершов А.И. *Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера: В 7-ми тетрадях*. СПб.: Тип. Штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1858. С.81.

⁸⁸ Лукашевич К. *Светлый праздник в Севастополе (Очерки из обороны Севастополя)*. Изд. 2-е. М.: Тип. Т-ва И.Д.Сытина, 1904. С.7.

⁸⁹ Ершов А.И. *Указ. соч.* С.77.

⁹⁰ *Война Англии и Турции с Россией... С.13; Можаровский А. Указ. соч. С.536. – Ср.: В Евангелии от Луки, 23:34, приводятся слова распятого Иисуса к Отцу Небесному: «Отче! отпусти им, не ведая бо, что творят».*

В истории перед нами постоянно предстает изменение в человеческом знании, сознании и самосознании. Возникают и исчезают духовные возможности, растет отчуждение, которое завершается полным непониманием друг друга. Сохраняется ли, несмотря на это, единство? В виде беспредельной воли к пониманию оно безусловно сохраняется. Если это единство не может быть понято на основе биологических свойств, поскольку смысл его вообще находится вне биологической сферы, то причина его должна быть иной. Говоря об истоках этого единства, мы имеем в виду не биологическую природу или происхождение из общего корня, но человеческую сущность как единство высшего порядка. <...>

**В этой области мировая история
может быть понята как развитие по
восходящей линии, хотя и
содержащее отступления и
остановки, но в целом связанное с
постоянным ростом достижений, в
которые вносят свою лепту все
люди...**

Карл Ясперс

Зоя Бочарова

**«БЕЗ ОЗДОРОВЛЕНИЯ
РОССИИ
НЕВОЗМОЖНО
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ЕВРОПЫ»**

**ПОМОЩЬ Ф.НАНСЕНА
ГОЛОДАЮЩЕЙ РОССИИ (1921–1922 гг.)
И МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО**

УДК
327.7

In this article it is shown the interaction between the Famine High Commissioner F.Nansen with the soviet official circles and the world powers regarding the aid for the starving Russia in 1921–1922. There are also revealed strategies of combating scourge, various positions that existed among the world community, including those being in exile and the decision making officials of the Bolshevik society regard the famine, conditions, forms and methods of aid for the Soviet state.

Keywords: famine in Russia in 1921–1922; F.Nansen; L.B.Kamenev; G.V.Chicherin; V.I.Lenin; Russian Committee for Famine Relief; loan; Brussels conference.

Ключевые слова: голод в России 1921–1922 годов; Ф.Нансен; Л.Б.Каменев; Г.В.Чичерин; В.И.Ленин, Всероссийский Комитет по оказанию помощи голодающим (ВКПГ); заем; Брюссельская конференция.

E-mail: zsbotcharova@mail.ru

В 2011 г. мир отмечал 150-летие со дня рождения Ф.Нансена, великого полярного исследователя, гуманиста, человека, ставшего посредником между мировым сообществом и двумя Россиями – Советской и Зарубежной. На гуманитарную стезю он встал, видя бедствия и страдания людей, вызванные Первой мировой войной. Разруха, голод, демографический кризис коснулись не одной страны. Но наибольший резонанс имели события в России.

90 лет назад в стране разразился голод такого масштаба, что стал не только экономическим и социальным катаклизмом для населения, но и значительной политической и гуманитарной проблемой всего мирового сообщества. Стихийные бедствия, в каком бы регионе ни происходили, всегда носят черты мировой катастрофы и имеют глобальные последствия. Опыт борьбы с голодом в России 1921–1922 годов актуален не столько с точки зрения организации и форм (в настоящее время в мире голодает около 1 млрд. человек, т.е. каждый шестой житель планеты), сколько с более универсальных позиций – моральных. Тогда, в начале 1920-х годов, международные организации, правительства, советская власть, наконец, русская эмиграция оказались перед выбором, на каких условиях, как, в какой мере помочь страждущему народу России. Следовало определить стратегии борьбы с бедствием, способы и стимулы мобилизации общества. Критерии этого выбора (гуманитарные или политические) свидетельствуют о приоритетах интересов, о человечности и эгоизме, о порядочности и корысти. Цена же всему – человеческие жизни, как и всегда, как и сегодня...

Большевистская Россия находилась в дипломатической изоляции, интерес к ней стал угасать с заключением Компьенского перемирия, что осложняло общение с внешним миром. Камнем преткновения оставались долги царского правительства. Официальная Москва неоднократно подчеркивала, что «признание советского правительства де-юре привело бы к установлению мира во всей Европе и послужило бы отправной точкой для оживления экономики не только в России, но и во всем мире»¹, что «нельзя думать об установлении полного мира без России с ее 130-миллионным населением, что нельзя побороть разруху, оставляя в России развалины и что вопрос о взаимоотношениях между Россией и остальным миром, являющийся первостепенным мировым вопросом, не может быть разрешен без соглашения с Советским Правительством»².

¹ *Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т.4. М., 1960. С.550. Ответы официального представителя РСФСР в Великобритании Л.Б.Красина на вопросы группы руководящих деятелей лейбористского движения 29 ноября 1921 г.*

² *ДВП. Т.4. С.446. Док. №278. Нота правительства РСФСР правительствам Великобри-*

**1919 г.
Обращение Нансена
к мировому сообществу**

Еще 3 апреля 1919 года Нансен как представитель Международного Комитета Красного Креста (МККК) направил письмо В.Вильсону (США), Ж.Клемансо (Франция), Ллойд Джорджу (Великобритания), В.Э.Орландо (Италия) с предложением организовать нейтральную международную комиссию помощи голодающим русским в составе норвежских, шведских и, возможно, датских, голландских и швейцарских граждан, согласно принципам бельгийской комиссии помощи³. Создание такой комиссии, по его мнению, не должно быть связано с вопросом о политическом признании Советов. Он просил сообщить размеры финансовой, транспортной и медицинской помощи, которую правительства этих стран готовы оказать. 17 апреля последовал ответ: державы хотели бы откликнуться на гуманное предложение, но, предвидя «сильные затруднения в области транспорта и в финансовом отношении»⁴, не готовы пойти навстречу. Необходимым условием функционирования намечавшейся комиссии они считали предоставление права населению указывать сотрудников и методы работы, как гарантии удержания деятельности комиссии в гуманитарных рамках. Такая мера привела бы к приостановлению перевозки войск и военного снаряжения и ведения военных действий на территории России, ибо помощь населению без возвращения к мирному положению бесполезна.

Нансен изложил Ленину содержание этих писем и просил сообщить свою точку зрения по вопросу создания международной комиссии, которая будет работать безвозмездно, но при участии советского правительства в расходах по транспорту и закупке продовольствия. Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) откликнулся 7 мая 1919 года: «Велики действительно страдания и лишения, созданные для русского народа бесчеловечной блокадой союзных и так называемых нейтральных держав и непрерывными войнами, навязываемыми ему против его воли»⁵. В основу ответа легли замечания Лени-

---

тании, Франции, Италии, Японии и США от 28 октября 1921 г.

³ В Бельгии население имело возможность указывать комиссии, какими методами и каким персоналом должна быть оказываема помощь местным общинам.

⁴ Архив внешней политики РФ (далее – АВПРФ). Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.32. Здесь и далее в цитатах правописание приведено в соответствии с правилами современного русского языка.

⁵ ДВП. Т.2. М., 1958. С.158. Разделение вопросов о присылке продовольствия, касавшейся

«БЕЗ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИИ НЕВОЗМОЖНО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ»

на, который советовал писать Нансену «архилюбезно», но вместе с тем «воспользоваться [моментом] для пропаганды и развить *подробнее* отделение (α) *гуманитарной* и (β) *политической* стороны». Следовало предложить Нансену осуществлять помощь, обращаясь непосредственно к советскому правительству, без посредничества международной организации, и безусловно, т.е. не связывая борьбу с голодом с вопросом о перемирии⁶.

Нарком по иностранным делам Г.В.Чичерин указал, что державы исказили план Нансена, сведя его к приостановлению военных действий. Он писал: «Таким образом, Ваши искренне-человеколюбивые намерения были неправильно использованы другими для прикрытия таких целей, которые, очевидно, являются политическими, видимостью предприятия, первоначально бывшего исключительно гуманитарным. Будучи готовы оказать всякое содействие Вашему плану, поскольку он носит тот характер, который Вы ему приписали в Вашем письме, мы в то же время не желаем быть объектом двусмысленных действий, и, зная, что Вы в такой же степени, как и мы сами, серьезно относитесь к Вашему проекту и действительно желаете достигнуть поставленной цели, мы хотели бы спросить Вас о том, окончательно ли Вами принято это привнесение посторонних целей в Ваш проект. ... ради осуществления Ваших намерений это привнесение посторонних целей должно быть тщательно избегнуто. ...мы не можем дать каких-либо уступок, относящихся к основным проблемам нашего существования, под маской якобы гуманитарного предприятия. Последнее должно быть и оставаться чисто гуманитарным, а не политическим. ...Мы, разумеется, покроем все расходы этого предприятия и стоимость съестных припасов и можем уплатить, если вы пожелаете, русскими товарами»⁷.

Г.В.Чичерин

комиссии Нансена, и более общих политических, относительно переговоров с заинтересованными правительствами о мире, были истолкованы антантовскими правящими кругами в смысле отказа советского правительства от предложений Нансена.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. М., 1970. С.304.

⁷ АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.49–53. Г.В.Чичерин – Ф.Нансену, 16 мая 1919 г.

**1921 г.
Обращение Советов
к мировому сообществу**

Однако ситуация в России продолжала усугубляться. В сочетании с объективными причинами голода, сыграли свою роль и субъективные, в том числе кризис советской аграр-

ной политики⁸. В первый год мирного строительства страну постигла небывалая засуха, и голод охватил хлебопроизводящие районы (Поволжье, Южный Урал, Крым, ряд губерний Украины). По данным итоговой сводки Центральной комиссии помощи голодающим общая численность населения пораженных неурожаем районов доходила до 31 714 тыс. человек, с учетом Украины – 35 млн.⁹

2 августа 1921 года последовало два обращения российской стороны. Одно было написано Лениным и адресовано международному пролетариату. Второе – нота правительства РСФСР правительствам всех стран, переданная по радио. Двумя неделями ранее (13 июля) Максим Горький, с ведома большевистского руководства, призвал общественность Запада не допустить массовой гибели людей в России.

Ленин сделал акцент на том, что голод – «тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистской, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран», и что трудящиеся всего мира с самопожертвованием придут на помощь рабочим и крестьянам Советской республики, «которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма»¹⁰. Правительственное обращение, подписанное Чичериным, призывало руководство всех стран сообщить в официальном порядке своим гражданам точные сведения о масштабах

---

⁸ *За годы продрозверстки распространение получили сокрытие скота и пашни, недосев, крестьяне старались ограничиться хлебом, которого хватало для самообеспечения, в пределах потребительской нормы. Сокращалось производство нужных для государства зерновых, и росли посевы культур, предназначенных для внутривозвращенного потребления, требовавших меньших затрат и на которые разверстка не распространялась. Крестьяне отдавали предпочтение более рентабельной и малодосягаемой для заготовительных органов продукции. В этих условиях у крестьянина стали отбирать не только излишки, но и необходимое, и даже семенной фонд.*

⁹ *Космачева Т.С. Государственные и общественные организации России и зарубежья в борьбе с голодом 1921–1922 годов на Южном Урале. Автореферат диссертации...к.и.н. Самара, 2009. С.11.*

¹⁰ *ДВП. Т.4. С.250. Док. №169.*

бедствия¹¹, дабы прекратить высказывания в органах печати и государственными деятелями «совершенно неверных мыслей» о положении в голодающих областях, допуская преувеличения и искажения по этому поводу¹². Речь также шла о том, что наряду с созданием правительственной комиссии при ЦИК правительство разрешило создание независимого Всероссийского Комитета по оказанию помощи голодающим (ВКПГ, Всепомгол, Помгол), состоявшего из лиц, непричастных к правительственным сферам. Этот комитет как независимая организация будет сам распределять все имеющиеся в его распоряжении продукты питания, поскольку он является полностью независимой организацией, пользующейся в своей деятельности полной поддержкой советских властей. Чичерин также указал, что каждый день поступают сообщения о многочисленных организациях во всех странах, желавших оказать помощь голодающему населению России, и российское правительство примет любую помощь, из каких бы источников она ни поступала, не связывая ее с существующими политическими отношениями¹³.

**Международный комитет
помощи: за и против**

Верховный совет Антанты¹⁴ 10 августа обсудил вопрос о положении в России и постановил создать международный комитет, который рассмотрел бы возможности для оказания

помощи русскому народу. А.Бриан, глава Верховного совета, французский министр иностранных дел, подчеркнул, что т.к. Россия боролась на стороне союзников, то она вправе ожидать помощи. Его под-

¹¹ В ноте речь шла об объявлении чрезвычайного положения в десяти губерниях (Астраханской, Царицынской, Саратовской, Самарской, немцев Поволжья, Симбирской, Татарской республике, Чувашской области и в ряде уездов) с 18-миллионным населением и необходимости завезти как минимум 41 млн. пудов продовольствия, чтобы прокормить сельское население, и 18 млн. пудов – для городского.

¹² ДВП. Т.4. С.251. Док. №170.

¹³ Там же. С.252.

¹⁴ Верховный совет Антанты («Совет пяти») – высший руководящий орган стран-участниц Антанты, образован в конце Первой мировой войны и просуществовал до середины 1920-х годов. На постоянной основе в него входили Великобритания, Франция, Италия, Япония и США (США формально никогда не входили в Антанту, являясь лишь ее союзником). В Совет назначались премьер-министры этих держав, представитель Японии, а также представители их генштабов. Выполнял функции «мирового правительства», решая судьбы всего послевоенного мира. Влияние упало с ростом роли Лиги Наций.

держал Ллойд Джордж, заметив, что помощь невозможна без сотрудничества с советским правительством, поскольку оно распоряжается транспортом, административным аппаратом, решает вопрос о передвижениях. «Манчестер Гардиан» писала: «Мы не можем позволить, чтобы какое-либо неудовольствие нынешними правительственными формами в России могло удержать нас от долга гуманности». В тот же день начались переговоры в Риге между представителем РСФСР М.М.Литвиновым и представителем Гувера, главы Американской организации помощи (АРА¹⁵), У.Брауном, относительно помощи в организации питания 1 млн. детей и больных в районах России, охваченных голодом.

Однако советская сторона не только возложила вину за голод на капиталистов, которые блокировали Россию, навязали оборонительную войну, разорили ее промышленность, морили народ. Создание единой монополярной организации помощи Москва посчитала «большим неудобством». Ленин писал: «Когда же видано, чтобы кровопиец рабочего человека, капиталист и ростовщик помогал ему бескорыстно. Голодом трудового человека класс капиталистов всегда пользовался, чтобы закабалить его тело и душу. И нашим голодом хотят сейчас воспользоваться, чтобы уничтожить нашу кровью добытую свободу, навеки вырвать власть из рук рабочих и крестьян и посадить над их головами снова царя, помещика, хозяина, станового пристава и чиновника»¹⁶.

Не случайно Нансен запрашивал Л.Б.Каменева, как отнесется советское правительство «к общей интернациональной организации помощи голодающим в России»¹⁷. Советы посчитали, что Международный комитет тормозил бы отдельные инициативы и лучше иметь дело непосредственно с Комиссией ВЦИК¹⁸. Поэтому Чичерин, информируя Л.Б.Каменева об упомянутых переговорах с представителем Гувера в Риге, писал: «М.М.Литвинов будет говорить тоже в том смысле, чтобы остаться с ним в непосредственных сношениях и чтобы он не ступил

---

¹⁵ АРА была создана в 1919 году как неполитическая филантропическая организация для оказания продовольственной и иной помощи пострадавшим от войны народам Европы.

¹⁶ Цит. по: ДВП. Т.4. С.792. Сноска 77.

¹⁷ АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.63. Г.В.Чичерин – Л.Б.Каменеву, 28 июля 1921 г.

¹⁸ 18 июля 1921 года при ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим во главе с Л.Б.Каменевым. В ее состав вошли 73 человека, в том числе 12 представителей власти (А.И.Рыков, М.М.Литвинов, А.В.Луначарский и др.) и 61 представитель общественности (бывшие члены ЦК партии кадетов, известные деятели литературы и искусства, толстовцы, представители науки, в том числе президент АН А.П.Карпинский, вице-президент АН В.А.Стеклов, академики и др.)

ся перед единой международной организацией. Нас Международный Красный Крест ни о чем не спрашивает, он нас только уведомляет о своем намерении. Мы можем поэтому подождать, пока тов. Литвинов в Риге сговорится с представителем Гувера, тогда видно будет, следует ли нам что-нибудь предпринять от себя в связи с планом Красного Креста»¹⁹. 13 августа 1921 года нарком Чичерин инструктировал Литвинова в записке с пометой «совершенно секретно»: «Главное – надо разбить антантовский план единой официальной международной организации помощи, которая нам диктовала бы условия. Поэтому надо ухватиться за Гувера и Нансена. ...Крайне важно убедить Нансена отказаться от единой всеобъемлющей организации. Если в основном Браун станет на нашу почву – можно будет во второстепенном идти ему навстречу, лишь бы не сорвалось»²⁰.

Смешанная комиссия Международного комитета Красного Креста (МККК) и Лига обществ Красного Креста все же созвали 15–16 августа 1921 года конференцию в Женеве всех примыкавших к ним обществ, правительств стран, входивших в Лигу Наций, филантропических обществ, занимавшихся голодом в России, с целью объединить усилия в одной всеобъемлющей международной организации. На конференции выступил представитель ВКПГ П.И.Бирюков, толстовец²¹. Он дал описание положения в России, назвал цифру нехватки хлеба в 120 млн. пудов (в отличие от официальной – 41 млн.) и наметил конкретную программу помощи голодающим. На что председатель Конференции Г.Адор возразил, что от советского правительства необходимо получение гарантий в том, что корабли смогут прибывать беспрепятственно и что привозимое ими продовольствие будет немедленно и как следует распределено²². В результате была принята резолюция о создании комиссии Красного Креста для координации деятельности всех организаций в деле помощи голодающим.

Международную комиссию помощи голодающим России (МКПГР) возглавил Ж.Нуланс, бывший французский посол при Временном пра-

¹⁹ АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.68. Г.В.Чичерин – Л.Б.Каменеву, 7 августа 1921 г.

²⁰ Там же. Л.79.

²¹ Толстовцы – участники религиозно-утопического движения второй половины XIX – начала XX в., последователи учения Л.Н.Толстого, основанного на вере в возможность совершенствования и прогресса общества путем нравственного воспитания и взаимопомощи.

²² АВПРФ. Ф.56 б. Оп.2. П.57. Д.9. Л.5.

вительстве России, противник большевиков. МКПГР назначила верховными комиссарами по организации помощи голодающим в России Нансена и Гувера и уполномочила их заключить соглашение с русским правительством относительно контроля над распределением продуктов и выяснения нужд в продовольственной и медицинской помощи. Комиссарам поручалось работать совместно с местным правительством и русскими частными обществами²³. Хотя в сообщениях прессы речь шла о двух верховных комиссарах МКПГР, Нансене²⁴ и Гувере, в дальнейшем обязанности главноуполномоченного выполнял только норвежец²⁵.

Предполагалось послать в Россию анкетную комиссию, чтобы выяснить размеры бедствия и составить представление о размерах необходимой помощи. Однако советская сторона анкетную комиссию, воз-

---

²³ В тексте последних резолюций специально было опущено слово «Россия» по просьбе Х.Шавишвили, представителя грузинского Красного Креста, и Оудегеста, представителя Международного бюро профессиональных союзов в Амстердаме, указывавших на необходимость включения Грузии в число областей, нуждавшихся в помощи.

²⁴ Вскоре, 20 августа 1921 года, Нансен дал согласие быть верховным комиссаром Лиги Наций по делам русских беженцев, 3 сентября официально вступив в должность, тем самым взяв обязательство выполнять две несовместимые, с точки зрения русской эмиграции, функции. Признавая безальтернативность кандидатуры Нансена, эмиграция негативно расценила этот шаг Лиги Наций, ибо «интересы, стремления и мораль русских эмигрантов так диаметрально противоположны целям и моральям (так в тексте. – З.Б.) советского правительства, что нельзя с равной симпатией сотрудничать с этими двумя враждующими лагерями» // ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.43. Л.189.

²⁵ Пока европейские государства спорили о целесообразности, размерах и формах помощи, США начали реальную работу. Г.Гувер, как глава крупнейшей в США благотворительной организации АРА, одним из первых откликнулся на призыв правительства РСФСР к правительствам всех стран от 2 августа 1921 года, правда, выдвинув предварительно требование освобождения американских граждан, находившихся в заточении в пределах Советской России, и 26 условий, принятие которых должно было лечь в основу соответствующего договора. В ходе переговоров уполномоченные АРА отказались от первоначального требования о внесении денежного залога, а также согласились допустить представителей советских организаций в аппарат АРА в России. 20 августа 1921 года представитель АРА У.Браун в Риге подписал соглашение с правительством РСФСР. АРА сформировала свой аппарат в Москве и 12 отделений по России. АРА начала сворачивать свою деятельность в конце июня 1923 года (последний закрылся 4 июля 1923 года), согласно соглашению, заключенному 15 июня 1923 года между директором АРА в Советской России У.Хаскеллем и заместителем председателя СНК Л.Б.Каменевым.

«БЕЗ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИИ НЕВОЗМОЖНО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ»

главляемую врагом советской власти Нулансом, не допустила. Этот шаг вызвал негодование Франции, чьи официальные круги высказались за ликвидацию МКПГР. Англичане, оценивая помощь Гувера и Нансена как недостаточную, полагали, что отказ международного сообщества в содействии России усилит большевистскую пропаганду. Итальянцы заявили, что начатое уже дело помощи не должно быть остановлено. Нетрудно заметить, что степень неприятия идеи поддержки голодающей России правительствами европейских держав была прямо пропорциональна размеру царских долгов этим странам.

Ллойд Джордж, выступая 16 августа в британском парламенте, назвал дьявольским замыслом предложение использовать голод в России для того, чтобы принудить ее признать долги царского правительства.

Представитель эмигрантского Земско-городского комитета в Лиге Наций Н.И.Астров, информируя в сентябре 1921 года товарищей по кадетской партии о состоянии «русского вопроса» в Лиге Наций, заметил, что «вопрос о беженцах загнан теперь на задворки вопросом о голоде»²⁶.

**Соглашение Нансена
с Советами о голоде**

Соглашение по оказанию помощи голодающему населению России между Нансеном, главным уполномоченным Женевской конференции по оказанию помощи России, и на-

---

²⁶ *Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т.5. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Июнь – декабрь 1921 г. М., 1997. С.344. Решение беженского вопроса выделось в возвращении русских на родину. В ноябре 1923 года, т.е. в то время, когда репатриация в основном закончилась, помощник Нансена Э.Фрик в письме полпреду СССР в Германии Н.Н.Крестинскому запрашивал мнение советских властей по поводу прекращения Нансеном обязанностей верховного комиссара по делам русских беженцев. Он писал: «Если эта работа [по репатриации] прекращается, то для Нансена нет никакого смысла оставаться комиссаром над остающимися за границей русскими эмигрантами. С одной стороны, эти эмигранты недружелюбно относятся к Нансену и вовсе не желают его комиссарства. С другой стороны, комиссарство над белыми эмигрантами представляет собой известную политическую роль, и притом скорее враждебную, чем дружелюбную Совроссии, а Нансен, конечно, является другом Советской России, а не белой эмиграции» // АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.260. Однако верховным комиссаром по делам беженцев Нансен продолжал оставаться до конца своей жизни.*

родным комиссаром по иностранным делам РСФСР Чичериным было подписано 27 августа 1921 года²⁷. Переговоры шли трудно. Нансену пришлось пойти на ряд уступок. Но требование упомянуть в договоре Комитет общественных деятелей оставалось неизменным. Ленина возмутило «наглешее предложение Нансена (назначить кадета из Комитета помощи)», он настаивал на ликвидации Всепомгола: «Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи... Остальных членов "Кукиша"²⁸ тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы... Ей-ей, ждать еще – ошибка будет громадная. Пока Нансен не уехал, дело будет сделано; Нансену поставлен будет ясный "ультиматум". ...Иностранцы начнут приезжать, надо "очистить" Москву от "Кукишей" и прекратить их игру (с огнем)»²⁹.

Уже в день подписания соглашения Чичерин пытался убедить Политбюро удовлетворить требование Нансена, чтобы не сорвать переговоры: «Вопрос поставлен ультимативно как относительно получения помощи вообще, так и относительно займа. Дело идет о составе Исполнительного Органа организации Нансена, т.е. организации, созданной на Женевской конференции. Этот Исполнительный Орган должен на паритетных началах состоять из одного представителя Нансена и одного нашего представителя. Последняя уступка Нансена и его сотоварищей заключается в том, что этот второй член Исполнительного Органа будет назначен Советским Правительством, но из состава Комитета Общественных Деятелей. Мы можем таким образом назначить коммуниста, тов. Каменева, или Семашко, или другого из наших товарищей, но непременно из состава Комитета Общественных Деятелей. Нансен говорит, что он достаточно знает настроения западноевропейских кругов и уверен, что без этого упоминания о Комитете Общественных Деятелей из его предприятия ничего не выйдет. Пусть мы назначим одного из наших товарищей, но фирма Комитета Общественных Деятелей должна тут фигурировать. Без этого дело обречено на неудачу, и Нансен и его сотоварищи на этом разорвут и уедут. Что касается займа в 10 000 000 фунтов стерлингов, оба английских эксперта заявили, что без этого упоминания о Комитете Общественных Деятелей Англия ни в коем случае не даст займа, а без участия Англии заем вообще не удаст-

---

²⁷ ДВП. Т.4. С.294–298. Док. №201–202.

²⁸ «Кукиши» – саркастическое словообразование от первых букв фамилий Кусковой и Кишкина, лидеров ВКПГ (Комитета общественных деятелей).

²⁹ Ленин В.И. И.В.Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б), 26 августа 1921 г. // Полн. собр. соч. Т.53. М., 1970. С.140, 141–142.

ся. / Мы спорили несколько часов. Нансен и его сотоварищи объявили, однако, что дальнейшие уступки для них, безусловно, невозможны. / ...Положение таково: или отказ от займов и от помощи, или упоминание о Комитете в указанных пределах»³⁰.

Соглашение было подписано. Комитет Общественных Деятелей в опубликованном документе не упоминается. Речь идет об образовании Комитета, «к которому присваивается название Исполнительного Комитета Международной Помощи России и в состав коего войдут один представитель доктора Нансена, действующего от имени Женевской Международной Конференции Помощи, и один представитель Российского Правительства»³¹. Представительство Нансеновского комитета международной помощи голодающим, главное бюро которого располагалось в Москве на Б.Никитской, 43, возглавил Д.Горвин. Полномочным представителем правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим был назначен А.Эйдук. Видимо, верх взял ультиматум советской стороны. Подтвердил Нансен и обещание ходатайствовать о выделении кредита. Дополнительные обязательства (соглашение об открытии кредита)³² гласили: «Российское Правительство, сознавая, что просимые средства необходимы для предотвращения катастрофы, которая повлечет за собой не только ужасающие бедствия для громадного числа русских, но и в течение продолжительного времени будет неминуемо отражаться на экономической жизни Европы, просит Д[окто]ра Нансена обратиться от его имени к правительствам Европы в целях получения для России кредита в размере 10 000 000 фунтов, каковая сумма, хотя и отнюдь недостаточная для полного разрешения создавшегося положения, дала бы все же возможность предпринять немедленно меры для борьбы с существующим бедствием»³³. Подписанное Соглашение настолько не соответствовало требованиям, выставленным мировыми державами, в частности, Англией, что Нансен просил советскую сторону не публиковать его до того момента, пока он не переговорит с Ллойд Джорджем³⁴ (видимо, с тем, чтобы тот смог подтвердить готовность предоставить кредит).

³⁰ *АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.101–103. Г.В.Чичерин – В.М.Молотову, 27 августа 1921 г.*

³¹ *ДВП. Т.4. С.294.*

³² *В «Документах внешней политики СССР» не опубликованы.*

³³ *АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.107–107 об.*

³⁴ *Там же. Л.109. Г.В.Чичерин – Л.Б.Каменеву, 28 августа 1921 г. На заседании парижской демократической группы партии народной свободы 1 сентября 1921 года*

**Международный резонанс
Соглашения**

В день подписания Соглашения ВКПГ был распущен. Демократические силы за рубежом осудили этот шаг Советов. П.Н.Милюков заметил, что «Комитет не захотел быть оружием в руках большевиков и служить для них проводником их стремлений – завязать при его посредстве их сношения с Европой», и «разгон Московского Комитета испортил позицию большевиков за границей»³⁵. Эмигрантская газета «Руль» (Берлин) писала 2 сентября, что теперь союзные державы должны требовать от советского правительства еще более серьезных гарантий, чем прежде, а поставленное Нансену условие о посредничестве советских органов следует признать неприемлемым. «Таймс» писала 2 сентября 1921 года: «Большевики вошли в соглашение сначала с Организацией Помощи Гувера, а затем с представителем обществ Красного Креста доктором Нансеном. Только беспартийный (ВКПГ), послуживший лишь приманкой, был распущен: прием обычный у большевиков... В упорстве, с которым они пользуются войной, голодом и другими бедствиями, изводящими человечество, для своих узкополитических целей, кроется один из тайных факторов их силы»³⁶. Главная опасность отсутствия контроля за распределением помощи, поступающей в Россию, виделась в том, что «благородные порывы народов Западной Европы будут использованы большевиками для содержания Красной Армии и для поддержки большевистской пропаганды мировой революции». Помощь голодающим отнюдь не должна была послужить укреплению советской власти. Нуланс высказался, что «английский народ задумается раньше, чем внесет свою лепту в дело помощи голодающим, если он не будет иметь твердую гарантию, что его щедроты послужат на прямую пользу действительно нуждающимся, а не пойдут на обогащение советских

П.Н.Милюков информировал: «Заключивший с ними [большевиками] в Москве соглашение Нансен должен был как раз сегодня беседовать с Ллойд Джорджем о займе в 10 миллионов фунтов стерлингов непосредственно для Советской власти, но здесь, во Франции, это встречено очень отрицательно и только уронило влияние и значение самого Нансена» // Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. С.252.

³⁵ *Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 253.*

³⁶ *АВПРФ. Ф.56 б. Оп.2. П.6 а. Д.33. Л.12.*

«БЕЗ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИИ НЕВОЗМОЖНО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ»

служащих и на губительный тиранизм»³⁷. В свою очередь Чичерин от лица «голодающих крестьян и измученных войной и блокадой рабочих» обратился «к культурному миру и во имя спасения миллионов» с требованием «убрать с ответственного поста Нуланса, злейшего врага трудящихся»³⁸.

Нансен попытался примирить различные позиции, призывая к здравому смыслу. 9 сентября 1921 года на сессии Лиги Наций он страстно говорил о том, что «без оздоровления России, невозможно восстановление Европы», подробно обрисовал масштабы голода и закончил следующими словами: «Мы стоим перед катастрофой, равная которой никогда еще не угрожала Европе. При осуществлении дела помощи можно всецело положиться на соввласть. ...В данном случае, когда дело касается самой России, ни минуты нельзя сомневаться, что совправительство сдержит свои обещания. Соглашение с совправительством окончательно выработано. Мы имеем в Москве центральную Комиссию, которой совправительство предназначило право контроля, полную свободу действий. В европейских кругах царит много толков вокруг этого вопроса. Однако в области контроля мы достигли максимума. Все отправления из-за границы находятся на нашем контроле... Нужно сознать, как велика ответственность за затягивание дела помощи. 15 ноября Волга замерзает, перевозить транспорты нельзя будет. Число голодающих достигает 20 миллионов. Помощь должна быть немедленно оказана. Если до Рождества помощь волжскому району не будет налажена, там вымрут все дети, дальнейшая помощь будет запоздалая»³⁹. Нансен протестовал против распространения ложных сведений о России и заявил, что, пока правительства устраивают безрезультатные конференции, нужда России растет.

Швейцарец Мотта выступил против признания договора, заключенного Нансеном с Чичериным, и заметил, что, если бы российское правительство пользовалось доверием всего мира, то помощь была бы оказана. Англичанин Р.Сесиль, наоборот, одобрил договор и потребовал устранения из резолюции, принятой на заседании комиссии помощи голодающим, указания на наличие достаточных средств у русского правительства, поскольку эта фраза имеет политический оттенок.

³⁷ Там же. Л.13–14.

³⁸ Петроградская правда. 1921. 9 сентября // АВПРФ. Ф.56 б. Оп.2. П.6 а. Д.33. Л.22.

³⁹ АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.139. Телеграмма от 10 сентября 1921 года.

Заем для России: за и против

Нансен предложил открыть немедленно международный кредит России, но решение отложили до Брюссельской конференции⁴⁰.

Швейцарскому корреспонденту Морису Мюре, иронизировавшему по поводу плохого расположения духа Нансена ввиду отказа Лиги Наций финансировать помощь России, верховный комиссар заметил, что правительства находят деньги на вооружение солдат, постройку крейсеров, но не для голодающего населения. «Это отвратительно. Прокормление России старым и новым материками – вещь легко достижимая. Знаете ли Вы, что в Аргентине локомотивы отапливаются маисом? Знаете ли Вы, что в Канаде 6 миллионов тонн хлеба гниют в ожидании покупателя и потребителя! А между тем невинное население умирает от голода! Уже поздно начинать продовольственные операции. Но если бы взялись за них вовремя, их можно было бы осуществить. Завтра будет слишком поздно. Все это недоброжелательство производит угнетающее впечатление»⁴¹. Осознавая свою ответственность, Нансен заявил: «Если я не достигну ничего, позор ляжет на меня»⁴².

Разгрузка продовольствия со склада Международного Союза по спасению детей студентами Саратовского Университета. Слева Фритьоф Нансен, позади него Л.Вебстер, глава МССД.

⁴⁰ Там же. Л.152. Телеграмма от 29 сентября 1921 года.

⁴¹ Там же. Ф.56 б. Оп.2. П.57. Д.9. Л.43. Обзор французской прессы от 1 октября 1921 г.

⁴² Там же. Л.43 об.

Брюссельская конференция (6–8 октября 1921 года), в которой участвовали представители Великобритании, Франции, Бельгии, Италии, Германии и ряда других стран, одобрила решение комиссии Нуланса относительно обследования положения в Советской России, а условием предоставления кредитов для борьбы с голодом выдвинула требование о признании внешних долгов царского и Временного правительств и о гарантиях в соблюдении будущих обязательств. «Никакое экономическое решение, зависящее от действий правительств, – говорилось в резолюции конференции, – не будет возможным до тех пор, пока в России не будут установлены нормальные условия экономической жизни»⁴³.

Советское правительство в своем стремлении к экономическому сотрудничеству со всеми державами готово было признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств. Идя на эту уступку, вместе с тем заявляло, «что, по его твердому убеждению, никакой народ не обязан оплачивать стоимость тех цепей, которые он носил в продолжение веков»⁴⁴.

Самые радикальные противники большевиков расценивали снабжение Советов, к чему призывал Нансен, как предложение поддержать бедствия, от которых гибнет Россия. Французская «Эклер» писала 11 сентября 1921 года, что помощь продлит «болезнь и агонию». «Теперешнее положение в России хорошо уже тем, что маршал Троцкий вынужден бездействовать, и это уже ценно», – делала вывод газета. И в заключение добавляла, что если не удастся уничтожить советский режим, то Россия не сможет возродиться⁴⁵. Русская эмиграция, ценя работу Нансена и многое делая для борьбы с голодом, возлагала вину за ужасы, переживаемые Россией, на большевистскую власть. Н.И.Астров подал Г.Адору записку с изложением оснований, «на которых должна была бы организоваться помощь голодающим в России». В докладе Земгору он отметил: «Стихия бедствия, вызванная преступлением и безумием людей, не могла быть побеждена одним милосердием»⁴⁶. Его

⁴³ ДВП. Т.4. С.792. Примечание 77.

⁴⁴ Там же. С.446. Нота правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США от 28 октября 1921 г.

⁴⁵ АВПРФ. Ф.56 б. Оп.2. П.57. Д. 9. Л.40.

⁴⁶ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф.5913. Оп.1. Д.1126. Л.197. Обзорение деятельности представительства Земско-городского комитета в Женеве по докладу Н.И.Астрова 1 июня 1922 г.

гражданская жена и коллега С.В.Панина, укоряла К.Н.Гулькевича, представителя совета бывших российских послов в Лиге Наций, в том, что он защищает Нансена в вопросе о ссуде советскому правительству для голодающих, давая повод усмотреть в его действиях симпатии к большевизму: «...это разбойничье правительство использовало бы деньги только *для себя*. Так же как не останавливается перед вывозом хлеба для поддержания *себя*. Мы боимся, что, подняв и затронув этот вопрос, стоящий вне вопросов беженства, Вы подставили фланг под новые нападения со стороны своры эмигрантских шавок. Защищать Нансена среди эмиграции дело сейчас очень невыгодное и опасное...»⁴⁷.

В мае 1922 года, почти через год после того, как совет Лиги Наций отклонил просьбу о предоставлении займа, Нансен, ссылаясь на изменение конъюнктуры в Лиге, снова вернулся к этому вопросу и предложил советскому правительству следующий план: сначала в комиссии помощи голодающим при Лиге Наций провести постановление о необходимости дать России заем, затем норвежский представитель должен поставить вопрос в совете Лиги Наций, и уже совет, быть может, поручит своей комиссии помощи голодающим договориться с представителем советского правительства о размере и форме кредита. Нансен просил послать представителя РСФСР для этих переговоров, специально заметив, что «эта посылка представителя отнюдь не будет обозначать признания Лиги Наций» (чего так избегали Советы), а лишь достижение договоренностей двух сторон «об определенном конкретном деле». При этом само согласие послать представителя могло бы оказать влияние на решение о займе. Поэтому Нансен просил К.Радека телеграфировать ему в Женеву «о том, что, по мнению Радека, Совпра даст свое согласие. Дать такую телеграмму Радек отказался, сказав, что не может сделать этого, не зная детально положение дел в Генуе»⁴⁸, где проходила международная конференция (10 апреля – 19 мая 1922 года) по экономическим и финансовым вопросам и основным был «русский» вопрос.

Нансен пытался решить вопрос о кредитах не только на международных форумах, но и непосредственно через правительства, общественные организации и даже Папу Римского. Так, посланные им в Аргентину испанские делегаты развернули активную пропаганду в пользу голодающих. В результате местное правительство внесло в парламент предложение о предоставлении России беспроцентного кредита в 5 млн. песо.

---

⁴⁷ Там же. Ф.6094. Д.7. Л.19. С.В.Панина – К.Н.Гулькевичу, 4 июня 1923 г.

⁴⁸ АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.215. Полпред РСФСР в Германии – в НКВД (Л.Карахану, И.Сталину, Л.Каменеву), 17 мая 1922 г.

«БЕЗ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИИ НЕВОЗМОЖНО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ»

Для стимулирования дальнейших займов советскому государству представитель Нансена в России Горвин предлагал обеспечение гарантий художественными ценностями, а для пополнения сборов в пользу голодающих и для восстановления России – выпуск специальных почтовых марок, реализацией которых за границей могло бы заняться само правительство или через организацию Нансена. Была выпущена благотворительная открытка с использованием фотографии, на которой зафиксированы последствия голода: кладбище с горой трупов. На ней надпись: «Голод в России. Край кладбища в разоренной стране. Если бы правительства Европы согласились помочь им на их просьбы в октябре 1921, все эти умершие от голода были бы спасены».

И не только заем...

Далее, разрабатывался специальный план покупки в Швейцарии тракторов для весенней вспашки⁴⁹. Нансен также пытался заключить договоры с другими советскими республиками. Например, грузинская диаспора собрала деньги для Грузии, но передать их по назначению верховный комиссар мог только заключив соответствующее соглашение. Шли переговоры об оказании помощи Армении.

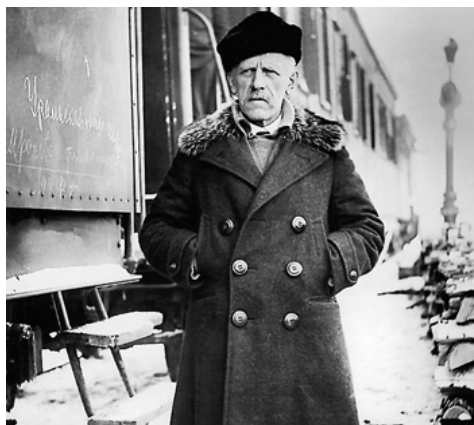
Когда 31 марта 1923 г. АРА прекратила прием посылок, миссия Нансена оставалась единственной международной общественной организацией, доставлявшей продовольственные посылки, оплачиваемые за границей. Нансена смущал избирательный подход к оказанию помощи голодающим. Так, он спрашивал, как отнестись к поступившему ему предложению организовать особую помощь для студенчества в голодающих районах. Сам он считал крайне ненормальным оказание помощи одним категориям населения в ущерб другим⁵⁰.

Это ложь

Реакция в мире на деятельность Нансена была различной, часто высказывались диаметрально противоположные мнения. За рубежом регулярно публиковались сообщения о том, что направленная с Запада помощь не доходит до голодающих. В одном из интервью Нансен обвинял междуна-

⁴⁹ Там же. Л.141–143. Д.Горвин, представитель нансеновского комитета международной помощи голодающим – Л.Карахану, заместителю наркома по иностранным делам, 22 сентября 1922 г.

⁵⁰ АВПРФ. Ф.04. Оп.59. П.419. Д.56875. Л.169.

Ф.Нансен в Поволжье, декабрь 1921 г.

родную прессу в распространении ложных новостей, «чтобы повредить мне в общественном мнении». Он обратил внимание на появившуюся в газетах телеграмму из Вены о первом поезде, прибывшем с продовольствием в Россию и якобы разграбленном красноармейцами, и указал: «Это ложь. Тысяча раз ложь. Еще ни одного поезда с продовольствием не прибыло в Россию. Но для моих противников это неважно, они знают, до какой степени все эти истории причиняют мне вред»⁵¹.

Время собирать камни

В декабре 1922 года Нансен был удостоен Нобелевской премии мира, часть которой пошла на ликвидацию голода в России, часть – на устройство показательных сельскохозяйственных станций на Волге и Украине. Через год началась ликвидация нансеновских организаций в России.

25 июля 1923 г. СНК РСФСР принял постановление об объявлении Нансену благодарности. В нем говорилось: «В то время, когда на громадные области России и союзных республик, истощенных интервенцией и блокадой, обрушилось бедствие неслыханного голода, крупнейшие же правительства Европы проявили полное равнодушие к судьбе миллионов крестьян советских республик, пораженных голодным бедствием, и созданная этими правительствами Лига Наций отвергла оказание голодающим какой-либо помощи, великий ученый д-р Нансен начал широкую самоотверженную кампанию за оказание помощи голодающим в советских республиках и неутомимую борьбу с противниками этой помощи. Созданная д-ром Нансеном организация спасла бесчисленные жизни от неминуемой гибели и смягчила муки голода и нужду населения многих мест, пострадавших от неурожая. Грандиозная помощь, оказанная голо-

⁵¹ Там же. Ф.56 б. Оп.2. П.57. Д.9. Л.43. Обзор французской прессы от 1 октября 1921 года.

«БЕЗ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИИ НЕВОЗМОЖНО ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ»

дающим советским республикам д-ром Нансеном, навсегда останется памятной народам Советской России и союзных республик»⁵². Еще одним жестом признательности Советской России стало постановление Моссовета от 7 февраля 1922 года об избрании Нансена его почетным членом⁵³.

В августе 1930 г. Моссовет ассигновал средства на постановку памятника Нансену на Самотечной площади, и закладка предполагалась в конце месяца⁵⁴. Для памятника предполагалось использовать «глыбы белого уральского камня, который дает впечатление льда». В мастерской помощниками скульптора станут бывшие беспризорные, «другом которых был Нансен»⁵⁵. Однако первоначальный проект скульптора К.Луцкого не отвечал художественным требованиям. 15 октября 1930 г. состоялось заседание секретариата президиума Моссовета, на котором пытались решить вопрос, «будет ли заказан памятник скульптору Луцкому или будет объявлен конкурс с привлечением лучших современных скульпторов, организацией общественного просмотра, обсуждением представленных проектов в прессе, как этого требует дело, имеющее международное значение, и как предлагают профессиональные, художественные, общественные организации Москвы»⁵⁶. Закладку памятника перенесли на 1931 г.⁵⁷, а затем и вовсе на неопределенный срок. Как оказалось, до 2002 года, когда в Большом Левшинском переулке в Москве был открыт памятник великому гуманисту (автор В.Цигаль).

⁵² Известия. 1923. 15 июля.

⁵³ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т.3. Возвращение... 1921–1924 гг. М., 2002. Иллюстрации.

⁵⁴ АВПРФ. Ф.0116. Оп.12. П.113. Д.240. Л.8. Временно исполняющий обязанности III Западного отдела НКВД И.А.Залкинд – полпреду СССР в Норвегии А.М.Коллонтай 22 августа 1930 г.

⁵⁵ Там же. Л.9.

⁵⁶ Там же. Л.11. Письмо ВОКС в президиум Моссовета от 18 октября 1930 г.

⁵⁷ Там же. Л.10. Заведующий III Западным отделом НКВД Рубинин – полпреду СССР в Норвегии А.М.Коллонтай 2 октября 1930 г.

Исаак Розенталь

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ,
ЕВРЕЙСКИЙ
ВОПРОС...**

(20-е – 40-е годы XX века)

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
323.1

The author elicits the diversity of the Russian émigré positions in respect of the Jewish question, considers factors that defined these positions and finds out what place this question occupied in the social and political life of the Russian community abroad. The dynamics of emigrants' opinions and attitudes is tracked in connection with the international climate and changes that were occurring in the USSR. Interactions of the German Nazis and the Russian extreme conservatives are characterized. The analysis is based on results of the recent studies and correspondence and political writings of F.I.Dan, B.I.Nikolaevski, M.V.Vishnyak, N.V.Volski (Valentinov) and other emigrants who touched this range of questions and, in particular, the attitude towards anti-Semitism, to the Bund's fate and to the Zionist idea.

Ключевые слова: евреи в России и в эмиграции; интеллигенция; эмигранты – либералы, черносотенцы, социалисты; антисемитизм и историческая мифология.

Key words: jews in Russia and in emigration; intelligentsia; emigrant – liberals, members of the "Black Hundred", socialists; anti-Semitism and historical mythology.

E-mail: evgeny@rambler.ru

Памяти Юрия Николаевича Амиантова

О степени изученности темы можно сказать в зависимости от угла зрения, что она и значительна, и недостаточна. Несмотря на наличие большого числа конкретно-исторических исследований, место в жизни Русского зарубежья еврейского вопроса, как понимали его эмигранты «первой волны», все же не вполне прояснено. Различия в его истолковании как будто всецело определялись основными идеологическими различиями¹. Но общность судьбы не консолидировала эмигрантов. «Другая Россия» – это новые размежевания, обусловленные, в свою очередь, уровнем осмысления причин поражения антибольшевистских сил, разным видением перспектив возвращения на родину, наконец, неодинаковым восприятием происходивших там уже в их отсутствие событий и процессов.

В какой мере приложима к послеоктябрьским эмигрантам из России формула Талейрана «Ничего не забыли и ничему не научились»? Некоторые новые материалы, приводимые далее, вместе с исследованиями последних десятилетий позволяют уточнить, насколько были прочными сложившиеся ранее представления по «пресловутому» вопросу и если они изменялись, то под влиянием каких факторов и в каком направлении, в частности в период Второй мировой войны.

Учитывается при этом, что позиции эмигрантов могли находить более или менее определенное выражение, в диапазоне от нарочитого акцентирования до умолчаний. А также тот факт, что в эмиграции оказалась по преимуществу не интеллигенция и тем более не «цвет интеллигенции», согласно стереотипному представлению. В последнее время интенсивно изучалась с привлечением новых архивных документов операция по изгнанию в 1922 г. из советской России видных деятелей культуры («философский пароход»); в глазах вдохновителей этой акции они были потенциальной оппозицией режиму. Но эта превентивная высылка – «очень странная мера», по словам одного из изгнанных, философа Н.А.Бердяева,² – увеличила число эмигрантов незначительно.

---

¹ См.: Медушевский А.Н. *Идеологии как явление мировой истории // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.*

² Бердяев Н. *Самопознание. М., 1990. С.225. Все высылки 1922 г. явились реализацией общей программы. Дзержинский после беседы с Лениным 4 сентября записал его указание: «Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу» (цит. по: Макаров В.Г. *Историко-философский**

**СУДЬБА БУНДА – ВЗГЛЯД
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ
И РОССИЙСКАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Особую корпорацию в центрах русской диаспоры, прежде всего в Берлине, составили социал-демократы, многие из которых сохраняли до начала 30-х гг. советские паспорта.

Среди высланных в 1922 г. (еще в январе, то есть раньше осенней депортации) был лидер меньшевиков Федор Дан. В Берлине в том же году он издал книгу «Два года скитаний»; недавно она переиздана в России³. В целом ее содержание находится за пределами рассматриваемой темы, но среди злободневных тогда сюжетов, затронутых Даном на основе впечатлений от посещения в сентябре 1920 г. Минска, – попытка объяснить то, что произошло незадолго до этого с Бундом.

Меньшевикам этот сюжет был небезразличен и потому, что Бунд входил как автономная часть в РСДРП, и потому, что среди социал-демократически настроенных рабочих Белоруссии влияние Бунда преобладало. В марте–апреле 1920 г. в Москве состоялась XII конференция Бунда – организации с 23-летней историей, объединявшей когда-то (до 1905 г.) втрое больше членов, чем все другие организации в составе РСДРП. Конференция стала предпоследней в истории Бунда: принятыми на ней решениями Бунд сделал решающий шаг к своей самоликвидации.

Случай, пожалуй, единственный; до этого, с октября 1917 г., когда захватившие власть большевики объявили кадетов партией «врагов народа», деятельность других политических партий прекращалась или сводилась на нет путем репрессий⁴. Сам Бунд не называл себя партией, в резолюции XII конференции снова подчеркивалось, что «организация еврейского проле-

---

анализ внутривнутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из советской России. М., 2010. С.139).

³ Дан Ф.И. *Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921. М., 2006. Открывающее книгу предисловие обнаруживает по меньшей мере невежество безымянных издателей, утверждающих, будто, в отличие от Дана, большинство эмигрантов-меньшевиков выступало «за военное поражение "диктатуры Сталина" и, несмотря ни на что», желало «победы немецкому оружию» (С.10). Ср.: Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922–1951 гг. Ч.2, М., 2010. С.81–82., 89–90, 95–96 и др.*

⁴ См. Павлов Д.Б. *Большевистская диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середины 1950-х годов. М., 1999. См. также: Репрессированная интеллигенция 1917–1934 гг. М., 2010; Черников В. Дело сионистов (Апрель – июнь 1920 г.) / Публ. У.Миллера // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.159–201 и др.*

тариата должна составлять часть интернациональной партии российского пролетариата». Но одновременно конференция объявила, что Бунд выходит из меньшевистской РСДРП, отказывается от оппозиции большевистскому режиму и намерен вступить в РКП(б), поскольку «программой Бунда является программа РКП»⁵. Тем самым Бунд отказывался и от того, что было его бесспорной исторической заслугой, – приоритета в выдвижении в России идеи еврейского автономизма и участия в развитии светской еврейской (идишистской) культуры⁶.

Между тем еще совсем недавно, в 1919 г., ЦК Бунда заявлял, что он не является коммунистическим: не стремится к свержению утвердившейся власти, но не разделяет многих методов проведения советской политики, не отказывается и не откажется от права критиковать власть, если она делает ошибки⁷. Теперь Бунд впервые безоговорочно одобрил политику большевиков. Противники этого решения во главе с Р.А.Абрамовичем, оставшиеся в меньшинстве, покинули конференцию. Собравшись в Витебске, они оформили Социал-демократический Бунд как самостоятельную организацию.

Все это не было такой уж неожиданностью. В ходе гражданской войны, особенно ближе к ее завершению, после перелома на Восточном и Южном фронтах, дело шло именно к такому финалу. На Украине Бунд раскололся весной 1919 года. Ю.О.Мартов, возглавлявший меньшевистское руководство, в январе 1920 г., до своего отъезда за границу, сообщал в письме П.Б.Аксельроду, что «оппозиция слева... почти целиком овладела Бундом», он «на 9/10... усвоил коммунистическую идеологию», а председатель ЦК Бунда, избранный на этот пост после Февральской революции, Рахмиэль (А.И.Вайнштейн) «во всем по существу большевик»⁸.

Перевес прокоммунистического течения внутри Бунда, решивший его судьбу на территории советской России, Дан объяснил сдвигом в настроениях массы еврейских рабочих-ремесленников, для которых «розы большевизма пока бросались в глаза сильнее, чем шипы его... в этой массе

⁵ Бунд. *Документы и материалы. 1894–1921. М., 2010. С.1160. Сборник был подготовлен под руководством выдающегося архивиста Ю.Н.Амиантова, совместно с автором данной статьи.*

⁶ См.: Френкель Дж. *Пророчество и политика: социализм, национализм и русское еврейство. 1862–1917. М., 2008 (английский оригинал: Кембридж, 1981).*

⁷ Бунд. *Документы и материалы... С.1143.*

⁸ *Меньшевики в 1919–1920 гг. М., 2000. С.336.*

коммунизм пользовался еще широкими симпатиями...при расколе Бунда огромное большинство организованных рабочих пошли за его коммунистической частью». Отметил он и травлю нового Бунда в большевистской печати – за пожелания сохранить Бунду автономный статус в составе РКП(б)⁹. Из этих пожеланий ничего не вышло. В марте 1921 г. последняя XIII конференция Бунда приняла продиктованные комиссией Коминтерна условия приема членов Бунда в РКП(б) на индивидуальной основе¹⁰.

Конкретно о «розах большевизма», бросавшихся в глаза массам больше, чем «шипы», Дан написал так: «Большевизм освобождал раба домашней промышленности и ремесла, превращая его в рабочего, работающего непосредственно на казну. Он освобождал его также от национальной приниженности и непосредственно поднимал его социальное положение, открывая бойким, интеллигентным, имеющим за собою вековую городскую культуру еврейским рабочим доступ ко всевозможным административным должностям»¹¹.

Следует напомнить, а тогда это помнили хорошо, что «обновление» самодержавия после 1905 г. почти не коснулось законодательных ограничений для евреев. Николай II отклонил, сославшись на свой «внутренний голос», предложения, подготовленные правительством Столыпина (но и эти нереализованные предложения не предусматривали отмены черты оседлости и процентной нормы)¹². После Февральской революции Временное правительство отменило все существовавшие ограничения евреев в гражданских правах без каких-либо изъятий. Но большевики, придя к власти, «пошли дальше». «Красногвардейская атака на капитал» и полное уничтожение частной собственности и торговли – провозглашенная ближайшая цель политики РКП(б) – означали уничтожение векового уклада жизни большей части еврейского населения, занятого, главным образом, в мелкой торговле и ремесле.

Надежды, которые питала теперь еврейская «масса» (за исключением тех, кто эмигрировал), Дан указал верно. Правда, о других слоях

---

⁹ Дан Ф.И. Указ. соч. С.61, 62–63.

¹⁰ Бунд. Документы и материалы... С.16–17, 1163–1180.

¹¹ Дан Ф.И. Указ. соч. С.62.

¹² См.: Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX – начало XX вв. (К постановке проблемы) // Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? Сб. статей. СПб., 2002. С.68, 74; 84–85; Желтова В.П. Правовое положение евреев в Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С.92–94.

населения, о партийной и беспартийной интеллигенции он не писал, судьба этих социальных групп его не занимала, и тем более судьба еврейской буржуазии. Не прогнозировал он и участие евреев России в развитии культуры, еврейской и русской, помимо перспективы превращения «бойких» евреев в чиновников разных ведомств. Все это можно понять. Идеинный меньшевизм сохранял все родовые марксистские черты, в том числе классовый подход, веру в мессианское предназначение пролетариата и в «подлинную» революцию. С такой «колокольни» и смотрел на проблему Дан. В этом пункте лидер меньшевиков не расходился с большевизмом того времени, его идеологией и пропагандой.

Точно так же в начале 1900-х гг., в период становления РСДРП, и будущие большевики, и будущие меньшевики, повторяя вслед за Марксом и Каутским, что евреи не являются нацией, игнорировали российскую действительность, когда приписывали Бунду стремление «совершенно искусственно втиснуть еврейское рабочее движение в русло национализма» и объявляли приоритетной для социал-демократов борьбу с сионизмом, а не с «диким антисемитизмом», который как раз тогда поднял голову после двадцатилетней паузы (Кишиневский погром 1903 г.)¹³. Среди противников сионизма в то время были лидеры и идеологи российских радикальных партий, как социал-демократы, так и неонародники¹⁴. Впоследствии публикации на эту тему «Искры» стали источником вдохновения советских историков – авторов «разоблачавших» Бунд сочинений (правда, цитируя Ленина, они забывали Мартова, который писал то же, что Ленин). Впрочем, недооценка национального фактора была характерна и для либералов, например, для кадетского лидера Милюкова.

Поэтому только на первый взгляд может показаться странным, почему в книге Дана ничего не было сказано о еврейских погромах, которые стали неотъемлемой частью гражданской войны. Их беспрецедентные масштабы, чудовищные зверства, невиданные с времен средневековья, новое «качество» погромов этого времени – впервые в XX веке происходило истребление народа, убийства евреев за то, что они евреи, причем не толпами обывателей, как в погромах периода первой русской революции, а воинскими формированиями всех участников гражданской войны – Директории и ее союзников, всякими бандами, армиями

¹³ См.: Бунд. Документы и материалы... С.1213, 1220 и др.

¹⁴ См.: Локишин А.Е. Отношение в России к сионизму в начальный период его деятельности (1897–1904) // Вопросы истории. 2010. № 8. С.70–72.

белых, но и красных тоже, прежде всего Первой конной армией Буденного¹⁵, и т.д. – все это дает основание современным историкам считать эти погромы предвестием Холокоста (естественно, после Холокоста они оказались в его тени, ввиду куда более совершенной и «результативной» организации массовых убийств)¹⁶.

Дело не в неосведомленности; Дан, как и другие меньшевики, знал о том, что происходило с еврейским населением, прежде всего на Украине, даже если не успел прочитать первые развернутые публикации, появившиеся в 1922–1923 гг. (с мая 1919 г. сведения о погромах и погибших стали систематически собираться на местах; в Берлин собранные свидетельства, составившие Архив восточно-европейского еврейства, привезли в 1920 г. Даже в далеком Харбине появилась «Багровая книга: Погромы 1919 – 20 гг. на Украине» С.Гусева-Оренбургского, написанная по его личным впечатлениям). Лишь одно фактическое наблюдение в книге Дана косвенно связано с темой антисемитизма после Октябрьской революции. В Смоленске, сообщал он, стены помещения, где находились курсы красных командиров, были испещрены монархическими и антисемитскими надписями, из чего, по его мнению, следовало, что красноармейское офицерство «недалеко ушло от офицерства добрых старых времен»¹⁷.

Не мог Дан не знать и о том, что погромы были предсказаны старым Бундом: в мае 1918 г. конференция Бунда констатировала, что вызванная октябрьским переворотом обстановка гражданской войны и общественной анархии создала особо благоприятную почву для роста антисемитизма и погромных настроений, перерастающих в погромы¹⁸. Сдвиг в настроениях еврейского населения, в том числе рабочих, имевший, в частности, результатом раскол Бунда, был, конечно же, вызван только что пережитым

¹⁵ Генис В.Л. *Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории.* 1994. №12; Бабель И. *Собр. соч. Т.1. М., 2002; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006. С.479–493.*

¹⁶ См.: Будницкий О.В. *Российские евреи между красными и белыми... С.341–343, 498 и др. Только на Украине были убиты и умерли от ран в ходе по меньшей мере полутора тысяч погромов в 1300 населенных пунктах, по разным оценкам, от 50–60 до 200 тыс. евреев, около 200 тыс. ранены и искалечены, десятки тысяч женщин изнасилованы, около 50 тыс. стали вдовами, около 300 тыс. детей остались сиротами и т.д. (Там же. С.275–276, 494 и др.)*

¹⁷ Дан Ф.И. *Указ. соч. С.72.*

¹⁸ Бунд. *Документы и материалы... С.1124.*

страшным опытом. Для большинства евреев именно этот опыт был в тот момент главным. Поставленное перед выбором между большим и меньшим злом, это большинство предпочло ту силу, которая в гражданской войне взяла верх и, официально отвергая антисемитизм, давала надежду избежать истребления. Никаких ностальгических чувств по поводу ушедшей в небытие монархии и никаких симпатий к тем, кто мечтал к ней вернуться, еврейское население не испытывало.

Не упомянув погромы, не отметив решающее значение этого опыта, социал-демократ Дан фактически пошел по стопам бундовцев, перешедших на сторону коммунистов. На последних конференциях Бунда тема погромов вообще ими не затрагивалась – ни в оценках, ни в обосновании решения присоединиться к РКП(б).

Не рассматривая здесь все, что приводило к погромам, нельзя не согласиться с тем, что многие из объяснений тогда и позже представляли собой «рационализацию» иррационального¹⁹ – рационализацию в кавычках, так как логика в таких псевдообъяснениях отсутствовала, ее подменяла идея коллективной вины народа (например, объяснение погромов мстью за участие евреев в большевизме, но подавляющее большинство жертв погромов было далеко от всякой политики; и за что в таком случае «мстили» красные?; или «неправильное», с точки зрения украинских националистов, голосование еврейских партий в Раде по вопросу о независимости Украины, но почему гибли те, кто в выборах не участвовал? и т.д.).

ЭМИГРАНТСКОЕ «БОЛОТО»

Некоторое представление о том, как выглядело отношение к еврейскому вопросу непосредственно в Русском зарубежье, дают, наряду с другими источниками (прежде всего публицистикой²⁰), письма эмигрантов, в том числе два документа, о которых далее идет речь подробно. Это используемые в извлечениях письма «русских парижан» – одного из редакторов самого авторитетного до Второй мировой войны эмигрантского журнала «Современные записки» Марка Вишняка и независимого журналиста Николая Вольского (Н.Валентинова), который, между прочим, в конце своей жизни пред-

¹⁹ Будницкий О.В. *Российские евреи между красными и белыми...* С.275.

²⁰ См.: Он же. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920–1930-х годов // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1994. № 3(7).

сказывал «огромнейшую ценность» «эпистолярной литературы» эмигрантов для будущих историков.

Для понимания заключающейся в названных письмах информации не обойтись без характеристики как их авторов, так и контекста их появления. Письма во многом несхожи, различаются объемом, написаны в разное время – первое в 1927 г., второе в 1938 г. Но их объединяет одна тема, а кроме того, оба обращены к Е.Д.Кусковой, высланной в июне 1922 г. из советской России вместе с мужем экономистом С.Н.Прокоповичем по делу «Помгола»²¹. Вскоре после этого они обосновались в Праге. Уезжая в 1939 г. в Женеву, они оставили свою корреспонденцию в Русском заграничном историческом архиве, перевезенном после Второй мировой войны в Москву.

Сопоставление писем снова обнаруживает, насколько пестрой была послеоктябрьская эмиграция, вопреки советской пропаганде и общей этикетке «белоэмигранты». Раздроблена была и еврейская часть эмиграции – не только между левыми и левоцентристскими общероссийскими партиями и группировками внутри этих партий (кадетов, меньшевиков, эсеров, энэсов и др.), но и между национальными партиями. Столкновения между бундовцами и сионистами, до революции постоянно проходившие не только в России, но и в предреволюционной политической эмиграции (что являлось «основным нервом истории Бунда», по выражению одного из лидеров и первого коммунистического историка Бунда М.Г.Рафеса)²², возобновились в центрах послеоктябрьской эмиграции²³.

---

²¹ *Кремль и Помгол: «...надо "очистить" Москву от "Кукишей"...»* / Публ. В.Г.Макарова и В.С.Христофорова // *Репрессированная интеллигенция 1917–1934 гг.* М., 2010. С.144–171. Помгол – Всероссийский комитет помощи голодающим, общественная организация из 12 представителей власти и 61 общественно-деятеля, разрешенная в июле 1921 г. и распущенная в августе. «Кукиши» – употребленное в письме В.И.Ленина (возможно, заимствованное из газет) издевательское обозначение активистов Помгола – по сокращенным фамилиям Е.Д.Кусковой и Н.М.Кишкина.

²² Наблюдала, например, такие столкновения до революции в Женеве М.Г.Вейцман, сестра будущего первого президента Израиля Х.Вейцмана; об этом она рассказала, будучи арестованной и допрошенной в 1953 г. См.: *Сестра ответила за брата. «Дело» Марии Вейцман 1953 года* / Публ. Г.В.Костырченко // *Архив еврейской истории. Т.1.* М., 2004. С.406.

²³ *Weill C. Les socialistes juifs russes a Paris* // *Евреи России – иммигранты Франции.* М.; Париж; Иерусалим, 2000; *Weil K. Бунд в Париже, 1898–1940* // *Русские евреи во Франции. Кн.2. Иерусалим, 2002.*

Имелись в эмигрантском еврействе и нетипичные фигуры, вроде А.В.Руманова или Я.А.Бромберга. Первый, известный до революции журналист, правая рука И.Д.Сытина, в 1919 г. возглавил группу монархистов в составе пассажиров парохода, увозившего их из Одессы в Константинополь; в эмиграции он выполнял обязанности статс-секретаря великого князя Александра Михайловича, а после освобождения Франции от нацистов был секретарем редакции газеты «Русский патриот» («Советский патриот») ²⁴. Второй получил известность в эмиграции как «ученый еврей евразийцев». Вслед за Л.П.Карсавиным он развивал идею «периферийного еврейства» («евреев-западников»), которая близко соприкасалась с черносотенством ²⁵. Некоторые евреи оставались, оказавшись в эмиграции, сторонниками Белого движения – Д.С.Пасманик и другие.

Царившую в эмигрантской среде агрессивную «партийность» отмечали в числе прочих современников и новые эмигранты, высланные в 1922 г. ²⁶, и советские «спецы» (не коммунисты), имевшие в 20-е гг. еще возможность отправляться в заграничные, нередко продолжительные, деловые командировки или получать разрешение на выезд для лечения. Случалось, что впечатления от эмигрантского раздора отвращали их от первоначального намерения остаться за границей. Как отказался, например, остаться некий профессор, о котором сообщал видный кадетский деятель князь Павел Долгоруков, проникший в 1926 г. нелегально в СССР. По словам Долгорукова, этот профессор после года пребывания в Берлине «предпочел вернуться, т.к. в ужасе от эмиграции, от ее партийности. От неумения и нежелания понять того, что происходит в России» ²⁷.

Не было и не могло быть единства позиций и по еврейскому вопросу, естественно, неприоритетному для большинства эмигрантов, но так или иначе связанному с тем, как они видели прошлое, настоящее и перспективы возвращения. Известны выступления видных деятелей эмиграции (В.Л.Бурцева, С.Г.Сватикова, П.Н.Милюкова и других) с разо-

²⁴ Яковлева Е. Аркадий Руманов – забытое имя // Русские евреи во Франции. Кн.1. Иерусалим, 2001. С.162–171; Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1991. С.266 (со слов А.Н.Толстого, пассажира этого парохода).

²⁵ «Я уверовал в Россию». Письма Я.А.Бромберга А.З.Штейнбергу / Публ. В.Хазана // Архив еврейской истории. Т.1. М., 2004. С.320–376; Петренко Е.Л. Бромберг // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С.215–216.

²⁶ См., напр.: Бердяев Н. Указ. соч. С.230.

²⁷ Канищева Н.И., Шелохаев В.В. Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927) // Репрессированная интеллигенция... С.249. «Понять того» – так в тексте.

блачением библии антисемитизма – «Протоколов сионских мудрецов», сначала в прессе и затем, в 1934–1935 гг., в качестве свидетелей на процессах в Берне, юридически установивших подложность этого сочинения. Было бы, однако, неверно думать, что их позиции зеркально отражали умонастроения эмигрантской массы.

Вишняк описал, обратившись к Кусковой, преимущественно парижскую либеральную и окололиберальную среду, в его изображении это своего рода «болото» с малозначащими оттенками. «За последние годы приходится очень тяжело переживать так называемый еврейский вопрос. Откровенных погромщиков, конечно, мало в природе. Даже В.Шульгин почти обижается и считает злостной неправдой, когда о нем говорят как о погромщике. Но тихий, приглушенный почти-погром и всегда антисемитизм я слышу повсюду. Даже там, где нет антисемитизма, есть нежелание говорить о погромах, защищать евреев, бороться с антисемитизмом. Еврейский вопрос становится каким-то "неприятным", касаться которого не любят, не хотят и считают бестактным самые тактичные и культурные благовоспитанные люди из самых передовых кругов». Такая атмосфера «становится почти нестерпимой, почти всеохватывающей... Убивает нечувствительность и глухота неевреев к специфически-еврейской, исторически русско-еврейской и общечеловеческой беде»²⁸.

**НАЦИЗМ И ЧЕРНОСОТЕНСТВО:
ДВЕ ИДЕОЛОГИИ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

Эмоционально, но точно обрисовав ситуацию, Вишняк не пытался представить в одном письме весь спектр взглядов и мифов, распространенных тогда в эмиграции. С «зубрами»

– деятелями черносотенного толка, «откровенными погромщиками» – ему и так все ясно, но он сильно заблуждался или успокаивал себя и Кускову, когда писал, что их было мало. Напротив, они были очень заметны, и не только собственной печатной продукцией и многочисленными переводами, начиная с 1919 г., «Протоколов сионских мудрецов», по-видимому, доставленных в Германию Ф.В.Винбергом и использованных затем в немецком переводе Гитлером при написании «Майн кампф». Падение монархии и последующие события укрепили в их сознании конспирологический синдром с юдофобским акцентом. В 1922 г. члены конспиративной монархической организации громко зая-

---

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5865. Он.1. Д.105. Л.53.

вили о себе террористическим актом в Берлине – покушением на П.Н.Милюкова, приехавшего из Парижа читать лекцию в помощь голодающим Поволжья. Милюков не пострадал, но погиб другой кадетский деятель и оппонент Милюкова В.Д.Набоков (отец писателя), после чего один из террористов заявил, что безразлично, кто именно убит, главное, что убит.

Всеми своими акциями правомонархическая часть эмиграции демонстрировала неизменность сущностного ядра привезенной из России идеологии, теперь дополненной отождествлением большевизма и еврейства. В этом духе интерпретировалась кампания по борьбе с антисемитизмом, которую проводил Агитпроп ЦК ВКП(б) в конце 20-х – начале 30-х гг. в печати и даже в форме публичного диспута в Большом зале Московской консерватории в 1926 г.²⁹

С активностью правых не могли не соотносить свою тактику противостоявшие им эмигрантские группировки. Свою дискуссию об антисемитизме в СССР провели в 1928 г. в Париже еврей-либералы. Но в 1926–1927 гг. меньшевик И.Г.Церетели убедил, хотя и не сразу, другого меньшевика Б.И.Николаевского отложить публикацию подготовленной им статьи о тогда еще малоизученном предреволюционном масонстве в России – «по существу скромном эпизоде русского общественно-го движения», как верно оценивал уже тогда этот феномен Николаевский. «...Публиковать ее сейчас не время, – писал Церетели. – Знаете ведь, какая кампания ведется Марковым и другими зубрами. В этих условиях напечатать первое категорическое признание существования масонских лож значит дать им возможность использовать по-своему это признание». Нельзя, писал Церетели, подходить к этому вопросу с позиций только научных, Николаевского «увлекает страсть историка».

Но оба ошибались, полагая, что в иной обстановке публикация статьи сможет поколебать мифологию «жидомасонского заговора», отстаиваемую «зубрами», и тем самым уменьшить число ее поклонников³⁰. Самих «зубров» факты не интересовали. Генерал П.Н.Краснов, например, в переписке со своим единомышленником прямо признавал-

²⁹ См.: Диспут об антисемитизме (Москва, декабрь 1926 г.) / Публ. Л.С.Гатаговой // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.202–246.

³⁰ Из архива Б.И.Николаевского. Переписка с И.Г.Церетели 1923–1958 гг. Вып.1. М., 2010. С.154–155, 158, 159–160, 163, 165–166, 170. Статья, которую читал в рукописи Церетели, и другие материалы, собранные Николаевским, были опубликованы значительно позже Ю.Г.Фельштинским. См.: Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990.

ся, что «Сионские протоколы» – это апокриф и он не верит в их подлинность, но не верит и в то, что о них пишут исследователи их происхождения³¹.

Павел Долгоруков не склонен был к примирению с большевистским режимом, но, рассказывая в упомянутом выше письме 1926 г. о контактах с идейно близкими людьми в СССР, он подчеркивал, что встретил крайне отрицательное отношение к эмигрантам-монархистам. Их деятельность, писал он, отчуждает эмиграцию от «здешних антибольшевистских сил». Собеседники Долгорукова называли стремление к реставрации в России дофевральских порядков «монархическими игрушками», и с этим Долгоруков соглашался³². До начала 30-х гг. монархисты, включая крайне правых, были распределены по всем центрам эмиграции. Поэт Владислав Ходасевич в 1924 г. «с ужасом» думал, что безденежье погонит его «в русский Париж, который все безнадежнее погрязает в чистейшем черносотенстве» (из письма М.О.Гершензону)³³.

Вероятно, ни Долгоруков, ни Вишняк, ни Николаевский и Церетели, ни Ходасевич не знали или не придавали значения тому, что в 20-е гг. у русских черносотенцев учились Гитлер и его приверженцы, вплоть до прямого заимствования черносотенных идеологием, в первую очередь антисемитских. Учителя и ученики базировались в веймарский период в Мюнхене. Больше того, черносотенцы и нацисты практически взаимодействовали, например, глава «правительства» претендента на русский престол великого князя Кирилла Владимировича генерал В.В.Бискупский, участник капповского путча, близкий в это время Гитлеру, или Б.Л.Бразоль, хваставший тем, что его книги «причинили евреям больше вреда, чем 10 погромов», и связавший с Гитлером Генри Форда, финансировавшего нацистов. В основе взаимодействия лежала идеологическая близость вместе с возрождением традиционных симпатий русских правомонархических кругов к Германии, от которых они вынужденно отказались в 1914 г. (один из известнейших правых лидеров Н.Е.Марков, переориентировавшись, заявил тогда, что война идет с «иудо-германством»)³⁴.

---

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп.1. Д.31. Л.171.

³² Канищева Н.И., Шелохаев В.В. Указ. соч. С.249–250.

³³ Ходасевич Вл. Собр. соч. В 4 т. М., 1997. Т.4. С.480–481.

³⁴ Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей. М., 2010. С.15–40.

Стремление историков более объективно, чем раньше, взглянуть на русский консерватизм сопровождалось в начальный период оживления интереса к этой теме указанием на неправомерность наименования лидеров черносотенства «русскими фашистами», а также утверждений, как это случалось в советской литературе 20-х гг., что «русский фашизм» старше европейского³⁵ Действительно, ярлык фашиста, наравне с другими, мог тогда использоваться и безо всяких оснований. Общеизвестный пример – наименование германских социал-демократов «социал-фашистами», согласно директиве Коминтерна (то есть Сталина), обязательной для компартий, что способствовало приходу нацистов к власти. Но в данном случае основания усматривать сходство, пусть не тождество, имелись. Пытаясь выправить перекося, исследователи консерватизма не считались с тем, что сами черносотенцы в эмиграции подчеркивали и обосновывали свое родство с фашизмом, в котором находили как черты сходства с большевизмом, так и отличия. Не только в Германии возникли организации русских фашистов именно с таким самоназванием. И В.В.Шульгин, позицию которого в ряду антисемитов выделял Вишняк, в 20-е гг. предпочитал фашизм на Западе большевизму – «еврейскому фашизму»³⁶.

В литературе последних лет, в частности в работах Р.Ш.Ганелина, проводится сравнительный анализ двух идеологий с учетом их модификаций в современной России (включая сочинения, авторы которых, прославляя и сближая Сталина и Гитлера, сожалеют, что оба вождя не заключили вечный союз – по вине, разумеется, евреев и масонов Литвинова, Рузвельта и других). Среди привлеченных Ганелиным источников – письма Н.Е.Маркова, в которых утверждалось, что до революции «русское народное движение» «по своему духу... было почти подобно современному национал-социализму». Ленин, писал Марков, был утопистом, тогда как Гитлер – реалист, «идеал Ленина был безумен, а идеал Хитлера вполне осуществим».

«Только слепому не видно, – писал Марков вскоре после прихода нацистов к власти, – что человечество все более подпадает "черносотенным" (по старому выражению) настроениям. Идеи Союза русского народа и «Сионских протоколов» побеждают повсеместно... Теперь это зовется иначе: где фашизмом, где расизмом, но дело не в названии, а в сути...». «Я чувствую громадное удовлетворение тем, что наконец-то

³⁵ См., напр.: Кирьянов Ю.И. *Правые партии в России. 1911–1917 гг.* М., 2001. С.38–39.

³⁶ *Современные записки.* 1927. №21. С.483.

поставлено в государственном масштабе разрешение еврейского вопроса, притом правильно поставлено, так именно, как мы столько лет пропагандировали, начиная с 1903 года». И в 1934 г.: «По-видимому, в самом воздухе носятся микробы фашизма, и вот один народ за другим отбрасывают свои "великие демократии" и преклоняются перед "великими вождями"»³⁷.

Принимая расистские, вождистские, антилиберальные и антикоммунистические компоненты фашистской идеологии, Марков и его сторонники считали, однако, что Россию не способны спасти не только демократизм, капитализм, социализм, но и, по его выражению, новый «изм». Фашизм, по его убеждению, это переходный этап к восстановлению монархии, к «воскрешению искренней, почти младенческой веры в Бога и царя, помазанника Божия», «за вождями несомненно придут монархи», православная монархия придет на смену и «сверхдержаве Джугашвили»³⁸. Нацистов, особенно после того, как они пришли к власти в Германии, такой прогноз не устраивал. Для своих пропагандистских надобностей они отбирали русских эмигрантов, согласных молчать о реставрации монархии и православии, вообще о христианстве. С этой точки зрения непригодны и неуютны были религиозные философы типа И.А.Ильина, зато подошел известный еще до революции журналист И.И.Кольшко, который писал в 1934–1935 гг. на страницах прогитлеровской русской газеты «Новое слово», что национал-социализм представляет собой своего рода религиозную миссию, направленную против безбожного господства над миром евреев, и такую миссию возможно осуществить и в России³⁹.

На дифференцированное отношение гитлеровцев к русским правым обратил тогда внимание Б.И.Николаевский, хотя в деталях он мог ошибаться. 11 июня 1938 г. он писал Е.Д.Кусковой, что с интересом прочитал ее статью о «так называемой правой эмиграции», но, по-видимому, она не знает, что в Берлине, кажется, окончательно решили издавать с осени большую ежедневную газету на русском языке на деньги гитлеровского Министерства пропаганды (плюс пожертвования эмигрантов,

---

³⁷ Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной... С.44–45.

³⁸ Он же. Н.Е.Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: история и культура. СПб., 1998. С.214–217. См. также: Богоявленский Д.Д., Иванов А.А. Марков // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С.283–286.

³⁹ Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной... С.41–42.

собранные в странах-лимитрофах). По сведениям Николаевского, во главе газеты поставлены Солоневич, генерал Туркул и Новиков, а всеми делами фактически ведает Таборицкий – убийца Набокова (приговоренный к 14 годам каторги, он срок этот не отбыл). Возможно, имелись планы, о которых сообщил Николаевский, но на деле продолжала выходить до 1944 г. газета «Новое слово». В то же время Николаевский не ошибался в том, что изменения в семье претендента на русский престол Кирилла Владимировича – брак его дочери – нацисты сочли «крайне неприятным фактом», свидетельствующим о неизменности популистской цели восстановить в России монархию. Этим Николаевский объяснял отставку «кирилловца» Бискупского, который с 1936 г. возглавлял гитлеровское ведомство по делам русской эмиграции, и «репрессии против всех монархистов»⁴⁰.

Несмотря на неполное идеологическое совпадение нацизма и черносотенства, в период Второй мировой войны часть русских эмигрантов составила опору нацистского режима на оккупированных в Европе территориях. Кроме того, известно об эмигрантах – агентах гитлеровских секретных служб. По авторитетному свидетельству руководителя нацистской внешней разведки Шелленберга, таких агентов «было достаточно». Он добавлял, что советские разведывательные органы также «использовали многих» русских эмигрантов⁴¹. Последних, конечно, находили не среди монархистов.

Состав прислужников нацистов охарактеризован в дневнике Н.Н.Берберовой, включенном в ее воспоминания. Берберову вызвали в ноябре 1942 г. в русский отдел гестапо в Париже после того, как там было получено на нее «дюжины две доносов», и стали допрашивать, масонка ли она, или еврейка. Тех, кто это выяснял, – назначенных оккупантами чиновников из русских эмигрантов – она описывала так: «Быстро оглядываю всех сидящих – ни одного знакомого лица, но я сразу чувствую, кто эти люди: у меня на русских в Париже глаз наметан. Это – крайне правые, старые, забытые люди, настоящее эмигрантское "забытое поколение" – хамы из бывших чиновников "двора его императорского величества", министерства внутренних дел, тайные члены Союза русского народа, спасшиеся от расстрелов губернаторы, аппаратчики

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.354. Л.24.

⁴¹ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С.144.

политотделов "дикой дивизии" и отрядов Мамонтова и других банд. Настал, значит, теперь их день, не наш день. На их улице – праздник»⁴².

Исследователи жизни русской эмиграции видят в распространении среди эмигрантов доносительства «особую извращенную» форму адаптации к нацистскому режиму⁴³. Очевидно, что, будучи антисемитами, доносчики не испытывали при этом морального дискомфорта. Необходимо лишь уточнить: в предвоенный период таких эмигрантов, возможно, и воспринимали как «забытое поколение» в Париже, но не в Берлине, где после 1933 г. остались в основном только те, у кого находили отклик призывы поддержать «великие идеи А.Гитлера, которые одни только могут принести русскому народу освобождение от иудейского ига». Самые видные сторонники нацистов были в 1938 г. высланы из Франции правительством Народного фронта⁴⁴.

Находились и молодые эмигранты-коллорабационисты с иным жизненным опытом, чем у тех, кого описала Берберова. Видимо, не единственным был Ю.С.Жеребков, которому в 1917 г. было 9 лет. Как видно из опубликованного З.С.Бочаровой документа, обращаясь 25 июля 1941 г. по поручению нацистов к русским эмигрантам, Жеребков предлагал им «не суетиться и не шуметь», когда Германия борется «с величайшим злом – Иудео-Марксизмом», и принять как должное то, что один только Фюрер знает, «что будет с Россией, какие формы правления ей понадобятся». Германскую армию Жеребков ставил выше Белой, так как она несет «новые идеалы, новое учение». По более ранней оценке генерала П.А.Кусонского (июнь 1940 г.), «явными германофилами, иногда даже страстными», было «огромное большинство русских»⁴⁵.

Уточняющие подсчеты, конечно, невозможны, но очевидно, что у немалого числа эмигрантов поступление на службу нацистам было продиктовано солидарностью с нацистской идеологией полностью или частично, а не только тактическими соображениями или неосведомленностью насчет планов Гитлера в отношении России (эти планы секретом

---

⁴² Берберова Н. *Курсив мой. Автобиография*. М., 1996. С.486–487.

⁴³ Ипполитов С.С. *Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс*. М., 2004. С.330–331.

⁴⁴ Симонова Т. *Российская военная эмиграция и фашизм: политика и геополитика // Россия XXI. 2010. №1. С.75, 77.*

⁴⁵ См.: Бочарова З. «Прежняя анархия кончилась...»: русская прогерманская эмиграция после нападения Гитлера на СССР // Там же. 2011. №3. С.186–187, 191–199, 182–183.

не являлись, хотя в 30-е гг. в нацистской пропаганде антиславянский компонент «расовой теории» приглушался).

«ОПЯТЬ О ПОГРОМАХ! КОГДА БОЛЬШЕВИКИ!»

Если, сопоставляя содержание письма Вишняка с другими источниками, вернуться в период между двумя войнами, то не подлежит сомнению, что в круг авторов и читателей «Современных записок» не входила та часть эмигрантской публики, где рассуждали о всемирном «еврейском кагале», «напустившем» на Россию большевизм. Но ясно, что имелось достаточно эмигрантов, у кого отсутствовал иммунитет к этой «духовной пище». Истоки и здесь следует искать в доэмигрантской истории. Показательно, что принял к концу гражданской войны такое якобы объяснение революции философ, в прошлом марксист и либерал, с 1918 г. священник С.Н.Булгаков, к тому времени, по собственному признанию, консерватор, почвенник, «черный». Как выяснил, беседуя с Булгаковым, приехавший во врангелевский Крым из Парижа В.А.Маклаков, посол России во Франции⁴⁶, Булгаков, профессор Симферопольского университета, использовал свой авторитет, чтобы поддерживать погромные проповеди духовенства (вразрез между прочим с позицией правительства Врангеля).

Булгаков тем самым отказался от прежнего своего нейтралитета, когда он не присоединился прямо ни к одному объяснению революции, в том числе к предположению, что это результат «мистического заговора» того, кто «рвется к жадному господству над миром», – «черного провидения», которое хочет «связать и парализовать» Россию⁴⁷. Присоединение Булгакова к этой «позиции» обозначило направление, в котором

⁴⁶ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка 1919–1951. М.; Стэнфорд, 2001. Т.1. С.256–257; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми... С.270–274. Маклаков оставался послом до 1924 г., когда советское правительство было признано правительством Франции. Вдова известного деятеля кадетской партии М.М.Винавера вспоминала: «После того, как здание посольства В.Маклаков передал в руки большевиков, мы поняли, что возврата нам больше нет». См.: М.М.Винавер в Париже (Из «Воспоминаний» Розы Георгиевны Винавер) / Публ. О.Коростелева // Русские евреи во Франции... С.196.

⁴⁷ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С.102, 104, 109–110. См. также: Розенталь И. «Жидомасонский заговор»: из истории восприятия мифа // Россия XXI. 2001. №2. С.171–173.

эволюционировали настроения значительной части интеллигенции, сначала на территории белых, затем в эмиграции. На это и обратил внимание Маклаков, сообщая о беседе Б.А.Бахметеву, коллеге по дипломатической службе: «Так вот, видите ли, какие проснулись вновь тенденции среди представителей интеллигенции, так как Булгаков все-таки интеллигент».

Совокупность взглядов самого Маклакова на еврейский вопрос уже изучалась в связи с историей либерализма в России. Для него это был «русский вопрос», частный случай проблемы меньшинств, индикатор цивилизованности государства⁴⁸. Из письма Маклакова, где он изложил и прокомментировал беседу с Булгаковым, видно, что различие в партийной принадлежности или беспартийность не играли здесь существенной роли. С точки зрения Маклакова, нежелание понять, что большая доля евреев среди лидеров большевизма вызвана «историческими причинами», и объяснение этого стремлением евреев захватить мир – «самый опасный вид антисемитизма».

Ни Вишняку, ни Берберовой, ни в какие партии не входившей, не казалась правильной политическая позиция правого кадета Маклакова, его объяснение причин краха монархии (в частности, квалификация развития России после первой революции и до Первой мировой войны как процесса «выздоровления», критика им отказа либералов в 1917 г. от монархической формы правления и многое другое)⁴⁹. Но общим у всех троих было неприятие антисемитизма в качестве определяющего компонента мировоззрения или выдвижения антисемитских мифологем на первый план, как у Булгакова.

Что касается прикрытого, не провозглашаемого откровенно антисемитизма (с «аргументом» – «Опять о погромах! Когда большевики!...»), на котором сосредоточил внимание Вишняк в своем письме 1927 г., то можно с уверенностью предполагать, что Кускова, получив это письмо, вспомнила аналогичные дореволюционные факты. Она столкнулась с отходом интеллигенции от традиции гуманизма в период Первой мировой войны, собирая в Москве подписи под протестом против, как она писала впоследствии, «насаждения антисемитизма для объяснения во-

---

⁴⁸ Будницкий О. В. *Маклаков и еврейский вопрос (Из истории русского либерализма)* // *Вестник Еврейского университета*. 1999. №1 (19). С.42–94.

⁴⁹ *ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.105. Л.25 об.*; Вишняк М.В. *«Современные записки». Воспоминания редактора*. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.193–194.

енных неудач»⁵⁰. Тогда нашлось несколько видных либералов, уклонившихся под разными предлогами от того, чтобы подписать протест, а редактор «Русских ведомостей» профессор А.А.Мануйлов – после того, как его долго уламывала Кускова, – этот документ, составленный в крайне осторожных выражениях, опубликовал, но поставил его на последнюю полосу номера, изменив первоначальное заглавие «Воззвание к русскому обществу» на ничего не выражавшее «Письмо в редакцию». Под ним подписались 206 представителей интеллигенции, главным образом, московской и петроградской.

Этим эпизодом участие Кусковой в сопротивлении антисемитизму до и после революции не ограничилось⁵¹. Так что Вишняк обращался к ней с письмом на эту тему не случайно, он просил ее, поскольку сам он «сторона в деле», написать в журнал об «атмосфере», дающей (цитировал он Кускову) «поддержку и в известной степени моральное оправдание антисемитам активным»⁵². Не случайно обратился к Кусковой и Валентинов, знакомый с ней еще с 1906 г., такой же, как она, принципиально беспартийный публицист с устойчивой репутацией «ревизиониста» марксизма (это, однако, не означало полного тождества их взглядов, хотя он восхищался публицистическим талантом Кусковой и тепло вспоминал, как когда-то в Москве посещал ее и Прокоповича квартиру в одном из арбатских переулков⁵³).

**«КОШКА ИСТОРИИ»
И
ПЕРСПЕКТИВЫ СИОНИЗМА**

В отличие от письма Вишняка выводы Валентинова – результат не одних лишь парижских впечатлений, но анализа тенденций мирового развития, о которых он судил, естественно, не так, как Марков 2-й, но и не так, как его собеседники-меньшевики. «Мы живем в эпоху напряженной мобилизации национальных чувств и постоянной апелляции к идее нации, – констатирует Валентинов, – это происходит повсюду». Но «формы зарождения новой

⁵⁰ Из архива Л.О. Дан. Амстердам, 1987. С.193.

⁵¹ См. подробнее: Кельнер В. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. №1 (14). С.70–72; Розенталь И. Москва начала XX века: евреи, власть, общество // Вестник Еврейского университета. 1999. №1 (19). С.112–115.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.105. Л.53–53 об.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.113. Л.1, 30 об.

идеи нации, сменяющей идеи классовой борьбы, в различных странах различны. В ряде стран идея национального возрождения сопровождается абсолютной национальной нетерпимостью, принимающей характер подлинного озверения». И далее прямой отзвук споров, проходивших при участии Валентинова. Является ли выходом, причем, согласно марксизму, решающим все проблемы человечества, социальная революция? Но «что и кто после нее останется?» – спрашивает он. И «требуется еще доказать, что после победной "пролетарской" революции произойдет то решение еврейского вопроса, о котором мечтают еврей-интеллигенты». В России банкротству «космополитического социализма» в решении социальных вопросов «сопутствует такое же банкротство и в решении национальных вопросов, в том числе еврейского». «Где же выход для евреев?.. Поразмыслив...я пришел к убеждению, что ...только образование еврейского государства создает действительное условие решения еврейского вопроса»⁵⁴

Для специалистов-историков умозаключение Валентинова неожиданно, поскольку оно не нашло отражения в его печатных работах. Чем же оно было вызвано? Может быть, дело в том, что между двумя письмами одиннадцатилетний промежуток? Это так, но только отчасти. В 1927 г. в поле зрения Вишняка одни русские эмигранты, приход нацистов к власти не рассматривался пока никем даже как вариант политического будущего Германии. В совершенно иной ситуации 1938 г., накануне Мюнхенского соглашения, после принятия Нюрнбергских законов, но до «хрустальной ночи», Валентинов пишет о «свинском неистовстве» Гитлера, он свидетель того, как в Германии «у евреев отымается фактически право на жизнь». «Под ударом brutального национализма» находятся евреи также Австрии, Польши, Венгрии, Румынии, «очень скоро», не сомневается он, в таком же положении окажутся евреи СССР, где рост антисемитизма пока скрывается и сдерживается⁵⁵.

Взвешенное определение «национального», уже не привязанное только к предвоенной ситуации, но с полемическим подтекстом, Валентинов сформулировал несколько позже: «Национальность не представляется одним типом. Часто она многотипна. Кроме того, национальное не значит еще истинное и правильное, не есть синоним должного, лучшего, высокого, справедливого. В национальном есть элементы нейтрального характера – таковы многие национальные привычки и обы-

---

⁵⁴ Там же. Л.15, 16 об., 17, 17 об.-18.

⁵⁵ Там же. Л.16 об.-17.

чай, они могут быть элементами большого положительного значения, но могут быть и элементами отрицательными»⁵⁶.

Кроме изменившейся обстановки, различия между двумя письмами обусловлены биографией, индивидуальностью каждого автора. Вишняк – не беспартийный, он остается и в эмиграции правым эсером. Биография Валентинова сложнее⁵⁷. В далекой юности он был недолго большевиком, на него возлагал надежды Ленин, но Валентинов его надежд не оправдал, не пожелав придерживаться какой бы то ни было «генеральной линии». То же повторилось у него с меньшевиками, в РСДРП он состоял – лишь формально – до лета 1917 г.

Вишняк – эмигрант с 1919 г., а Валентинов стал «невозвращенцем» только в 1930 г., когда узнал, будучи в Париже, об арестах в Москве всех своих друзей и сослуживцев, – кампания, направленная против мнимых «вредителей», набирала в СССР обороты, ОГПУ трудилось над фабрикацией дутых «дел». Не оставалось ничего другого, как «прыгнуть в окно» советского торгпредства, где Валентинов работал с 1928 г. И штрих в описании последствий развернутой кампании, о чем хорошо осведомленный Валентинов сообщает Кусковой попутно в одном из первых своих эмигрантских писем: кампания «спецедействия» превратилась на местах в антисемитскую, иногда она принимала погромный характер⁵⁸.

В Париже Валентинов возобновил знакомство с меньшевистскими деятелями, которых знал в России, но общение быстро переросло в дискуссии, ни к чему не приводящие. В другом письме к Кусковой мы находим беглое изображение приезда гостей в парижский пригород, где жил Валентинов, и таких типично-российских дискуссий: «И будем сейчас до бесчувствия убеждать друг друга, и язвить, и острить – словом, мы неисправимы»⁵⁹. Но, по признанию Валентинова, специально на еврейскую тему ему буквально не с кем говорить, поэтому он и изложил свои размышления в самом длинном из всех его писем Кусковой – 14-страничном «фолианте», не сразу решившись его отослать⁶⁰.

В письме Вишняка, при всей ясности и четкости, в основном содержится горестная констатация, тогда как итог размышлений Валентинова

⁵⁶ Валентинов Н. *Недорисованный портрет... М., 1993. С.535.*

⁵⁷ См. подробнее: Розенталь И. *Валентинов и его время // Россия XXI. 2008. №6. С.82–121.*

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.113. Л.50 об.

⁵⁹ Там же. Л.39 об.

⁶⁰ Там же. Л.20 об., 3.

практический и более масштабный. Можно возразить: итог неоригинальный. Разумеется, это не изобретение Валентинова, он и не претендует на оригинальность, прямо соглашаясь с сионистами, вернее, с ответвлением сионизма – территориализмом. Но ведь ни эмигранты-русские, ни евреи социал-демократы не считали в то время идею создания еврейского государства где бы то ни было ни верной, ни актуальной. И в эмиграции они продолжали сражаться против сионизма как утопии, исходя из того, что неизбежная социальная революция покончит с антисемитизмом раз и навсегда. Обличали и близкую во многом Бунду партию Поалей Цион (Рабочие Сиона), которая-де сотрудничает «с буржуазными сионистскими организациями» и не вправе представлять еврейское рабочее движение, кроме рабочего движения в Палестине, – эти старые обвинения и оценки можно найти в недавней публикации протоколов Заграничной делегации РСДРП, объединявшей меньшевиков и бывших бундовцев в эмиграции⁶¹. Так что среди эмигрантов-социалистов Валентинов определенно выглядел белой вороной.

В свою аргументацию он включает целый ряд доводов фактического порядка. Это и опыт СССР, в том числе переход в середине 30-х гг. к «патриотизации» и биробиджанский эксперимент. Это и призывы Троцкого к повторению русской революции во всемирном масштабе (к чему Валентинов не скрывает отвращения: «я не хочу анархии, я не хочу революции...»), в результате которой, как показал советский опыт, не может наступить обещанное «царство рая»⁶²). Он анализирует и возможности ассимиляции евреев «с народом, в который они вкраплены».

Можно предполагать, что подробности о Биробиджане сообщил ему один из собеседников меньшевик Г.Я.Аронсон («бывший бундист»), хорошо знавший об этой попытке создать советскую еврейскую автономию на Амуре: в 1926–1931 гг. он был генеральным секретарем Центрального правления Всемирного союза ОРТ (обществ по распространению ремесленного и земледельческого труда среди евреев). Эта благотворительная организация имела возможность ввозить в СССР для нужд еврейской колонизации машины, оборудование и другие материалы; руководители ее в эмиграции полагали, что, раз евреи получили безвозмездно землю, было бы грешно не использовать «исторический шанс». Но правы оказались скептики: в 1938 г. деятельность ОРТа в СССР, как и всех других подобных заграничных организаций, была

---

⁶¹ *Меньшевики в эмиграции... Ч.1. М., 2010. С.139–40, 336–337.*

⁶² *ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.113. Л.12 об.*

прекращена, а работники ОРТа – советские граждане – обвинены в шпионаже и арестованы⁶³.

Что касается перспективы полной ассимиляции всех евреев, «растворения без всякого остатка в другой нации, слияние с нею... до всякой потери мысли... о том, что "я еврей"», «такой факт и невозможен, и был бы печален для мировой культуры», – писал Валентинов. Тем более неприемлема насильственная ассимиляция. Положение изменится, заключает он, когда будет создано еврейское государство (правда, не в Палестине, это, по его мнению, «эрзац»: слишком мала территория, и неминуемо обострение отношений с арабами; он учитывает также урок созванной по инициативе США Эвианской международной конференции в июле 1938 г., все ее участники – представители 32 государств – отказались принять евреев-беженцев из Германии). В случае объединения интеллектуальных и финансовых сил еврейства еврейский вопрос будет поставлен на рельсы, «на которых он только и может найти не фантастическое решение, а реальное»⁶⁴.

Спустя десятки лет взгляд Валентинова представляется относительно более реалистичным, чем у его оппонентов. Не просто независимость, но и трезвость анализа этот беспартийный «ревизионист» обнаруживал нередко и в других случаях. Например, когда Кускова его спросила, скоро ли они смогут вернуться в Россию, он ответил без колебаний: никогда. «Россия еще долгие годы будет жить под самодержавной властью», Сталин «переживет всех нас»⁶⁵ (все-таки в этом последнем предсказании он ошибся, сам он скончался позже, да и Кускова пережила Сталина). «У идеи классовой борьбы кошка истории откусила полтуловища», – пишет он, разворачивая доказательства того, что во всем мире главной становится идея нации⁶⁶.

Для Валентинова в 1938 г. давно уже нет многих священных коров, все еще почитаемых оппонентами. Отсюда смелость выводов и, как следствие этого, одиночество. Он вне эмигрантских группировок, печатается, чтобы заработать на жизнь, в журналах и газетах разных направлений. И упрекает знакомых меньшевиков в неподвижности, как это было в разговоре с Петром и Софьей Гарви, твердивших, что, если бы

⁶³ Григорий Аронсон. Записки секретаря ОРТа / Публ. А.И.Иванова // Архив еврейской истории. Т.3. М., 2006. С.94–124.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.113. Л.18 об.-19 об., 20.

⁶⁵ Там же. Л.32 об.

⁶⁶ Там же. Л.15 об.

им пришлось жить еще раз, они повторили бы всю свою прежнюю жизнь⁶⁷. Он ближе некоторым представителям молодого поколения эмигрантов «первой волны». Очень похожий разговор состоялся примерно тогда же, в конце 30-х, у писателя В.Яновского с М.Вишняком, тот с гордостью заявил, что каким он был в 1917 году, таким останется навсегда, ни на йоту не меняясь. «Мне это показалось чудовищной тратой жизни и времени», – комментировал слова Вишняка Яновский⁶⁸.

Было бы ненужным преувеличением утверждать, что Валентинов ни в чем не ошибался и всегда был более прав, чем те, с кем он полемизировал. Как многие, он не сознавал, что Европа на пороге новой мировой войны, когда до ее начала оставался всего лишь год, и верил в возможность предотвратить войну, договорившись с Гитлером, а тех, кто в это не верил из числа тех же эмигрантов-меньшевиков, обвинял в милитаризме – устно и в том же письме. Оказывали влияние на часть эмигрантов и антивоенные настроения жителей стран диаспоры; во Франции они сочетались с обвинениями евреев в том, что они якобы готовы свергнуть ее в войну ради своих эгоистических интересов.

Каким будет нацистский «новый порядок», Валентинов, очевидно, тоже до конца не представлял. Но ведь не могли вообразить этого и евреи – русские эмигранты и граждане европейских стран. Сами сионисты еще не предполагали, как пишет современный историк, что в перспективе своим успехом сионизм будет обязан «одновременно неизбежности и чудовищному стечению обстоятельств»⁶⁹.

Проживавший в это время в Риге выдающийся еврейский историк и общественный деятель Семен Дубнов (тоже высланный в 1922 г. из советской России) радовался мюнхенской сделке, благодаря которой «над городами половины Европы бомбы не полетят и десятки тысяч убитых не будут валяться на улицах». При этом он думал, что «...балтийские нейтральные страны могут быть более спокойны, чем другие»⁷⁰. Представить себе что-то более ужасное, чем налеты авиации на мирные города (вроде тех, что практиковались во время гражданской войны в Испании), Дубнов оказался не в состоянии. Как и предвидеть

---

⁶⁷ Из архива Л.О. Дан. С.162; Розенталь И. Валентинов и его время... С.104.

⁶⁸ Яновский В. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб., 1993. С.165.

⁶⁹ Барнави Э. Сионизм (течения) // Барнави Э., Фридлендер С. Евреи и XX век. Аналитический словарь. М., 2004. С.214.

⁷⁰ «...Не забывайте о Вашем С.Дубнове». Письма С.Дубнова Я.Лещинскому / Публ. В.Кельнера и Г.Эстрайха // Архив еврейской истории. Т.5. М., 2008. С.267, 270.

собственную участь – гибель в рижском гетто в декабре 1941 г. 30 января 1939 г. Гитлер выступил с речью, которая многим, но, вероятно, далеко не всем в Европе и Америке помогла избавиться от иллюзий: обвиняя в развязывании мировой войны «международных еврейских финансистов», он заявил, что ее результатом будет «не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейства в Европе»⁷¹.

После Второй мировой войны, в 1952 г., и Вольский и Вишняк, в прошлом, да и после этого не раз спорившие, подписали тем не менее обращение 14-ти – принципиальный документ о будущей социалистической партии в России, «широкой, терпимой, гуманитарной и свободолюбивой», без обязательной для каждого члена партии философской доктрины. Это, писал Валентинов, свидетельство того, что подписавшие ушли от ортодоксии «на сотни километров», «большой разрыв с целым арсеналом идеологического прошлого»⁷².

* * *

Исследование привлеченных в настоящей статье источников далеко не исчерпывает тему, рассматривать ее возможно и в других ракурсах. Сознвая это, заметим в заключение, что обозначенные в названии статьи два взаимосвязанных комплекса проблем XX и не только XX столетия часто рассматриваются порознь. Это может быть вызвано просто физической невозможностью охватить все взаимосвязи, но может также отражать, осознанно или нет, давление современного информационного пространства, насыщенного «конспирологическими» версиями и всевозможными, в том числе реанимируемыми, мифами.

Если оставить в стороне сочинения, пропагандирующие старый или подновленный миф о «жидомасонском» заговоре, и переиздания соответствующей дореволюционной и эмигрантской литературы, то давление конъюнктурного «фона» ощутимо, когда «еврейский», условно говоря, компонент системы взглядов мыслителя, о котором идет речь,

---

⁷¹ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сб. документов и материалов. Иерусалим, 1991. С.34. Относительно вероятных мотивов, которыми руководствовался Гитлер, выступая с речью, см.: Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной... С.120–121.

⁷² *Меньшевики в эмиграции...* Ч.2. С.375–379; Крейд В. Письма авторов «Нового журнала» Р.Б.Гулю // *Творчество диаспоры и «Новый журнал»*. Нью-Йорк, 2003. С.95.

или же идеологии, объединявшей эмигрантскую группировку, течение и т.д., замалчивается или упоминается мельком, несоразмерно действительному его весу, в ущерб объективности и полноте исследования. Больше всего это относится к антисемитской составляющей взглядов и деятельности русских консерваторов в целом и по отдельности. Подразумевается, если прямо не декларируется, что это нечто маловажное, десятистепенное, не влияющее на общую оценку мировоззрения того или иного деятеля, коль скоро все они «любили Россию».

В других случаях, например, в очерках-портретах деятелей иного, не консервативного, направления налицо как будто обратный подход: высказывания, нелепость которых видна невооруженным глазом, обильно цитируются в качестве заслуживающих внимания мнений-отзывов современников. Замалчивать их, конечно, бессмысленно, однако почему именно им отдано предпочтение, остается неясным. Показательно, наконец, отсутствие в некоторых энциклопедических изданиях обобщающих статей на данную тему – возможно, во имя академической нейтральности, на наш взгляд, сомнительной.

Очень хотелось бы, но, увы, трудно разделить уверенность в том, что само по себе расширение источниковой базы исследований сблизит «рано или поздно» «непримиримые позиции», устраним «неоднозначность нравственных оценок» и создаст возможность «договориться о терминах (что есть «родина», «предательство», «патриотизм» и т.п.)»⁷³. Речь идет об изучении истории российской эмиграции в период Второй мировой войны, но ведь перечисленные понятия являются ключевыми не только для данного отрезка времени. Имеем ли мы дело лишь с проходящими кризисными явлениями в исторической науке или с чем-то более глубоким и серьезным? Во всяком случае, как показывает историографический опыт, «обилие фактического материала» положения не спасает.

Актуализация в постсоветской России националистической мифологии не находит в литературе однозначной интерпретации. Так, в очередном возрождении имперского мифа о превосходстве России, окруженной сонмом врагов, и в очевидно сопряженной с этим мифом растущей ненависти к «иногородцам» иные авторы видят всего лишь выражение естественного и универсального процесса национальной самоидентификации, поскольку в советское время «единая историче-

---

⁷³ Бочарова З. Указ. соч. С.181.

ская общность» сложилась только на бумаге⁷⁴. Следует ли из этого, что тот же позитивный процесс ранее находил выражение в «зверином», «зоологическом» антисемитизме? – ведь именно так его когда-то оправдывали иные эмигранты («в русских людях начинает пробуждаться национальное чувство...», это «святая стихия» и т.д.⁷⁵). Только ли в агрессивной ксенофобии национальная самоидентификация может выражаться?

Известно, что имеет своих активных сторонников концепция, согласно которой истин множество, они равноправны; «интуитивное интерпретаторство», то есть не опирающийся на анализ источников полет авторской фантазии, безусловно, превыше доказательности, убеждающей сообщество специалистов⁷⁶. Если не порывать с наукой (не впадая в морализаторство и вместе с тем не обольщаясь несбыточными целями), не будет ли более плодотворным ограничить суждения обо всей продукции, изготовляемой в наше время на исторические темы, включая продукцию внешне наукообразную, исходя в первую очередь из критериев профессионализма?

---

⁷⁴ Травина Е. Старые мифы о главном // Звезда. 2007. №11.

⁷⁵ Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми... С.354–356, 359–360 и др.

⁷⁶ См. критику такого рода претензий в историографии и литературоведении: Каравашкин А., Юрганов А. После науки: о приемах гуманитарной идеологии // Россия XXI. 2003. №1. С.148–171. Об одном из примеров конструирования выводов «поверх источников», основываясь на безразличном к достоверным фактам «государственно-правовом дискурсе», см.: Розенталь И. Николай II и Государственная дума – новое слово? // Там же. 2009. № 6.

Сущность человека нельзя определять ни с точки зрения одних его врожденных способностей, как это пытались делать мыслители Просвещения, ни с точки зрения одних лишь внешних форм его поведения, как это слишком часто пытаются делать современные общественные науки... Одним словом, мы обязаны добираться до деталей, проходя мимо запутывающих дело ярлыков, мимо метафизических идеальных типов и мимо пустых сходств, с тем чтобы четко разобраться не только в характерах

**разнообразных культур, но и
в характерах разнообразных
индивидов внутри каждой из них –
если, конечно, мы действительно
хотим встретиться с человечеством
лицом к лицу.**

Клиффорд Гирц

Виктория Герасимова

**К ИСТОРИИ
ИУДЕО-
ХРИСТИАНСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII ВЕКА**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
323.1; 342.7

The Russian-Jewish relationships in the early modern times are considered as poorly studied. The evidence of the fact is an extensive body of devoted to the history the Jews in Russia. Nevertheless, archive documents allow making a series of important conclusions in respect of the initial period of the first Jewish communities' adaptation in the territory of the Russian Empire. The author examines record keeping documents related to appearance of the first Jewish communities in Smolensk region in the first half of the 18th century. These documents highlight the circumstances under which the famous "affair" of Boroch Leibov was formed.

Ключевые слова: Россия XVII–XVIII вв.; раннее Новое время; историография; русско-еврейские отношения; первые еврейские общины в России; местная администрация; делопроизводственные документы; дело Бороха Лейбова.

Key words: Russia of the 17th and the 18th centuries; the early modern period; historiography; the Russian-Jewish relationship; the first Jewish communities in Russia; local authorities; record keeping documents; the Boroch Leibov affair.

E-mail: gerasimova@bk.ru

Русско-еврейским отношениям посвящено не одно исследование. Однако период со второй половины XVII века до последней четверти XVIII считался одним из самых сложных и малоизученных: классик еврейской историографии С.М.Дубнов определял его как «одну из самых темных эпох русско-еврейской истории»¹. Как известно, массовое еврейское население в Российской империи появилось лишь в последней четверти XVIII века в результате территориальных приращений. По итогам трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) к России отошла вся Белоруссия, Подолия, Полесье, восточная Волынь, Курляндия и ряд других земель с довольно значительным еврейским населением.

Первые же еврейские общины на территории Московского государства и затем Российской империи появлялись на нелегальной основе, с согласия местной администрации. Основными источниками для историков, исследовавших еврейское присутствие в России в раннее Новое время, служили законодательные акты, в то время как доступ их к архивным материалам был если не запрещен, то сильно ограничен. Этим объясняется главная особенность классических трудов по истории евреев конца XIX – первой четверти XX вв. Как правило, большинство исторических сюжетов, относящихся к периоду раннего Нового времени в русско-еврейской истории, хорошо известны и «кочуют» из одной работы в другую, в том числе и в современных исследованиях. Публикуемый здесь комплекс документов вводится в научный оборот впервые и представляет собой яркий пример бытования мифологических представлений о евреях в православной среде русско-польского пограничья. Особую ценность публикуемые материалы приобретают как источники, относящиеся к малоизученному периоду в истории евреев в России.

Дело, являющееся предметом нашего рассмотрения в данной статье, не раз освещалось на страницах фундаментальных трудов по еврейской истории, изданных еще в позапрошлом и начале прошлого веках. Описанная в нем канва событий стала фактически общим местом во всех текстах, так или иначе связанных с историей евреев в России в XVIII веке. Речь идет о конфликте между группой евреев, поселившихся в Смоленском уезде, и местным населением в первой четверти века. Согласно жалобе, поданной от имени смоленских мещан Герасимом Шилой и Семеном Паскиным, допущенные на Смоленщину в 1717 году с разрешения вице-губернатора Василия Гагарина евреи, занимавшиеся

¹ Дубнов С. М. Два документа по истории белорусских евреев в первой половине XVIII века // *Восход*. 1889. №1. С.179.

таможенными и кабацкими откупами, вели себя в христианском окружении крайне агрессивно и неуважительно на протяжении всего своего пребывания на Смоленщине. В вину евреям вменялся целый ряд преступлений: от продажи негодных в пищу продуктов до избияния местного священника в дворцовом селе Зверовичи и пыток дворовой девки Матрены с целью получения ее крови. Первоисточником для исследователей стало издание «Описание документов и дел, хранящихся в Святейшем Правительствующем Синоде»², в котором содержалось подробное описание сути лишь представленной жалобы Шилы и Паскина. Сами же материалы дела, судя по всему, оказались невостребованными, а точнее недоступными для исследователей. Особый интерес в них представляют тексты жалоб на евреев жителей различных деревень Зверовической волости и самого села Зверовичи, они и публикуются здесь.

В настоящее время «Дело по доношению смоленских жителей Герасима Шила и Семена Паскина на жида Бороха Лейбова...» на 62 листах хранится в фонде Канцелярии Синода Российского Государственного Исторического Архива (РГИА) в городе Санкт-Петербурге. Начатое в 1722 году, оно тянулось до 1738 года и по сути так и осталось без окончательного решения, вплоть до того момента, пока главный фигурант дела не погиб на костре, обвиненный в совращении в иудаизм русского офицера. Тот факт, что до сих пор не вышла в печать ни одна работа, излагающая иные подробности дела, не отраженные в «Описании документов и дел...» и Полном Собрании Законов Российской империи, позволяет окончательно утвердиться во мнении, что само архивное дело в полном объеме не было известно исследователям до настоящего времени или (что менее вероятно) по каким-то причинам многие из его подробностей остались невостребованными. Представленная статья имеет своей целью проанализировать не изученные до сего дня материалы дела, проливающие свет на весьма любопытные и нетривиальные подробности взаимоотношений между евреями и их соседями смолянами на русско-польском пограничье в первой четверти XVIII века, а также на особенности мифологизации представления о евреях в православной среде этого региона.

Смоленщина вошла в список территорий, отошедших к Московскому государству в результате подписания Андрусовского договора в 1667

---

² *Описание документов и дел, хранящихся в Святейшем Правительствующем Синоде. Т. II. Ч. 2. С. 526–530.*

году. В период польского владения Смоленску наряду с другими польскими городами было даровано Магдебургское право. Король Сигизмунд отдельно упомянул в грамоте о запрещении татарам и евреям проживать в городе. Тем не менее уже в 1616 году сообщается о наличии около восьмидесяти евреев, проживающих здесь³. После завоевания Смоленска в 1654 г. и вплоть до 1717 г. документально присутствие евреев в этом регионе не зафиксировано. Вновь евреи появляются на Смоленщине с разрешения вице-губернатора князя Василия Гагарина, распорядившегося об отдаче польским евреям права на сбор таможенных и кабацких налогов. Лидером сложившейся неофициально еврейской общины в дворцовом селе Зверовичи стал Борох Лейбов (и это едва ли не единственное имя еврея, встреченное в материалах дела). Сам Борох Лейбов (или Борх Глебов – его имя в разных вариантах фигурирует в делопроизводственных документах) известен нам по другому весьма знаменитому делу «О сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Бороха Лейбова за совращение его (1738 год)»⁴. Из материалов следствия нам становится известно, что сам Лейбов – уроженец польского местечка Дубровна⁵, в период пребывания на Смоленщине ему было 40 с лишним лет. Как сообщает сам Лейбов в своей жалобе в Верховный Тайный Совет, таможенные и кабацкие откупа ему «со товарищи» были отданы в селе Зверовичи «с присутствующими к тому селу, всего в четырех местах»⁶. Всего же в исследуемом нами деле речь идет более чем о двух сотнях евреев в Смоленской провинции в 20-е годы XVIII века⁷.

Деятельность евреев на Смоленщине вызывала довольно острую негативную реакцию со стороны окружающего православного насе-

³ *Еврейская Энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Репринт. воспроизведение изд. М: Терра, 1991. Т.14. Кол.408.*

⁴ *Опубликовано: Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Бороха Лейбова за совращение его (1738 год) / Публ. и вступление И.Ю.Маркона // Пережитое. СПб, 1911–1913. Т.2. Прил. С.3–48; Т.3. Прил. С.49–80; Т.4. Прил. С.81–112.*

⁵ *Дубровна в XVIII веке имела небольшое еврейское население. Согласно переписи 1766 г. в кагальном округе зарегистрирован 801 еврей. См.: Еврейская энциклопедия. Свод знаний... Т.7. Кол.365.*

⁶ *Сборник РИО. СПб, 1888. Т.63. С.210–212.*

⁷ *РГИА. Ф.796. Оп.3. Д.1187. Л.18.*

ления, судя по тем жалобам, которые поступили в Синод с места событий в 1722 и 1723 гг. Наиболее развернутое и внятное обвинение выдвинули упомянутые выше Герасим Шило и Семен Паскин, смоленские мещане. Однако их жалоба была далеко не единственной. И каждый текст в отдельности представляет особый интерес для исследователя, поскольку содержит любопытнейшую информацию о народных представлениях о евреях, еврейской вере, их обычаях и повседневной практике. Подобные сведения в делопроизводственных документах – исключительная этнографическая редкость, заслуживающая пристального внимания.

Как полагают историки⁸, жалоба смоленских жителей неслучайно была направлена именно в Синод, в религиозную, а не светскую инстанцию. Риторика текстов, особенно текст жалобы Шилов и Паскина, проникнута пафосом защиты православной веры. Все обвинения ранжированы: от фундаментальных, религиозно-этического характера до бытовых. Они выступают против «размножившихся в смоленской провинции жидов, которые своим учением православных христиан развращают и многия чинят благочестию противности»⁹. Важно заметить, что ключевым здесь является представление о «древнем благочестии», т.е. порядке, установленном испокон веков, который нарушается из-за еврейского присутствия. В этом смысле отсылка к нарушению «благочестия» здесь неслучайна и является не просто риторической формулой, а целым концептом, отражающим особенности православного религиозного сознания, крайне негативно относящегося к любым изменениям – в данном случае к соседям-чужакам. Другой «бесприкрытый» вариант обвинения – попытка соращения в иудаизм: «чинят в народе смуту и прельщения, выхваляя свою веру правдивую, а христианскую веру ругают»¹⁰. Со времен «ереси жидовствующих» любые намеки на возможность распространения влияния иноверцев пресекались властями, и потому обвинения подобного рода не оставались без внимания.

Другим не менее серьезным обвинением в адрес евреев села Зверовичи и лично против Бороха Лейбова стало обвинение в избииении местного священника Авраама. Этот акт открытой агрессии, по словам жалобщиков, сопровождался публичным унижением избиваемого и муче-

⁸ См., например, Рывкин Х.Д. *Евреи Смоленска*. СПб, 1910.

⁹ РГИА. Ф.796. Оп.3. Д.1187. Л.3.

¹⁰ Там же. Л.5.

ниями его: Лейбов «с прочими жидами и жидовками» тащил священника за волосы во двор и «бил его смертно неведомо за что и во многих местах проломили ему голову, с которой головы руда¹¹ шла в плат не престанно, которую руду оне жиды выжимав хоронили себе неведомо для какова ради ухищрения»¹². Священник Авраам, высидев несколько суток на цепи, был освобожден, однако здоровье его сильно пошатнулось, и он, «не освободясь от той болезни, умре», о чем свидетельствует вдова покойного. Как легко можно заметить, кроме традиционного акта насилия над человеком, в тексте содержится другой принципиально важный в рамках иудео-христианского конфликта мотив – мотив христианской крови. В документе не указана цель, с которой евреи собирали кровь избитого, не дается никаких иных пояснений к этому инциденту, но содержится лишь намек на тайные намерения иноверцев. Зато приводится второй подобный пример, известный нам по публикации краткого описания дела. Речь идет о сюжете с истязанием дворовой девки Матрены Емельяновой, зверски мучимой самим Лейбовым и его женой. Несчастную якобы привязали за брус и «булавками и иглами испущали руду, а куда испущали, того она за мучением не ведает»¹³. Любопытно заметить, что по странному стечению обстоятельств это происшествие датируется двадцать третьим января, то есть буквально в момент проведения расследования в Зверовичах. Сам текст жалобы вместо неграмотной пострадавшей Емельяновой написан дьячком церкви Преображения Господня в Зверовичах Иовом Ефремовым. Как и в случае со священником Авраамом, в документе присутствует лишь сам факт сбора крови пострадавшей без дальнейших пояснений и комментариев. Этим не ограничивается список бесчеловечных преступлений чужаков-иудеев: еще один акт насилия Борох Лейбов совершил над неким мещанином Андреем, которого он якобы посадил на цепь и заковал в колодки¹⁴. Правда, в данном случае никаких намеков на кровавый навет не обнаруживается.

Как отмечают О.В.Белова и В.Я.Петрухин, в отношении к иудаизму в славянской культуре наиболее ярко утвердился взгляд «извне»: когда элементы чужой религии интерпретируются преимущественно на осно-

---

¹¹ *Кровь (устар.)*.

¹² *Там же. Л.13.*

¹³ *Там же. Л.13 об.*

¹⁴ *Там же. Л.16 об.*

вании внешних представлений о них¹⁵. Основными «маркерами» враждебной иудейской традиции для окружающего христианского населения Смоленщины стало соблюдение пищевых запретов (кашрута) и субботы, а также установления некоторых еврейских праздников, в частности Песаха¹⁶. Запрет на употребление некошерной пищи у иудеев православные христиане расценивают как нечто противоестественное, и то, что иудей не ест, но продает, становится в глазах окружающего населения негодным. В текстах жалоб мы не раз встречаем свидетельства о продаже испорченных продуктов и напитков местному населению. То же относится и к отправлению шабата: коренное христианское население считает праздничным днем воскресенье, которое иудеи не отмечают, но при этом сами христиане расценивают как вызов и оскорбление тот факт, что они вынуждены работать в тот день, когда евреи отдыхают. Подобные обвинения выдвигались в адрес иудеев и в соседней Речи Посполитой, причем как со стороны православного, так и католического духовенства¹⁷.

Но более пристального внимания заслуживает осмысление православным сознанием одного из установлений еврейского праздника Песах, а именно: запрета на употребление и хранение в доме квасного хлеба в период праздника. Как сообщается в коллективной жалобе селян, праздник Песах длится целую неделю, и перед ним «жиды с хором свой ржаной хлеб выгоняют», но делают это весьма специфически: «ногами по земле котют за порог и приговаривают: хомец¹⁸, иди вон»¹⁹, а затем в местах, где лежало квасное, «каменьем горячим кочают». Такое поведение для русского человека с его подчеркнутым уважением к хлебу выглядит как акт высшего вероломства. Между тем представленное в жалобе загадочное магическое действие являет собой процесс кошерования (чистки) кухни перед приготовлением мацы, необходимой

¹⁵ Белова О.В., Петрухин В.Я. *Еврейский миф в славянской культуре*. М.: Гешарим, 2008. С.136.

¹⁶ Песах – еврейский праздник в память об исходе из Египта.

¹⁷ Подробнее см.: Kalik J. *The Orthodox Church and the Jews in the Polish-Lithuanian Commonwealth* // *Jewish History*. 2003. №17. P.229–237; Wegrzynek H. *The Attitudes of the Catholic Church towards Jews in Poland at the beginning of the 18th century* // *Kwartalnik Historii Żydów* №4 (220). Warszawa, 2006. P.662–668.

¹⁸ Хомец – тесто, замешанное на муке и воде и подвергшееся брожению, то есть закваске. Тора запрещает иудеям есть хомец во время праздника Песах.

¹⁹ РГИА. Ф.796. Оп.3. Д.1187. Л.17 об. – 18.

для проведения Песаха²⁰. Народное сознание в поведении представителей чужой религии видит не просто нарушение, но и угрозу. Увиденная чуждая и малопонятная практика рассматривается как прямое нанесение вреда с помощью магических действий: «и от того их беззакония в наших странах хлебу стало великой недород»²¹.

Иной вариант антиповедения мы видим в обвинении иудеев в нарушении православной традиции посещения кладбища. По словам смоленских обывателей, проживавшая в православном окружении небольшая еврейская община осмелилась сорвать поминовение усопших на кладбище, якобы согнав оттуда крестьян и затоптав ногами съестные подношения и напитки. Любопытно, что не впервые речь идет о попрании еды ногами. Вполне вероятно, что такой способ осквернения выбран не случайно, а именно как наиболее возмутительный.

Однако наиболее опасными для православных чужаки становятся в самый ответственный и глубоко переживаемый период года – во время Великого поста. Именно тогда иудеи, по словам жалобщиков, особенно активизируются: «ругают они христианский закон на первой неделе Великого поста; а наипаче в страстную неделю чинят в селе Зверовичах свадьбы и всякие бесовские деяния»²². Здесь мы видим уже не только обвинение в непозволительном поведении и оскорбительном нарушении православных традиций, но и прямое сравнение действий евреев с деятельностью мира потустороннего. Как известно, соотнесение евреев с демоническими персонажами, наделение их потусторонними, магическими способностями, прежде всего вредоносного свойства, а иногда и обвинение в прямом родстве с дьяволом – довольно распространенный

---

²⁰ Обряд уничтожения хамеца осмыслялся как магическая практика и в средневековой католической Европе. Подобная трактовка предпасхального ритуала соседями-христианами вызывала жгучую полемику среди еврейских религиозных авторитетов о необходимости его отмены. См.: Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи. М.: Гешарим, 1998. С. 81.

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1187. Л. 18.; В рамках исследования этого документа мной был представлен доклад «Иудео-христианский конфликт в Зверовичах: неизвестные подробности знаменитого дела» на одной из секций XVIII Ежегодной Междисциплинарной конференции по иудаике. В процессе обсуждения семантической связи в сознании смолян между обрядом очищения дома от квасного хлеба и хлебными неурожаями присутствующие пришли к выводу, что подобный сюжет уникален и не находит аналогов в других источниках.

²² Там же. Л. 17.

топос христианской культуры²³. Реализуется он и в народном сознании смолян первой четверти XVIII века. Любопытно, что само по себе обвинение в устройении свадеб евреями в страстную неделю представляет собой «перевертыш», осмысление традиции наоборот: ведь именно в этот период проведение свадеб в еврейской традиции строго запрещено, поскольку православная страстная неделя совпадает с периодом Сфират ха-Омер в еврейском календаре²⁴.

С идеей о бесовском, демоническом начале иудеев тесно связано представление об их дикости и ненормальности. Так, христианский служитель в еврейском доме в деревне Платонове Зверовической волости Михаил Печкуров заверяет, что не только принимал участие в уходе за «беззаконными» еврейскими младенцами, но и «для припущения к сосцам матерним щенят добывал»²⁵. Ненормальное рождение потомства или последующий процесс ухода за младенцами – довольно распространенная приписываемая представителям других народов или конфессий аномальная особенность, своеобразный маркер чужака²⁶.

Семантическая связь действий иудеев с материально-телесным низом не раз фигурирует в жалобах смоленских жителей. Евреи не только попирают ногами хлеб в Песах и съестные подношения на кладбище, они и сами по себе крайне нечисты. По свидетельствам «очевидцев», продукты, предназначенные для христиан, евреи продают исключительно «оплевав и охаркав»²⁷, но также подобные «плегавства» остаются

²³ См. подробнее: Трахтенберг Дж. Указ. соч.

²⁴ Сфират ха-омер (счисление омера) – счисление сорока девяти дней со дня вздымания омера (снопа) в ночь на второй день праздника Песах до праздника Шавуот. Народная традиция объединила дни счисления омера с днями траура по ученикам рабби Акивы, которые погибли во время восстания Бар Кохбы. Среди траурных обычаев Сфират ха-омер – запрет на изготовление новой посуды, ношение новой одежды, а также празднование свадеб.

²⁵ РГИА. Ф.796. Оп.3. Д.1187. Л.15.

²⁶ Белова О.В., Петрухин В.Я. Указ. соч. С.268–269. В частности, авторы приводят многочисленные свидетельства распространения в славянской народной традиции мифа о неестественно коротком периоде беременности у евреек и врожденной слепоте младенцев.

²⁷ Любопытно, что и этот сюжет находит параллели с католическими представлениями. Ссылаясь на средневековые источники, Джошуа Трахтенберг пишет: «В народе было распространено и такое суеверие: прежде чем продать мясо христианам, евреи заставляли своих детей помочиться на него или же иным способом делали его непригодным к

после еврейских «беззаконных праздников» в их «жидовской школе»²⁸, которые потом вынужден убирать христианский служитель. На мой взгляд, здесь важно обратить внимание на два момента: во-первых, на недопустимое поведение иноверцев по отношению к правоверным христианам, реализующееся в форме унижения физиологического характера, во-вторых, на представление о нечистоте еврейского места богослужения в отличие от православной церкви, где подобное поведение недопустимо.

Не меньший интерес представляют обвинение крестьянской жены Домны из деревни Лебанич Зверовической волости, служившей в доме самого Боруха Лейбова, и сходное с ним свидетельство Василия Григорьева сына Горбаченка, жителя села Зверовичи. По словам Домны, она стала свидетельницей вопиющего события: она видела, как «жена ево жидовка в светлице своей простым вином полоскала свое естество срамное»²⁹, а затем вылила это вино в общую бочку (очевидно, предназначенную для продажи). То же действие произвела еврейка, по словам Василия Горбаченка, и с другими напитками: «жена ево Борохова жидовка помногожде омочая в сыту руку и хватая за свой срам неведомо для какова жидовского приговору и паки она жидовка свою руку обращая влагает в то ж медовое и пивное питье». Сей акт оба жалобника никак не комментируют, оставляя право интерпретации высшей инстанции в лице Синода. Подобный способ порчи напитков выделяется в ряду прочих обвинений во всяческом осквернении и издевательствах над пищей и питьем христиан. Несмотря на то, что никаких прямых комментариев в источнике нет, любопытно заметить, что сам по себе сюжет с обмыванием еврейкой своих половых органов в вине и иных напитках с целью дальнейшей продажи не уникален. Подобного рода свидетельства о еврейской магии зафиксированы еще в начале XX века: в славянской народной традиции закрепилось представление о сходных магических действиях со стороны евреек-шинкарок для привлечения богатых клиентов³⁰. Не исключено, что в нашем случае мы имеем дело с некоторым «вырождением» этого представления, выраженном в потере связи между самим действием и его назначением.

употреблению». См.: Трахтенберг Дж. Указ. соч. С.92.

²⁸ РГИА. Ф.796. Оп.3. Д.1187. Л.15.

²⁹ Там же. Л.19.

³⁰ Белова О.В., Петрухин В.Я. Указ. соч. С.514.

Представленные и проанализированные здесь жалобы поступили в Синод одновременно. Первым документом, направленным в высшую религиозную инстанцию, стал текст мещан Шилов и Паскина, содержащий «классический» набор обвинений в адрес иноверцев, характерный также и для католической среды. Обязанность последующего расследования была полностью возложена на местные власти, в частности среди прочего Синод постановил: «а из христиан, ежели оным противным благочестию лжеучением в повреждении кто явится, тех, отвращая от онаго злочестия, направлять паки ко благочестию с прилежанием ему же архиерею»³¹. Результатом расследования местных властей и стали все последующие жалобы. Все они оперативно (судя по датировке текстов, в течение одной недели) собирались стараниями местного духовенства: соборного священника Никиты Васильева и инквизитора диакона Григория Никифорова, но записывал эти тексты не один человек: почерк писцов отличается, во всех случаях он неаккуратен, плохо поставлен, сами тексты организованы сумбурно и представляют собой единый массив, без заголовков. И этот момент немаловажен. Допустимо предположить, что избыточные довольно редкими для русского делопроизводства подробностями документы были составлены не без влияния, а возможно, и с помощью лиц, ведших расследование. Смоленщина представляет собой уникальный регион, в котором были тесно переплетены католические (как результат польского владения) и православные представления. Вероятно, реализацию этого культурного «сплава» мы и наблюдаем на примере иудео-христианских взаимоотношений.

Дальнейший ход дела хорошо известен нам по фундаментальным трудам Ю.Гессена, С.Дубнова и другим: евреи были высланы за пределы государства, а Борух Лейбов еще долгое время перемещался между российскими городами для урегулирования последствий конфликта. Реакция Синода, таким образом, сводилась к нескольким положениям: безотлагательное выселение евреев со Смоленщины и возмещение убытков государству.

К сожалению, документация местных властей не сохранилась: то, что не погибло при пожаре в Смоленском архиве в 1812 году, было потеряно во время Великой Отечественной войны. Однако тот факт, что среди документов дела отсутствует финальный рапорт о расследовании, свидетельствует о том, что либо такое расследование не производилось вовсе (поскольку желаемый результат был уже достигнут), либо произ-

---

³¹ РГИА. Ф.796. Он.3. Д.1187. Л.3.

водилось формально. И в этом случае обвинения в получении христианской крови и прочих магических действиях, а также в иных тяжких преступлениях, примененные в качестве аргументов к выселению иноверцев, остались лишь на бумаге.

Основным объектом нашего рассмотрения стали жалобы смоленских жителей на иудеев, поселившихся среди них. В деле представлен лишь одинокий «голос» еврейской стороны в лице главного откупщика Боруха Лейбова. По его словам, смоленские жители вовсе не были пассивными жертвами еврейского произвола. Основные жалобщики Герасим Шило и Семен Паскин устроили погром в доме Лейбова, «побрали книги и уборы», а затем «учинил он Шила в откупе ево во всех кабаках и на заводах великое разорение и остановку», самих же евреев «и жида ево Давыда бил смертным боем»³². Обращаясь в различные государственные инстанции, Лейбов предпринимал неоднократные попытки отстоять свою правоту. Так, в доношении в Камер-коллегию в 1725 году он сообщает, что жалобы, поданные на него Шилой и Паскиным, ложны, а «молили они богу в хозяйской клети, которую Лейбов з двором нанимал и оная клеть стояла меж хозяйских хором, а не близ церкви, и поп умре от пьянства своего...»³³.

Главным и по сути единственным последствием этого дела стало выселение евреев сначала со Смоленщины (сопровождавшееся уничтожением «жидовской школы»), а затем и вовсе из Российской империи в апреле 1727 года³⁴. Следствие же в отношении самого Боруха Лейбова, которому предписывалось выплатить задолженность по взятым откупам, не было закрыто еще и в 1734 г., когда к разбирательству подключился самый известный в тот период еврей при царском дворе – Леви Липман. Об этом свидетельствует тот факт, что указ императрицы Анны Иоанновны в отношении Лейбова был передан в дом самого Липмана через его служителя Авраама Самойлова (хорошо известного нам по материалам следствия по «Делу о сожжении...»). Само же разбирательство в отношении Лейбова так и не закончилось, поскольку главный фигурант дела был публично сожжен в 1738 г. вместе с русским капитаном морского флота Александром Возницыным, принявшим иудаизм.

³² РГИА. Ф.796. Оп.3. Д.1187. Л.22.

³³ Там же. Л.25.

³⁴ ПСЗ-1 Т.VII. №5032. См. также: Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени. СПб, 1874. С.7.

Приложение³⁵

Л. 1–2.

№ 3374 Подано 28 дня ноября 1722 года
записано предложить в доклад по собственному важным дел ре-
порту без всякаго медления

Святейшему правительствующему Синоду доношение³⁶

С прошлого года, по взятии за его Императорского величества из польского короля города Смоленска и княжества Смоленскаго, утверждена была одна христианская благочестивая вера во всем княжестве Смоленском, а жидовская поганая вера искоренена была без остатку. И то благочестие было без помешательства разных вер многие годы. А бывше в Смоленску вице губернатор князь Василей Гагарин допустил в кабацкие и в таможенные откупа и во всякие торги в той Смоленской правинции из за литовского рубежа жидов, которые з женами и з детьми меж христианского народу размножились и, живучи в Смоленске и в уездах той правинции, старозаконом своим благочестию чинят в простом народе смуту и прельщения, выхваляя свою веру правдивой, а христианскую веру ругают, поставляя не в веру и привращая к своей вере простой народ, они шабуть свой по своей вере содержат твердо. В субботу денег за свои промыслы не принимают и ничего не работают, аще в воскресенье и другие Господни Светлые и Богородичные и нарочитых святых праздников уничтожают всякими промыслами, с простым народом христианского закона торгуют и на всякую работу в те дни нанимают, и многие христиане, смотря на их проклятое прельщение, слушав их, работают не токмо в вос-

---

³⁵ В публикации представлена лишь одна сторона – православная, тогда как о второй стороне – еврейской, шла речь в статье. Подобный перевес объясняется несколькими причинами. Во-первых, жалобы смолян многочисленны и весьма разнообразны по содержанию. Встречная еврейская жалоба является лишь ответом на предъявленные обвинения из первой жалобы Шилы и Паскина, она весьма кратка и не содержит никаких подробностей о специфическом «еврейском» взгляде на своих православных соседей. Автор считает необходимым подчеркнуть, что представленное «одногососье» не является намеренной попыткой выносить оценочные суждения: публикация документов носит исключительно научный характер.

³⁶ В публикации сохранена орфография оригинала. Знаки пунктуации расставлены в соответствии с нормами современного русского языка.

К ИСТОРИИ ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

кресные дни, но во все праздники христианского закона и тем от церковей божьих во время священства на служение простой народ отвращают, а которой скот они жида бивши, ис тех усматривают негодное мясо, тое же буде у них впадают в чаны мыши в какие харчи, и те харчи продают православным христианам, не очищая молитвой, а простой народ у них пакуает, и тем души свои сквернят, за неведение скарעדства. Еще но и более той прелести весма нестерпимое повреждение православным христианам чиняца, что и спомянутых жидов Смоленского уезду, села Зверовичей таможенных и кабацких зборов откупщик Борох Лейбов ругает нашу христианскую веру и учинил препятя и спор в правоверности, построил в селе Зверовичи близ церкви Николая Чудотворца свою жидовскую школу, в которой басурманскую свою веру отправляет, и ото села Зверовичи священник Аврам, наставляя правоверных христиан на истинный путь к правоверию, всяко ему жиду в прелести ево и в строении школы противствуя, и в басурманской их вере укоризну чинил, и он жид Борох за оное помянутого священника бил смертно, и голову испроломал, и, сковав, держал в железах, и потом освободил. И от того ево жидова мучения оной священник с того времени одержим был болезнью и, не освободясь от своей болезни, умре, о чем того умершего священника жена и прошение на оного жидовца в Смоленску предлагала, и оной жид Борох, тако ж и протчие жида не токмо ради у оных своих промыслов в Смоленской провинции ныне обретаются, но более того ради под видом и того имеют, дабы им роспрозширить свое жительство в Российской империи, а прочих жидовских прелестей и всяких народу повреждениев ясно произвести за простотой и не знаем, но уповаем на нашего Святейшего Правительствующего Синода разсуждение и просим, дабы оных христианской веры противников жидов из Смоленской провинции выслатъ за литовский рубеж, а до откупов и ни до каких промыслов за оное их прельщение и явное разорение не допускать, дабы тем православную христианскую веру утвердить.

О сем доносят смоленские мещане Герасим Шила и Семен Паскин ноября «»³⁷ дня 1722 года. К сему доношению смоленский мещанин Андрей Тимофеев вместо Герасима Шилы, по своему прошению, руку приложил.

К сему доношению Семен Паскин руку приложил.

---

³⁷ День не указан.

Л. 12–13.

1723 года генваря 25 в ево императорского величества дворцовом селе Зверовичах города Смоленска перед Успенским соборным попом Никитой Васильевым да перед инквизитором дьяконом Григорием, под каковым села Зверовичей церкви Преображения Господня, при свидетельстве бывшего попа Аврамия Емельянова попова ево вдова Аксения Лукьянова дочь сказала: в прошлом де 1720м годе в октябре месяце покойный муж ее говаривал помногожды зверовицкому таможенному и кабацкому откупщику жиду Бороху Лейбову, что он учинил, ругаясь христианской вере, свою жидовскую школу близ церкви Николая Чудотворца, на мещанском дворе, которой жид Борох, мстя мужу ея, как он муж ея шел от церкви Преображения Господня, отслужи божью литоргию, перенял ево на дороге и заволок во двор и с протчими жидами и жидовками бил ево смертно, неведомо за что, и во многих местех испроломил голову, из которой головы руда шла в плат непрестанно, которую руду оне жиды, выжимав, хоронили себе неведомо для какова над христиан ухищрения, и битова ево приковал он Борох тесными железами к лавке за ногу, а цепь с колодкой взложил на шею, и в тех оковах держал сутки в трое, и по прошению того ж села попов, преображенского попа Ивана, да николаевских попов Ивана, да Ермолая, дьякона Ивана Савельева, да города Смоленска одегитрейского попа Василия, он жид Борох ево освободил, и по той свободе он, муж ея, поп Аврам болезнью одержим был, сколько дней она сказать не упомнит, и, не освободясь от той болезни, умре.

К сему розыску села Зверовичей престолоначальник преображенский поп Иван вместо вдовы попа Аврама Ксении по ее прошению руку приложил, при сем же подписуются во свидетельство:

При сем же розыске николаевский поп Ермалай Лукин во освидетельство руку приложил.

Села Зверовичей николаевский поп Иван свидетелем и руку приложил.

Села Зверовичей Преображения Господня дьячок Иов Ефремов во свидетельстве руку приложил.

Села Зверовичей мещанин Трофим Хабонов во свидетельстве сем руку приложил

Приписка: от купечества села смоленского инквизитеру³⁸.

---

³⁸ «Приказ протоинквизиторских дел» был образован в 1711 г. В обязанности инквизиторов входил надзор за епископами в их церковной, хозяйственной и судебной деятельности

Л. 13 об.–14 об.

Того ж числа Зверовицкой волости деревни Кобыляков крестьянская дочь девка Матрена, Емельянова дочь, при свидетельстве в разписку сказала: будучи де в найму у откупщика в селе Зверовичах у жида Бороха Лейбова, сего 1723 года генваря 23 дня против Богоявления Господня в субботу, умысля над нею не знамо для какова своего жидовского ухищрения, связав ее Матрену руки и ноги в дубину в своей светлице и повеся за переводной брус, держали с вечера до утреннего звона, и завешенную ее Матрену завернули голову, и булавками и иглами испуцали руду, а куды испуцали, того она за мучением не ведает, а как де она Матрена, не стерпя их жидовской муки, кричала, и оне жида, взяв ее, били дубиною и ботожьем связанную же, и в то время, услыша, того села Зверовичей мещанин Никифор Пекуров, пришед в то светлицу, ее Матрену от них жидов оборонил, и оне жида для притвору ему Пекуру говорили, будто у них корали пропали, которые корали и доньне у них жидов в целости.

К сему скаске и розыску села Зверович Преображения Господня дьячок Иов Ефремов вместо девки Матрены Емельяновой по ее упрощению руку приложил.

К сему розыску села Зверович мещанин Никифар Федоров вышепомянутых речей девицы Матрены крики ее слышал и связанной во своей светлице нашов, в том руку приложив.

К сему розыску успенского одигитриевского Зверовического <нрзб>

Села Зверович Преображения Господня дьячек Иов Ефремов вместо села Зверович откупчества фискала Мины Скугарева, что она девка Матрена в розыску своем при мне сказала, и свидетель Никифор Федоров, выслушав ее девкину речь, подписался, в том руку приложил.

в делах небольшой важности. Ликвидирован приказ в 1724 г., однако должности инквизиторов были упразднены лишь 25 января 1727 года. Подробнее об инквизиции в России см.: Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892.

Л. 14 об. (вторая половина листа)

Генваря 26го в Зверовицкой волости деревни Амшариново крестьянин Иля, Ермолаев сын Свидла <нрзб> в розыску при свидетельстве сказал: в прошлом де 1722м году перед Рождеством Христовым той же Зверовицкой волости в деревне Гребенях жид Гирша Азиков нашел в бочке в вине облезлых мышей, которое вино христианскому народу от него продавано.

К сему розыску розсылщик Григорий Хабона вместо крестьянина Иля Ермолаева по ево прошению руку приложил.

Л. 15

Генваря в 27 Зверовицкой волости деревни Платонова крестьянин Михайла Степанов сын Печкуров в розыску сказал: в прошлом де 1722м году, по указу из Смоленской земской канторы от камерира Аврама Яковлева сына Друкорта и по приказу Зверовицкого бурмистра Павла Пищули, повелено у откупщика жида Бороха в ходаках для выемки винной продажи и для посылок ево откупу зборов, и при том, будучи он Михайла служа при нем жиде и смотря на других, что от него христианам насильство бывает, видя оной страх во время их беззаконных праздников, принужден он, Михайла, и меж жидов в школе плегавство от носов их отирать, и детей их колыхал, и во время рождения их беззаконных детей он, Михайла, для припущения к сосцам матерним щенят добывал.

К сему розыску села Дерович мещанской сын Семен Федоров вместо крестьянина Михаила Печкурова по ево прошению руку приложил.

Собору диакон Мины Скугарева.

Л. 15 об.

Того ж числа Зверовицкой мещанин Василей Григорьев сын Горбаченок в розыску сказал при свидетельстве: в прошлом де 1722м году, а месяца и числа не упомнит, Зверовицкой откупщик жид Борох Лейбов в помянутой год в своем доме корову, которая аборалась ржи и не могла быть жива, зарезавши, оне жида оное мясо продавали христианскому народу, и с той роздутой коровы как высыпали из требуха тое рожь, оное он Василей видел, да он же Василей у него жида видел, когда сытят мед, и жена ево Борохова жидовка, помногожде омочая в сыту руку и хватая за свой срам, неведомо, для какова жидовского приговору, и паки она жидовка, свою руку обращая, влагает в то ж медовое и пивное питье.

К ИСТОРИИ ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

К сему розыску села Зверович мещанской сын Семен Федоров вместо мещанина Василья Гарбаченка по ево прошению руку приложил.

Л. 16.

1726 года генваря в 26 его императорского величества в дворцовом селе Зверовичи нижеподписавшиеся обыватели в розыску сказали: в прошлом де 1723 годе, в бытность смоленского вице губернатора князя Василея Ивановича Гагарина, жид Борох Лейбов взял на откуп село Зверовичи и волость, и в том селе, и в деревнях живучи, свою прелесную жидовскую веру оне жида выхваляют, а православную христианскую веру поставляют не в веру, и свои шабуси в своей школе содержат твердо, в субботу за всякие свои промыслы денег не примают, и ничего не работают, а в воскресные дни и господские и богородичные праздники уничтожают всякими промыслами с простым народом христианского народа.

[Подпись другим почерком] по что упрощен поп Григорий

Л. 16 об.–18 об.

Торгуют и на всякую народу в те дни нанимают, и многие христиане, смотря на них, прельщения слушая их, работают не токмо в воскресные дни, но и в праздники христианского закона и тем от церковью божьих во время священнослужения простой народ отвращают, а которой скот они бьют, из тех усматривая негодное мясо, охаркав и оплевав, говоря, что надлежит оное мясо сабакам есть, а продают христианскому народу, а из села Зверович никакой годной скотины не токмо на торг, но и про свой обиход бить запрещают. А именно того села Зверович мещанин Андрей Радионов сын Масленка в прошлом 1720м году убил он к светлой неделе небольшую годную скотину, и, про то проведав, откупщик жид Борох теснил ево Андрея и садил на цепь и, на ночь заклепя колодки, держал под караулом, и от того страху ево жида Бороха мирил, от чего ему убытку стало на полтину. Так же буде у них жидов мыши в суп да и в харчи, и в питье, и, того не очищая молитвами, христианскому народу после и харчи продают. И за неведением, от того наши христиане подлинно сквернились, а в пополнение смоленских мещан Герасима Шилы и Семена Паскина доношение, оне зверовицкие обыватели сказали, что де ругались они христианскому закону на первой недели великого поста и наипаче в страстную неделю чинят в селе Зверовичах свадьбы и вся-

кие бесовские игры, и тем простой народ смущают, а которые даны ему жиду Бороху ради вспоможения наши христиане³⁹ по указу камерира Аврама Яковлева сына Друкорта для выемок винной продажи и для посылок четыре человека, из оных деревни Платонова крестьянина Михайла Печкуренка они жида во время шабуса своего в школе заставляли себе плюгавство от носов своих утирать, а сами они жида руки свои неподвижно имеют. Да сын ево, Бороха, Волф села Зверовичи церкви Николая Чудотворца от глав покраденные железные связи села Зверович мещанину Лукьяну Кирилову отдал лизом <нрзб>. А когда у них жидов бывает праздник Пейсех целая неделя, и тогда оне жида с хором своих ржаной хлеб выгоняют, и ногами по земли котят за порог, и приговаривают: «хомец иди вон». И по тех в местах, где хлеб лежал, на столех камнем горячим кочают, и от того их беззакония в наших странах хлебу стал великой недород. А их жидов, живущих в селе Зверовичах и в волости, будет душ з двесте, окроме что в Смоленском уезде в Пневской слободе и по господам и по шляхте.

К сему розыску села Зверович Преображения Господня дьячек Иов Ефремов вместо откупчества фискала Мины Скугарева по ево упрощению руку приложил.

Села Зверович главный староста Иван Харитонов руку приложил. К сему розыску подьячный староста Трофим Хабон и вместо подьячного старосты Семена Климова, Андрея Семенова, Ивана Предухи, Константина Андреева по их прошению и себя руку приложил Степан Алексеев.

К сему розыску села Зверович церкви Николая Чудотворца поп Ермалай руку приложил.

<Села Зверович Кослаев Скоитель Иван руку приложил> [Строчка написана неразборчиво].

Тое ж церкви дьякон Иона руку приложил.

Села Зверович мещанин Иван Антонов вместо мещан Конона Григорьева, Самуила Адамова, Леона Трофимова, Ивана Иванова по их упрощению и вместо себя руку приложил, села Зверович мещанин Никифор Федоров писарь руку приложил.

К сему розыску села Зверович мещанской сын Семен Федоров руку приложил.

Села Зверович мещанин Никита Романов вместо мещанина Андрея Родионова по ево прашению руку приложил.

---

³⁹ В конце страницы подпись: «Той же волости крестьянин Никита Полканов».

Л. 19.

Генваря 23го числа Зверовицкой волости деревни Лебанич крестьянская жена Романа Богданова Домна Артемиева в розыску сказала: в прошлом де 1720м году была она Домна в селе Зверовичах в найме у откупщика у жыда Бороха Лейбова. И как она Домна в доме ево служила и видела, что жена ево жыдовка в светлице своей простым вином полоскала свое женское естество срамное и, поласкавши, понесла в том же стакане в свою камору, где у них вино держится.

К сему розыску села Зверович мещанской сын Семен Федоров вместо крестьянской жены Домны Артемиевой по ея прошению руку приложил.

Села Зверович мещанин Никита Романов вместо откупчества фискала Мины Скугарева, что она Домна в <нрзб> памянутая речи при нем в розыску своем сказала, в том по ево прошению руку приложил.

Л. 19 об.

Генваря в 28 дня села Зверович церкви Николая Чудотворца попы Ермолай Лукьянов да Иван Павлов, дьякон Иван Савельев в розыску сказали: в прошлом де 1721 году на Фоминой неделе во вторник, когда бывает у православных христиан поминовения по умершим душам на кладбищах, и села Зверович откупщик жид Борох Лейбов посылал на кладбище деревни Лебанич за хворостом. И во время отправления панихиды они жида всех православных христиан с кладбища согнали и приносные их кути, и блины, и оладьи, и в кувшинах домашних бражки разливали, и те блины и оладьи разбросали, и ногами потоптали, и крестьян с кладбища согнали. За то же оной жид Борох в селе Зверовичах в нынешнем 1723 году хоромным своим строением прямой путь перенял, куда изстари на праздник Богоявления Господня и на первый день августа от церкви Преображения Господня на водное освящение со крестом хаживали.

К сему розыску николаевской поп Ермолай руку приложил.

Иван Павлов руку приложил.

Той же церкви дьякон Иван Савельев руку приложил.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Хасиев Роман Сергеевич

менеджер Центра Карьеры МГИМО (У) МИД России

Кожановский Александр Николаевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра европейских и американских исследований
Института этнологии и антропологии РАН

Федотова Марина Сергеевна

аспирантка Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Бочарова Зоя Сергеевна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории ИППК
МГУ имени М.В.Ломоносова

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук, профессор, главный специалист
Российского государственного архива
социально-политической истории

Герасимова Виктория Александровна

аспирантка кафедры истории и теории культуры РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
chief producer of the Theatre «On the Boards»

Maksimychev Igor' Phedorovich

Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.),
D. Sci. in political sciences,
the chief researcher of the Institute of Europe, RAS

Khasiev Roman Sergeevich

Career Center manager,
Moscow State Institute of International Relations – University

Kozhanovskiy Alexander Nikolaevich

Ph.D., historian, the chief researcher of the Center
for European and American Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology

Fedotova Marina Sergeevna

post-graduate student of the European University, St.-Petersburg

Bocharova Zoya Sergeevna

D.Sci., historian, Professor of chair of history
of Institute for Further Education
of Human and Social Sciences Instructors,
Moscow State University

Rosental' Isaak Solomonovich

D. Sci., historian, Professor, head specialist
of Russian Record Office of Social-Political History

Gerasimova Viktoria Aleksandrovna

post-graduate student of chair of history and culture theory,
Russian State University for Humanities

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5
магазин «Ноосфера»
ул. Малая Посадская, 4а (вход в арку) тел. (812)498-61-71

по всей России

журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»)
Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru

В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79
E-mail: bushueva@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская,
22/21, стр.1-2

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
С 2012 года меняется подписной индекс журнала
по каталогу Агентства «Роспечать».
Теперь подписка на журнал годовая, индекс 83496.

Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru

ISSN 0869–8503
Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ
Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI» 2012.
Адрес редакции: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru <http://www.russia-21.ru>

Подписано в печать 3.02.2012. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №
Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

1.2012 january-february

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Turbulent Time _____ **6**

Geopolitics and International Policy Issues

Igor' Maksimychev

Russia–Germany–Europe.
From the Soviet Union to the Russian
Federation: Our Diplomats
in Berlin in 1990–1992 (the end) _____ **22**

Roman Khasiev

Asian Water Transit _____ **48**

European Parallels

Alexander Kozhanovskiy

Peoples of Spain: Ethnic Entities
or Regional Ones? _____ **64**

